

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!

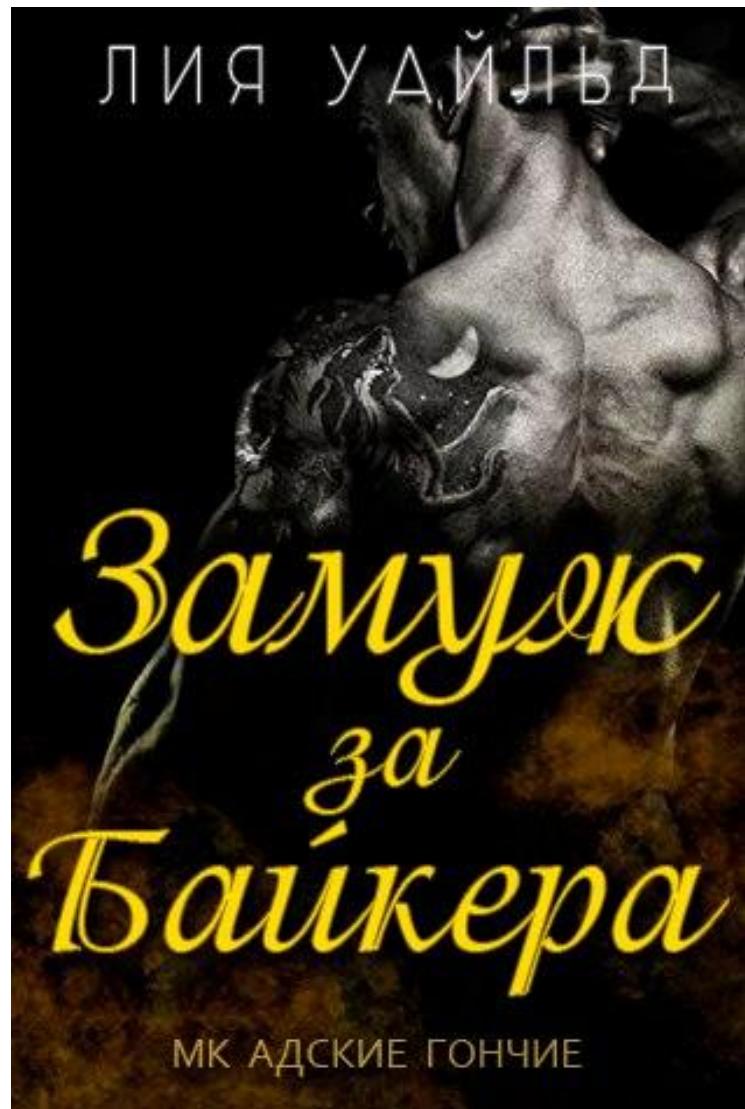
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.

Спасибо.

Лия Уайлд

"Замуж за байкера"

Серия: *вне серии*



Автор: Лия Уайлд

Название на русском: Замуж за байкера

Серия: вне серии

Перевод: Анастасия Кириченко

Бета-коррект: Ясмина

Редактор: Eva_Ber

Вычитка: Екатерина Лигус

Обложка: Таня Медведева

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

Я застряла у алтаря в своем самом худшем кошмаре. Все, чего я хотела, это выбраться из этой жизни. Никаких байкеров, никакой кожи, никаких преступлений. Но быть дочерью президента МК означает, что эта беда никогда не останется позади.

Когда на меня напал неизвестный мужчина накануне моего последнего семестра в колледже, я точно знала, где смогу найти ответы на свои вопросы. Мне нужно было вернуться домой к своему дорогому старому папе.

Но возвращение домой принесло мне намного больше, чем я рассчитывала. Все пошло не так раньше, чем я смогла это остановить.

Предательство на каждом шагу.

Враги приближаются.

Рак пожирает тело моего отца.

И когда он умирает, он оставляет мне свой последний подарок.

Брак, о котором я никогда не просила.

Теперь я смотрю сквозь белую вуаль на неуклюжего татуированного грубого парня.

Он выглядит так, словно хочет съесть меня или сломать, в зависимости от того, что предпочтительнее.

И все же, часть меня хочет отдать ему каждый дюйм моего тела.

Я просто хотела нормальной жизни. Но так не бывает, если ты замужем за байкером.

Данная книга содержит темные и тревожные темы и чрезмерную сексуальность, которая может быть не подойдет для некоторых читателей.

Глава 1

Если бы не дождь, Келли смогла бы увидеть мужчину, следившего за ней. Не помогало и то, что в восемь вечера было достаточно темно. С упорством орегонской девчонки и заносчивостью студента Келли тащила свое уставшее тело в отведенную ей квартиру при колледже, не подозревая о внедорожнике позади.

Как любая разумная женщина, живущая в двадцать первом веке и совмещающая несколько дел одновременно, она держала пальцами ключи, параллельно проверяя телефон. На экране светился значок, уведомляющий о трех непрочитанных сообщениях. Первое было от университета, сообщавшее девушке о том, что весь кампус, включая общежитие, закрывается с субботы, и что все, что останется в жилых помещениях, может стать собственностью школы.

— Да, — пробурчала Келли, — как будто вам и так мало.

Второе сообщение было от Моники, или, как любила называть ее Келли, «хорошего» соседа. Большая часть сообщения состояла из смайликов, однако Келли поняла, что темноволосая мегера наслаждается своей первой неделей дома и что Келли должна перестать скучать и скорей присоединиться к ней.

Однако Келли любила скучу. Ее детство было достаточно впечатляющим; скуча была желаемой перспективой и в обозримом будущем.

«Скоро буду, — написала она. — Постарайся не разбить чьи-нибудь сердца, пока я не приеду».

Третье сообщение было от Бренди, также известной как «плохой» сосед. Девчонка с дикими волосами, казалось, ненавидела купание, общение, но предпочитала употреблять в пищу то, что приготовлено другими. Сколько бы раз Келли не писала свое имя на чем-

нибудь, все равно кусочки, а иногда и вся еда просто исчезала. И Келли знала, что это не Моника. Эта девчонка употребляла только ликер, ликер и еще больше ликера.

«*Я ничего не оставила?*» — спросила Бренди.

Келли так не думала и не хотела проверять это. Из-за проблем с ванной у Бренди в комнате стоял ужасно неприятный запах.

«*Я посмотрю*», — ответила она и со вздохом аккуратно положила телефон в рюкзак, спасая его от дождя. Он лежал между «Анатомией собак» и четвертым изданием «Ветеринарией внутренних болезней».

Честно говоря, мысли Келли были совсем не о дожде. Он лишь слегка раздражал. Они не были о последнем куске лазаньи, спрятанном в холодильнике, и не о том, что квартира будет в ее распоряжении целых два дня. Наоборот, мысли были сконцентрированы на следующем семестре, который мог стать для нее последним, ведь она не знала, как будет за него платить.

Бережливость не помогала ей. «Насколько экономной еще я могу быть?» — думала она, делая первый шаг под дождь. Рюкзак тяжело свисал с ее плеча. Студенческая диета, состоящая из лапши, чипсов и венских колбасок, сделала ее тело тощим и маленьким, хоть и не по ее желанию. Каждая зарплата из «Ветеринарной клиники Чармикейла» откладывалась, и хотя она была благодарна за готовность доктора Кармайлала работать с ее безумным графиком в этом году, минимальная зарплата Келли не могла оплатить последние недели в колледже. Черт, она даже не могла оплатить ее учебники.

Сбережения Келли помогли оплатить большую часть семестра, но сейчас они закончились. Если бы она была очень прилежной, денег на ее сберегательном счете было бы достаточно, чтобы заплатить за ее долю в арендной плате и за книги, в которых она нуждалась, чтобы закончить образование. И тогда, если будет сопутствовать удача, она окажется на шаг ближе к открытию собственной практики.

Когда-нибудь на главной улице будет работать «Ветеринарная клиника Форстер», и это будет очень хороший день.

— Келли! Эй, Келли! Эй!

Молодой мужской голос прорвался сквозь ее мечты об офисе, носящем ее имя. Вздохнув, Келли остановилась под навесом своего многоквартирного дома, когда длинноногий парень подбежал к ней. Она почти могла видеть, как он говорит себе, что играет круто. Грант, первокурсник и главный шахматист, может стать крутым однажды, но сегодня не тот день.

— Как поживаешь? — дождевые капли собирались на его костлявых изможденных щеках, усиливая естественную бледность. Келли, такая же бледная, не имела права думать плохо о чьей-либо внешности. По крайней мере, она выглядела так, будто видела солнце один или два раза со дня своего рождения.

— Отлично, Грант, — ответила девушка, поднимая свой рюкзак выше. Дождь усиливался, и она хотела скорее попасть в уют макаронных изделий и сыра «Пармезан». — А ты как?

— Хорошо, хорошо, я... мм... Я собираюсь домой завтра. И хотел бы знать, занята ли ты сегодня. Может, мм, ну, мы могли бы потусоваться. Ну, типа того. Не знаю.

Он пытался идти вольготной походкой крутого парня, но у него не получилось. Келли постаралась натянуть вежливую улыбку, но она скорее была вымученной, а не милой. Грант не был парнем номер один, в котором были бы заинтересованы все девушки в колледже. Ее же светлые волосы и голубые глаза, по не зависящим от нее причинам, побуждали парней использовать различные способы, чтобы подкатить к ней.

— Извини, — сказала она. Как прекрасно, когда всего лишь одно слово может сбить спесь с человека. — Но я должна сбрить вещи. Я уезжаю рано утром. Так что...

— Куда ты едешь? — спросил он, пытаясь занять расслабленную позу, прислонившись к перилам. Возможно, это сработало бы, если бы вода, стекавшая с крыши, не капала на его плечи.

— Моника пригласила меня в их семейный домик у реки во Флоренции.

Он скрестил руки на груди.

— Звучит круто. Реально круто.

— Ага, — она дала ему время понять, что не принимает его предложение, но,казалось, что он не осознал этого. — Что ж, я пойду собираться.

— А, да. Хорошо. Я имею в виду... Я мог бы помочь. Я сильный, ты знаешь.

Глядя на его тонкие руки и грудь, совершенно лишенную каких-либо мышц, Келли задавалась вопросом, с кем он себя сравнивал. Девушка не была мелочной, и у нее не было проблем, чтобы встречаться с парнями подобного телосложения, но только в том случае, пока у них было что-то общее. К тому же Грант мог бы с энтузиазмом относиться к науке, но именно там все и закончилось. Он хотел быть проктологом. Было многое восемнадцатилетних ребят, которые хотели изучать задницы, но только Грант вывел это на новый уровень.

— Нет, спасибо. Я справлюсь.

— Нет, серьезно. Я могу помочь.

— Грант...

Он положил руку ей на плечо, и она отдернула его. Внезапно все, что раздражало ее, расстраивало и пугало, прорвалось наружу, и Келли рявкнула:

— Грант, может, мое айкидо и запущено, но я непременно воспользуюсь парой приемов, если ты не отвалишь.

Он посмотрел на нее одновременно со злостью и со смущением.

— Хорошо, только не будь сукой.

— Ага, — сказала она, размахивая ключами. — Видимо, я сука.

Он отвернулся от нее и стремительно ушел в холодную влажную ночь. Плечи парня были опущены, а дождь лил прямо ему на голову. Он выглядел жалко. Маленькая часть Келли чувствовала себя ужасно, но этого было недостаточно, чтобы пригласить его в свою квартиру.

Открыв дверь, она не заметила ничего подозрительного. Не заметила, когда большое мускулистое тело последовало за ней. Она была сфокусирована всего лишь на нескольких вещах: макароны, сборы и вечер, полностью посвященный себе.

— Келли Форстер?

— А?

Она успела повернуться лишь наполовину, когда почувствовала острое и холодное лезвие у своего горла. Капля воды мерцала, как бриллиант, спускаясь с лезвия по руке и дальше вниз. Это была мужская рука, сильная и с крупными пальцами. Вены выделялись под золотисто-коричневой кожей, которую вы могли получить с рождения или же от хорошей жизни. На одном из пальцев было семь татуировок — кресты на всю фалангу, набитые черными чернилами.

Она знала, что кресты означали убийства.

— Если ты подумываешь кричать о помощи, я перережу твоё маленькое горло. Поняла?

Она кивнула. На ее плечо упала прядь волос, слишком темная, чтобы быть ее собственной. Ее живота коснулась вторая рука. Девушка почувствовала, как все в ее желудке превратилось в свинец, и от этого стало больно и тяжело.

Рука согнулась, и Келли попыталась избавиться от захвата. Она слышала свое сердцебиение. Это был не бледный тощий мальчишка из колледжа. Это был мужчина. Она сопротивлялась настолько, насколько ей позволял нож, но его хватка была безжалостной. Он знал, как использовать свое тело, словно оружие. Девушка с трудом слогнула, что только заставило ее почувствовать лезвие гораздо сильнее.

— Открой дверь, — его голос был низкий, с латиноамериканским акцентом. — Медленно.

Келли засомневалась. Она не хотела пускать его в свою квартиру, где он мог сделать с ней намного больше, чем в подъезде. Недостаток места между ним и ее дверью, как бы то ни было, давал ему преимущество. Трясущимися, как листья на ветру, руками она открыла дверь в свои слишком пустые апартаменты.

Он по-прежнему держал лезвие у ее шеи, а свободной рукой вырвал ее сумку и бросил в коридор. Звук мокрого материала и тяжелых книг, проскользивших по полу, отозвался эхом.

— Пожалуйста, — зашептала она, представляя худшее. — Не делайте этого. Что вы хотите?

Девушка почувствовала его щетину своей щекой. Она где-то читала, что если человек не надевает маску, когда атакует тебя, то он собирается тебя убить. Хныканье вырвалось из ее горла. Келли осознала, что плачет, и не поняла, когда это началось.

— Шаг вперед, — прошептал он ей в ухо. Она могла почувствовать в его дыхании запах алкоголя и сигарет вперемешку. Келли почувствовала, как в горле поднялась желчь.

Калейдоскоп ужасающих картин каждого сенсационного заголовка, который она когда-либо читала, крутился у нее в голове, оставляя ее задыхающейся и дрожащей. Найдут ли ее утром? Будет ли она еще жива? Или ее найдут по кусочкам?

— Я не понимаю. Кто вы? — умоляла она.

— Чертова Зубная фея.

Девушка сделала единственный шаг в свою квартиру. Ее разум кричал «Беги!», но тело не слушалось. Она даже не могла вспомнить все, что изучала на своих тренировках по айкидо. Все было просто размытым страхом и неуверенностью.

— Продолжай идти.

Он закрыл за собой дверь. Единственный свет в ее квартире — от уличного фонаря. Тусклое мерцание, приглушенное дождем, мало было похоже на освещение. Хотя темнота помогала ей думать. Она не видела его, совсем. Просто расплывчатый контур большого тела.

Мужчина схватил ее за волосы и отдернул голову назад, обнажив длинную шею. Лезвие сначала оцарапало, а затем порезало ее кожу. Кровь, горячая и яркая, потекла по горлу. Келли извивалась, но он крепко держал ее.

— Пожалуйста, остановитесь.

— Скажи своему папочке, что ему следовало бы оборачиваться.

Мало вещей могли удивить Келли. Но ее отец? Она не видела и не разговаривала с ним с восемнадцати лет. С тех пор прошло уже семь лет. Она сделала все возможное, чтобы жить как можно дальше от него, чтобы он не вмешивался в ее жизнь, но это не имело значения. Оказалось достаточно резкого нажатия лезвия, чтобы это не имело значения.

— Я не разговариваю со своим отцом, — ей с трудом удалось это выговорить. Она надеялась, что это заставит нападающего уйти. Но нет. Его тело прижалось к ней сильнее, обволакивая ее ароматом дешевых сигарет. — Я не видела его несколько лет.

— Ага, стоит начать, сука, — рука на ее животе скользнула вверх. Она прищурилась. Сначала она подумала, что у его рубашки были короткие рукава, но взгляделась и поняла, что его рука украшена темными чернилами татуировок. Самая большая из них изображала Деву Марию с двумя ангелами, образующими защитное кольцо над молящейся святой. Крылья татуировки двигались, когда его рука остановилась прямо под грудью Келли. Он дернул своими бедрами, и ее желудок подпрыгнул к горлу.

«Нет, — подумала она, — только не это». Ей хотелось лишь уйти. Внезапно ее тело отреагировало независимо от разума. Руки легли поверх рук нападающего, которые держали ее под грудью. Сердце замерло, а бег крови по венам ускорился.

Он шептал слова, которые она не понимала и не хотела слышать. Она отвела бедра назад. Он воспринял это как приглашение, и его рука скользнула вверх. Девушка

отступила, и его тело качнулось вперед. Используя этот момент, она перебросила крупное тело нападающего через себя. Он упал.

Не дожидаясь, пока он придет в себя, она распахнула дверь и вытащила ключи из замка. У Келли было достаточно ума, чтобы прихватить свой рюкзак, а затем она полетела вниз по лестнице обратно в дождь. Автостоянка располагалась в паре кварталов от ее дома. Ее белый «Бьюик» мерцал под тусклыми огнями, как маяк безопасности.

Ледяная вода стучала по ее лицу, руки дрожали, когда девушка изо всех сил пыталась разблокировать дверь древнего авто.

Келли сунула ключ в зажигание и почувствовала дрожь рева машины. Она увидела, что дверь многоквартирного дома открыта, одинокий фонарный столб высвечивал силуэт человека, стоящего в тени. Она направила машину в противоположном направлении.

Чем дальше она отъезжала от колледжа, тем спокойнее себя чувствовала. Слезы испарились, и ее сердце замедлилось до нормального ритма. Постепенно дрожь ужаса сменила дрожь гнева. Ее кровь вскипела. В ее собственной квартире. В ее доме. Кто-то напал на нее и из-за чего? Из-за ее проклятого отца!

— Черт, — зарычала она, ударяя по рулю. — Черт!

Под визг шин Келли направилась в круглосуточную закусочную. Часы показали 23:00, но все места были заняты. От этого она неожиданно ощутила нечто вроде комфорта. Как правило, Келли предпочитала компанию животных людям, но одиночество прямо сейчас ее не привлекало.

Она дождалась меню и стакан воды, прежде чем достать телефон.

— Папа? — сказала она, когда услышала, что кто-то поднял трубку. — Нам надо поговорить.

Глава 2

Древний «Бьюик», словно белый призрак, ехал по пустым улицам маленького американского городка. После четырехчасовой поездки от кампуса в пригород его двигатель мурлыкал, как страдающий астмой котенок. Знакомые очертания домов и торговых центров окутали ее. Улицы, названные в честь деревьев, цветов или когда-то известных людей, хорошо освещались, а дома были темными, так как было почти два часа утра. Где-то между Поплар и Оуком (Прим. *poplar* – тополь, *oak* - дуб) была Дхалия Лейн. Со вздохом Келли повернула направо.

Она считала почтовые ящики, которые проезжала. Хотя это было лишним. Она жила здесь восемнадцать лет, и даже если каким-то образом забыла бы адрес, то узнала бы нужный дом по пяти припаркованным «Харлеям». Это точно отцовский дом. Дверь, ведущая в гараж, была открыта, и свет освещал улицу.

Трава, которая через три дня будет нуждаться в покосе, была зеленой. Обшарпанный садовый гном занял место в заросшем саду. Соседи, должно быть, были в ужасе.

Ашленд, штат Орегон, был маленьким пятнышком на карте, запятанным между живописными горами и менее живописными автомагистралями. С населением в двадцать тысяч он официально считался городом. Здесь была одна средняя школа, два супермаркета и двадцать церквей. Идеальное место, что растить детей. А если вы отец Келли, то и вести криминальную жизнь.

Келли направилась к подъездной дорожке, любезно пустой, и сделала еще один глубокий вдох, прежде чем выключить двигатель.

«Ты можешь сделать это. Точно можешь. Не хочешь, но можешь».

Она не выходила из машины. Внезапно визит сюда показался ей плохой идеей. Худший.

Сотни воспоминаний о годах, проведенных дома, навалились на нее. Как полицейские сидели на улице, пока она пыталась покататься на своем новом розовом

велосипеде Барби. Как на ее седьмой день рождения не пришли друзья, потому что их родители боялись пускать их в дом преступника. И самое любимое, когда на выпускной ее парень не дошел до двери, так как был сильно напуган всем тем, что слышал об ее отце. Парень оставил ее, потому что отец потребовал, чтобы он подошел к двери и встретил ее.

Это то, что происходит, когда ваш папа — президент местного печально знаменитого мотоклуба «Адские гончие». Те годы не были нормальными, и Келли не могла назвать их счастливыми, но это до сих пор было ее детством. Она хотела оставить все это позади, но что-то не сработало.

Резкий стук в окно вытолкнул ее из задумчивости. Ей не надо было видеть лицо, чтобы понять, что это человек отца. Кожаный жилет с эмблемой, изображающей собаку, окруженную пламенем, был немного дешевым. Она вытащила ключи из замка зажигания и вышла из машины.

— Келли? — голос звучал приглушенno через стекло, но знакомо. — Это ты?

— Привет, Юлий.

Конечно, это должен быть он. Единственный из всех парней, кто мог выйти и проверить как она. Не вечно взволнованный старик Вик или дружелюбный Чарли. Она могла бы справиться с этим, может, даже получить удовольствие, но это? Она опустила взгляд на свою бесформенную толстовку с капюшоном и потертые джинсы. Такой вид был идеальным для последней экзаменационной недели и прогулки под дождем. Но это не то, в чем Келли хотела бы быть одета при новой встрече с Юлием.

Он был тем, с кем она хотела пойти на выпускной. Образ бедного Гранта под дождем заполнял ее разум, и ироничность ситуации, в которой она оказалась, не покидала ее.

— Нихрена себе, ты выросла, — его шок был явным и почти болезненным.

Свет из гаража размывал все его черты, но Келли не нужно было видеть его. Она знала, как он выглядит: от корней его черных волос и широких плеч до длинных ног.

Юлий был из тех парней, с кем Келли должна была расстаться из-за своего отца, и тем парнем, который, как говорила ее мама, принесет только проблемы. Не имело значения, кто что скажет или подумает. Она была подавлена настолько, насколько могла быть девушка, еще верящая в то, что Ромео и Джульетта — до сих пор любовная история.

Келли потратила приличную часть своих подростковых лет, восхищаясь жесткой линией его челюсти и вечной легкой щетиной. Она могла бы представить шрам, идущий от его плеча к локтю с закрытыми глазами. Она даже наслаждалась видом татуировок, которые постоянно появлялись на его руках. Даже тогда он казался взрослым и большим, но за то время, пока она была в колледже, он стал еще больше.

— Да, — она скрестила руки, стоя в толстовке, которая до сих пор пахла дождем и долгой поездкой. «Прекрасно». — Да, действительно. Слушай, я хотела бы зайти внутрь. Хорошо?

— Да, конечно. Извини. Ты в порядке?

Он подошел ближе, покинув круг гаражного освещения, и вдруг она увидела его карие глаза. Он был так же красив, как она и запомнила: все те же угловатые черты и волевой подбородок. Но появился новый шрам, он рассекал щеку. По форме шрам напоминал кошачий хвост, нависающий над челюстью и заканчивающийся у подбородка. Это должно было бы испортить его идеальную внешность. Но нет.

— Да. Я в порядке. Только устала, хочу есть, неплохо было бы принять душ, сменить одежду, и, возможно, я хорошенъко поору на своего отца.

Неважно, что он хотел сказать — он был прерван гавканьем. Голова Келли повернулась в тот момент, когда из гаража выскочила огромная собака, плотная, с шерстью разных оттенков серого и коричневого. Его темные уши свисали по бокам важной морды. Он выглядел как мастифф, бульдог и самая большая крыса в мире одновременно. И это была самая уродливая дворняга, которую она когда-либо видела.

— Ну, привет, — Келли сразу опустилась на одно колено, когда собака засопела с любопытством. — Что это за красивый парень?

— Это Цезарь, — сказал Юлий. — Он... мм... он мой.

Она подняла глаза на него, ее золотистая бровь приподнялась.

— Ты назвал свою собаку Цезарем? Как Юлий и Цезарь?

— Да, ну, тогда это казалось хорошей идеей, — он выглядел смущенным. — Не знаю.

По привычке она провела рукой по собаке, обследуя. Он с радостью плюхнулся на бок и подставил свой круглый живот. Короткий кончик хвоста вилял так сильно, что оставил мелкую бороздку в земле. На подбородке и плече пса были шрамы. Девушка долго смотрела на них. Они выглядели так, как будто были получены в борьбе. И все же, все эти шрамы были старыми и хорошо залеченными.

— О нем хорошо заботятся, — она последний раз потрепала его, и он плюхнулся обратно.

— Он хороший пес, — Юлий гордо поднял подбородок.

— Но он привык драться, — сказала она, проводя пальцем по одному из старых шрамов.

— Больше нет, — сказал Юлий, опускаясь на колени рядом с ней. Его тон был уверененным. Он повторил. — Он хороший пес.

Байкер в шрамах оказался достаточно близко к ней, чтобы она могла почувствовать тепло, которое исходило от его тела. Это было приятно, приятней, чем она хотела признавать. Сильное плечо коснулось ее руки, когда он провел пальцем под подбородком Цезаря и почесал его. Потребовалось усилие воли, чтобы не опереться на него.

Юлий всегда вызывал у женщин похотливые мысли. И дело не в его привлекательности, которая бросалась в глаза. Что-то притягивало к нему, стоило лишь оказаться поблизости. Он, как и Цезарь, обладал мощной силой истребителя, скрытой под маской привлекательной внешности. Хотя для Келли все было не просто и без того. Несмотря на то, что он был милым, он до сих пор был одним из друзей ее отца.

— Я уверена в этом! — она почесала мускулистые бока зверя, чем привела его в восторг.

— Ты всегда была добра к дворнягам, — Юлий усмехнулся и склонил свою голову к ней. Его губы были достаточно близко, чтобы она могла почувствовать его теплое дыхание на своей брови, когда он продолжил, — к кошкам, даже к птицам. Детка, я помню, что ты притаскивала домой каждое бездомное животное, что находила.

Она рассмеялась и покачала головой. Он откинулся на корточки, и вдруг она снова смогла дышать. Стресс стал потихоньку уходить.

— Ну, это компенсировало отсутствие братьев и сестер. По крайней мере, немного.

Он посмотрел на нее.

— У тебя был я.

— Юлий, ты никогда не был моим братом.

— Слава Богу.

— Я не в этом смысле, — его усмешка была наполнена мальчишеским обаянием и смущением. Он снова толкнул ее плечом.

— Но я понимаю.

Их глаза встретились, и она снова почувствовала удар, который поразил ее всей силой, словно она по-прежнему была девочкой-подростком. Кровь загудела в венах. Их пальцы натыкались друг на друга, когда они рассеянно гладили шерсть животного. На долю секунды Келли подумала, что увидела, как его взгляд блуждает по ее губам. Она почти наклонилась к нему.

Почему она не должна целовать его? Сегодня была бурная ночь. Окей, конечно, он был одним из людей отца. И да, также он был преступником, но это же Юлий, и он не

собирался причинять ей боль. Может, быстрый перепих поможет ей избавиться от страха? Она вздохнула. Плохое решение все равно остается плохим решением.

К счастью, дворняга выбрал нужный момент, чтобы напомнить о необходимости гладить его. И она рада была угодить.

— Я имел в виду всех нас. Клуб, понимаешь? — он оглянулся назад.

— Ага, — сказала она, уверенная в том, что это лишь ее воображение. Все из-за стресса. Она опустила взгляд вниз. — Я знаю.

Несмотря на любовь ко всем животным, у Келли было особое нежное чувство к большим страшным дворнягам, и Цезарь был, пожалуй, самым большим, самым страшным из всех, с кем она когда-либо сталкивалась. Когда она закончила осмотр и продолжила гладить его, он откинулся на лапы, вскочил на ноги и плюхнулся на нее.

— Ты ему нравишься.

— Ну, меня легко полюбить, — она похлопала ладонью по широкой голове собаки.

— Я должна пойти внутрь. Извини, щеночек.

— Он не щенок, — возразил в защиту своего питомца Юлий, вставая и засовывая руки в карманы джинсов.

— Все собаки — щенки, все, — она старалась говорить так же легко и весело, но напоминание о том, для чего она здесь, выбивало ее из колеи. Девушка вцепилась себе в плечи и постаралась вернуть суровое выражение лица. Ее отец не избежит этого. — Теперь, если ты меня извинишь...

Юлий положил руку ей на плечо, когда она проходила мимо него. Она чувствовала запах металла, собаки и грязи на его коже. И это не было не слишком привлекательное сочетание. Она и не думала, что мужчины заинтересуют ее так скоро после нападения, но это же Юлий, ее подростковая влюбленность, так что ностальгия предоставляла ей свободу действий. Жар от его руки распространялся вниз. *Что вообще происходит с ее телом сегодня?*

— Послушай, Келли, насчет этого. Я понимаю, что ты злишься...

— Злюсь? — переспросила она, отдернув плечо из его хватки и довольно сильно покачав головой, от чего ее конский хвост затанцевал. — Нет, Юлий, я злилась после нападения. Я злилась, смывая кровь со своей шеи и объясняя все какой-то благодушной официантке. Я злилась, осознав, что мне придется бросить все в своей квартире и возвращаться сюда. Я так зла.

Цезарь переводил взгляд с одного человека на другого, пытаясь понять, почему веселье закончилось. Его уши поднялись в беспокойстве — голоса звучали слишком громко. Он сделал шаг к Юлию.

Мужчина встал перед ней с кошачьей грацией. Как она могла забыть, с какой скоростью может двигаться это большое тело?

— Я понимаю, правда. Просто отложи все на время. Твой отец прошел через многое. Я серьезно.

— О да, я уверена в этом, — огрызнулась Келли, скрещивая руки на груди. — Конечно, ведь так сложно быть преступником.

Юлий сплюнул в сторону. Его невероятные глаза сильно прищурились, и он дернул подбородком в ее сторону.

— Откуда ты знаешь? Я имею в виду, не похоже, что ты беспокоишься, ты никогда не звонишь.

— Ты что, моя мама?

— Нет, но я знаю, что твой отец проходит через многое. Все, о чем я прошу, это быть с ним полегче, пока ты не услышишь все. Это не так много, правда?

Она толкнула его.

— Без разницы.

Это больше было похоже на временную капсулу, чем на дом. Гараж был забит разной механикой и рождественскими украшениями с 80-х годов. Боковая дверь по-

прежнему имела смещенный шарнир, поэтому ей пришлось немного подтянуться, чтобы войти. Ностальгия поразила ее, как удар топором.

Все было так, как она помнила. Коридор между гаражом и гостиной был наполнен картинами, которые в большинстве были ее собственными. Это было похоже на хронику ее первых восемнадцати лет, сделанную на полароиде: школьные картины и портретные фотографии. Ее мать, блондинка скандинавского типа, как и сама Келли, была на картинах, сделанных в первое десятилетие. Для Келли не было потерей, что с тех пор, как она пошла в колледж, здесь больше не появилось новых фотографий.

Она остановилась у самой большой. Там была она, одиннадцатилетняя или двенадцатилетняя, стоящая рядом с научным проектом. Она сияла от гордости. Ее отец стоял по другую сторону классной доски, настолько высокий, что едва вписывался в фотографию. Все в ее отце было больше, чем жизнь, от смеха до аппетита. Он распоряжался всеми, как король.

«Король, — подумала она. — *Не слишком далеко от правды*».

Гостиная была в полном беспорядке, но и это не стало для нее сюрпризом. Ее отец никогда не был прилежным хозяином. Все горизонтальные поверхности были украшены чеками, старыми газетами или бумажными тарелками. Она не увидела только одной вещи — пустых пивных банок. В воздухе не было даже едва ощутимого запаха сигарет. Это странно.

Единственный алкоголь, который она могла видеть, держали в руках члены «Адских гончих», которые заняли, казалось, все места в гостиной. Вот это не странно. Келли задавалась вопросом, случалось ли им отрываться от важных дел в два часа ночи, чтобы ответить на любые вызовы ее отца. Единственным пустым местом был отцовский «Лэй-Зи-Бой» (*Прим. Lay-Z-Boy, кресло-трансформер*). Когда она была маленькой девочкой, то думала, что это трон. И в двадцать пять лет она по-прежнему так думала.

Все уставившиеся на нее лица были знакомы, только на несколько лет старше, как и вся форма, которую они все носили. Джинсы, различающиеся уровнем комфорта и белые футболки. Крепкие сапоги и прочные ремни были почти всех оттенков черного. Могли бы вы стать крутым байкером, если бы вместо черного носили коричневый? Жилеты из кожи или денима завершали ансамбль. Келли думала, что они выглядели, как сброд из какого-нибудь криминального телевизионного шоу. Некоторые заулыбались, увидев ее, и поприветствовали. Некоторые приветствия были теплее остальных.

— Келли, девочка! — особенно большой человек лет пятидесяти, с бородой настолько длинной, что можно почти засунуть ее ему за пояс, поднялся на ноги и крепко обнял ее. Его улыбка была шириной в милю, и он даже не пролил свое пиво, когда повернулся к ней. — Черт, сладкая, только посмотри на себя.

— Привет, дядя Чарли, — с трудом ответила она, когда ее дыхание вернулось в легкие. Несмотря на все это она поняла, что улыбалась ему. — Как дела?

Он отпустил ее и наклонился настолько, чтобы увидеть рану на ее шее. Его губы, частично спрятанные в бороде, сжались в неодобрительную линию.

— Я здесь, чтобы спросить тебя о том же. У меня есть глаза, не так ли? И я вижу, что ты потрясена, — он подождал. — И слишком худая.

Был хор мужского смеха и несколько благородных шуток на ее счет. Из всех дружков-байкеров ее отца дядя Чарли был самым любимым. Он был высоким, как дуб, и худым, как горлышко пивной бутылки, которую он держал. Он всегда был рядом, когда отец не мог, что было довольно часто.

— Я буду в порядке, — сказала она, похлопав его по небритой щеке.

Его хмурый взгляд превратился в усмешку. На его голове стало гораздо меньше волос, а на брови она заметила какие-то темные пятна, которых раньше не было.

Как давно она ушла?

— Проклятье, конечно, будешь, — он обнял ее и подтащил к худой груди.

На мгновение она почувствовала себя в безопасности, как со старым другом. Слезы, горячие и совсем нежеланные, потекли по ее щекам. Она не обняла его в ответ, но ее кулаки разжались. Он обнял ее другой рукой, и она начала дрожать.

— Я не знаю, кто это был.

Он кивнул и отступил, держа ее плечи в сильных руках.

— Эй, мы разберемся.

— Черт, да.

Голос отца был таким же грубоватым, каким она его помнила, но Келли услышала в нем неожиданную усталость. Она ненавидела это. Она не хотела видеть его усталым, она хотела, чтобы он был таким же грубым, глупым и отстраненным, каким он всегда был. Тем, с кем она сражалась сотни раз.

— Почему люди нападают на меня, если...

Злые слова застряли у нее в горле, когда она обернулась. Келли пришлось смотреть вниз, чтобы увидеть отца. Коляска, в которой он сидел, скрипела, когда он маневрировал перед ней. Отойдя от шока, она увидела кислородный баллон, прикрепленный к ручкам позади.

— О, Боже, — прошептала она, — что случилось?

Он выглядел как сморщенная версия самого себя. Волосы исчезли. Кожа была слишком натянута на лбу и дряблая у рта. Дыхательная трубка тянулась по его телу, которое использовалось для того, чтобы выдержать здоровенный живот, но не больше. Его кожаный жилет, который носился так же удобно, как и шелк. Жилет украшали нашивки «Президент» и ниже «Первая 7».

— Как прошел семестр? — Райли Форстер спросил это, как любой другой отец спрашивает своюнюю дочь об учебе в колледже. Что было бы прекрасно, будь они просто отцом и дочерью. Он положил локти на подлокотники и выпрямился настолько, насколько ему позволило его тело. В карих глазах читалась боль. Если остальные и видели это, то ничего не говорили.

Келли не надо было услышать слово «рак», это была написано на его лице. Два года отчаявшаяся семья привезла старую гончую собаку в кабинет к доктору. Кислый запах химиотерапии никогда не забывается. Ее отец был слаб именно из-за этого. Его голова и лицо облысели и сверкали, а челюсть слабо провисала к подбородку.

— Ответь мне, — настаивала она. Келли скрестила свои руки на груди, но это никак не облегчило злую и холодную боль, которая неожиданно пронзила ее. Это не мог быть ее отец. Он был живее всех живых и вдвое сильнее. Не этот старик. — Что случилось?

— Рак, — сказал Юлий с противоположной стороны комнаты. Он сунул руку в темные волосы и покачал головой, когда Цезарь влетел в комнату, останавливаясь, чтобы понюхать всех. — Рак легких.

— Все эти сигареты, в конце концов, доконали меня, — Райли Форстер попытался посмеяться, но это закончилось слабым кашлем. Боль в груди переросла в настоящее мучение.

Спустя мгновение Юлий прошелся по комнате, как большая кошка в коже и джинсе, и плюхнулся на старый «tron» отца. Он обращался с изношенной коричневой кожей с легкостью и комфортом того, кто уже давно там сидел. Цезарь прыгнул, найдя способ лежать на длинном теле Юлия. Оба уставились на нее.

Это показалось ей странным. Ее отец всегда был тем единственным, кто сидел в этом кресле. Она услышала скрип инвалидного кресла и подумала, что, может быть, сейчас у него новое кресло. Келли почувствовала боль в животе.

— Как давно вы знаете? — спросила она.

Ее отец не встречался с ней глазами.

— Какое-то время.

Она не хотела задавать вопрос, который крутился у нее в голове. Она хотела злиться на него, кричать, задать все вопросы, вызванные недавно перенесенным страхом, но ее рот предавал ее.

— Как... как давно?

Он не отвечал некоторое время.

— Келли, я отвечу на все вопросы, но сейчас у нас есть другие вещи для обсуждения.

Она хотела поспорить. Хотела кричать о том, что нет ничего важнее его здоровья, но эти слова не могли слететь с ее губ. Она опустилась на диван, заняв место Чарли. Изношенная ткань продавилась под ней. Она осмотрела хорошо знакомую гостиную и почувствовала большую потерю. Она взглянула на своего отца, сидящего в инвалидном кресле, и его дыхание было самым громким звуком в комнате.

— Келли, девочка, — голос дяди Чарли был таким нежным, каким она его прежде не слышала. — Почему бы тебе не рассказать нам, что произошло?

Он дал ей холодную банку содовой. Она не пила, но это помогало. Она рассказала все, что смогла вспомнить. Как она была на пути домой из клиники. От Гранта до нападения и остановки в закусочной, чтобы позвонить отцу. Келли предположила, что заплачет, когда расскажет об этом. Но она не сделала этого. Она вылила это с бесчувственной отстраненностью жертвы, находящейся в состоянии шока.

— Ну? — спросила она в конце. — Что происходит?

— Большинство касается дел клуба, — начал ее отец.

Злость вновь поднялась внутри нее, сжигая чувства холода и опустошения. Ее голова начинала болеть от множества нахлынувших и уже пережитых за такой короткий промежуток времени эмоций.

— Ты шутишь что ли?

— Келли, не делай это труднее, чем должно быть. Мы должны знать.

Келли не знала, кто именно заговорил, но ей было все равно. Этот день переходил все возможные грани, и она точно не собиралась слушать чье-то дерзко о том, как она что-то усложняет.

— Я ничего не усложняю, — она поднялась на ноги. Ее руки сжались в кулаки настолько сильно, что девушка чувствовала, как концы ее коротких ногтей впивались в ее собственные ладони. — У меня было все отлично, спасибо большое. Я ходила в колледж, расслаблялась и планировала свое будущее. Обычное дело. Я занималась своими делами и мечтала о лазанье, когда кто-то напал на меня, — она ненавидела, что ее голос пронзительно произносил каждое выходящее слово.

— Келли, — сказал отец нежным голосом. — Мне жаль.

Она была ошеломлена мгновенным молчанием. Как-то неправильно. Райли Форстер никогда не приносил извинений: никому и ни за что. Он был лидером «Адских гончих», и его слово было законом, по крайней мере, тем, что понималось под законом в мотоклубе. Он не извинялся, когда пропустил ее первую научную ярмарку, когда умерла ее собака и даже тогда, когда ушла ее мать. Насколько все плохо?

— Что происходит?

— Я не могу рассказать тебе все для твоей же безопасности, — ее отец поднял руку, когда Келли открыла рот, чтобы спорить с ним. Кожа на ладони была такой тонкой и болезненной, что она могла видеть его вены. — Но я могу сказать, что не ожидал, что кто-то причинит тебе боль. Иначе сразу же позвонил или еще что-нибудь.

— Еще что-нибудь?

— Черт возьми, Келли, не знаю. Уходя, ты прекрасно дала понять, что не хочешь быть частью моей жизни. Я думал, что стоит, ну, знаешь, уважать это.

Это была правда, и все знали это. Келли уже все упаковала в тот день, когда окончила школу. С письмом о зачислении в колледж в одной руке и небольшой суммой

денег, которые ей удалось скопить, работая неполный рабочий день, в другой, она уехала на закате, когда все остальные праздновали окончание средней школы.

— Отлично, — сказала она. — Замечательно, но ты должен был мне рассказать, что что-то произошло. Когда ты был... когда выясняли твой диагноз.

Он рассмеялся, но смех был мрачный.

— Да, конечно. И что бы ты сделала? Помчалась бы домой, чтобы помочь отцу, который отсутствовал в твоей жизни? Бросила бы учебу из-за негодяя, который не беспокоился, чтобы появиться в ней? Я так не думаю. Ты оставалась в стороне и жила для себя. И я чертовски уверен, что не собиралась это прекращать.

— Не тебе следовало делать этот выбор.

— Да, черт возьми, — вмешался Юлий. Он откинул ноги, сбрасывая собаку с колен. — Мы все сделали этот выбор. Ты ушла к лучшей жизни.

Келли снова покачала головой, но ничего не сказала. Что она могла сказать? Они были правы. Она ушла. Она разорвала с ними связь, со всем этим городом и людьми в нем. Тогда это казалось идеальным решением. Что ждало ее в этом городе? Ничего, вот что. Может, она ошибалась.

— Да, — медленно сказала она. — Я так думаю. Я только... Мне не нравится не знать что-то. В смысле, я до сих пор не знаю многоного. Что происходит? Почему я?

Юлий и Райли обменялись взглядами. В этом единственном обмене заключалась долгая беседа, и Келли почувствовала себя незваным гостем. Она всегда чувствовала себя аутсайдером в обществе членов клуба. Опять же, как она могла конкурировать с сыном, которого всегда хотел папа?

— Келли, как много ты знаешь о клубе? — спросил Райли.

Келли сделала вдох. Это был странный вопрос, но она чувствовала, что должна ответить.

— Не много... не очень много. Я не знаю. Я имею в виду, я знаю, что родители моих друзей боялись отпускать их ко мне в гости. Мальчики не встречались со мной из-за моего «засранца» отца, — она закатила глаза.

Юлий усмехнулся:

— Ты встречалась со слабаками.

— По крайней мере, они не были преступниками, — стрельнула она в ответ.

Он улыбнулся ей:

— Может, тебе это было необходимо.

Она закатила глаза, удивляясь, как могла думать о поцелуе с ним? Это реально было двадцать минут назад?

— Этого было предостаточно, спасибо большое.

Вмешался Райли:

— Да, я знаю, что тебе было непросто. Я не хотел усложнять твою жизнь, ты знаешь.

— Знаю, но это не означает, что так и было, — девушка притянула колени к груди и вздохнула. — Хотела бы я сказать, что мне стало легче, — ее отец опустил голову, словно ему стало стыдно, чего она никогда не видела.

Насколько все плохо? Извинения? Стыд? Понимание? Это не то, что она привыкла видеть в отце. Что произошло за последние годы, сделав его другим, не таким, каким она его помнила. Она посмотрела на его кресло и кислородную трубку.

— Что случилось? — спросила она.

Чарли прочистил горло и уселся впереди, чтобы заговорить впервые с тех пор, как она начала рассказывать свою историю.

— Мы абсолютно уверены, что парень, который напал на тебя, был одним из ребят Каина.

— Каин? — спросила она. Она пыталась найти в своей памяти хоть какое-нибудь упоминание этого имени и не смогла. — Кто такой Каин?

— Наемный убийца наркотического картеля, мечтающий стать лейтенантом, — продолжил Юлий. — Кубинский американец во втором поколении, утверждающий, что у него есть семья в высшей лиге. На пути к тому, чтобы серьезно относиться к этому вопросу...

— Закрой свой рот, — огрызнулся Райли. — Ей не надо знать все.

Наемный убийца был лейтенантом в командной цепи картеля. Келли терзала свой мозг, чтобы вспомнить ту малость, которую знала об организованной преступности. Наниматель обычно властвовал над определенной сферой, и некоторые люди под ними выполняли приказы и марали руки. Это было похоже на президента филиала, и у таких людей были общие дела с ее отцом.

Келли откинулась на спинку дивана и содрогнулась. Это было раздраженное движение, и она знала это. Но было два часа ночи, и весь ее мир перевернулся, поэтому она имела право на небольшое раздражение.

— Да, держание меня в темном неведении очень помогло.

— У девочки свое мнение, — ответил кто-то. Она не подняла глаза, но она была уверена, что это большой сварливый Вик.

Произошло молчаливое заседание совета, на который Келли не позвали. Она позволила им это. Это дало ей достаточно времени, чтобы привести свои мозги в порядок. Кинув взгляд на сотовый телефон, она увидела, что у нее нет звонков, и был уже четвертый час утра. Она начала засыпать.

— Келли? — голос дяди Чарли вернул ее обратно. — Не хочешь прилечь, сладкая?

— Нет, — сказала она, — еще нет. Еще не все сказано и сделано.

— Вик здесь, чтобы попросить тебя описать нападающего, — подсказал Юлий. Он внимательно наблюдал за ней с долей озабоченности. На мгновение она снова стала девочкой-подростком, и ее внутренности сделали сальто. Она избавилась от этого чувства. Ей нужно было спать. Ее мозг не будет перегружен всеми этими смешанными чувствами, если у нее будет хороший восьмичасовой сон.

— Я не знаю, могу попробовать, — она села на свое место. Келли, должно быть, задремала, так как все передвигались. — Я, правда, не знаю, я помню, что он был высоким и пах, как дешевый ликер и более дешевые сигареты. Подождите... у него были татуировки.

Она могла почувствовать, как у них обострилось внимание. Все глаза повернулись в ее сторону и сфокусировались на ней. Она поежилась. Сейчас она не хотела этого всеобщего внимания.

— Лучше, чем отпечатки пальцев, — фыркнул Юлий. — Какие?

— Католические символы. Ангелы и Дева Мария, — она пожала плечами. Ее хвостик внезапно чувствовался слишком тугим. Неосторожным жестом она стянула резинку и позволила своим волосам упасть. Ногтями почесала голову. Головная боль медленно превращалась в мигрень. Она так устала. — Это есть у многих набожных гангстеров.

— Дева набита черно-белыми чернилами или цветными? — спросил Райли. Он направил свое кресло и встал прямо перед ней.

— Черно-белыми, — объяснила она. Рукой Келли прикрыла глаза. — Все его татуировки были в серых оттенках.

— Ателье, — хором сказали мужчины.

— Ателье? Как Каин и Ателье? Библия? Серьезно? — Келли закатила глаза, чувствуя новую волну разочарования. — Это... вай. Совсем не круто.

— Определенно, некоторые из его парней имеют татуировки, но я не думаю, что он бы доверил такого рода работу одному из новичков. Это личное, — предложил Чарли.

— Не дермо, — фыркнул Райли. — Он пришел за моей гребаной дочерью. Это и есть личное. Это...

Его слова были прерваны приступом кашля. Это был не сухой кашель того, кто пережил болезнь, а влажный, разрывающий тело, когда ты пытаешься избавиться от чего-то ужасного. Его плечи тряслись, стул скрипел с каждым рывком его тела.

— Джентльмены, — прохрипел он. — Я ценю, что вы пришли, но сейчас я бы хотел поговорить со своей дочерью.

Это был приказ, и неважно, насколько слабо он был произнесен, и каждый знал это. Как по команде, все встали и сбросили недопитое пиво в мусорное ведро. Стук стекла по пластику отдавался эхом.

Один за другим друзья ее отца прощались. С объятиями, поцелуями и обещаниями обеспечить ей безопасность. Она отвечала, но на самом деле даже не слышала их. Усилие, предпринятое ей, чтобы пережить этот вечер, забрало те остатки энергии, которые у нее оставались.

— Ты должна лучше заботиться о себе, девочка.

— Я буду стараться, дядя Чарли.

— Юлий, — сказал Райли, — я бы хотел, чтобы ты остался.

Юлий, как хороший солдат, следующий за другими к гаражной двери, остановился. Он обеспокоенно посмотрел через плечо. Внезапно она увидела, что патч на жилете гласил «вице-президент». Она нахмурилась. Это то, о чем говорил Чарли. Когда это произошло? Что она пропустила?

— Цезарь и я могли бы остаться у Чарли, — предложил Юлий. — Или даже вернуться к себе. Прошло какое-то время, как я спал в собственной постели.

— Это твой дом, по крайней мере, на данный момент, — ответил Райли, качая лысой головой. — И мне надо многое сказать, что касается и тебя.

— Я не вернулся навсегда, Райли. Просто чтобы помочь, — Юлий заколебался у двери в гараж. Льющийся свет отбрасывал большую тень на пол.

Это должно было стать сюрпризом, что он жил здесь, но нет. Отец не позвал ее, когда заболел, он обратился к Юлию. Почему он? Юлий был тем сыном, которого Райли Форстер всегда хотел. Покорный сын, следующий по стопам отца. Она никогда не была дочерью, которую он бы хотел. Они оба были упрямыми.

— Ты был здесь на протяжении двух лет; мне не важно, даже если ты до сих пор платишь ипотеку. Я не вышвырну тебя сегодня. Так что сядь и заткнись.

— Если ты настаиваешь, — Юлий провел рукой по лицу, явно не желая спорить. Келли не могла винить его.

Келли не была уверена, что с ней все в порядке, но никто не стал ее расспрашивать. Никто никогда не делал этого.

Глава 3

Минутой позже она услышала рев пяти оживших байков, спускающихся вниз по дороге. Интересно, сколько людей проснулось от этого рева и уже вызвало полицию из-за беспокойства? Она смотрела на них из окна, как они отъезжали, словно современные рыцари. Не такие классные, каких можно увидеть в кино, кто рискует ради спасения девиц и убивает драконов, но похожие на исторических головорезов, претворяющих законы короля в жизнь. Она решила, что никто не собирается вызывать копов.

Реальность рухнула на нее. Боль охватила шею, навалилась усталость, девушка была уверена, что вывихнула плечо, перевернув того большого мужика. Также она была поражена своей реакцией на подростковую влюбленность. У ее отца рак легких, и никто не сказал ей об этом. Убежав, она также оставила все свои вещи в квартире. И до сих пор понятия не имела, чем оплачивать следующий семестр.

Это слишком много, чтобы справиться.

Келли чувствовала взгляд Юлия на себе, но она не обращала на это внимания. Останется он или нет, это ровным счетом ничего не изменит. Девушка опустила глаза на загроможденный столик и думала, что произойдет.

— Папа... могу я сделать для тебя что-нибудь? — Келли отвернулась от окна.

Ответил Юлий:

— Вода, там куча бутылок на прилавке. Он не любит ледяную.

Келли ушла на кухню, радуясь тому, что может чем-то заняться. Она открыла бутылку и вернулась к отцу. Он прохрипел благодарность, прежде чем сделать большой глоток.

— Райли, уже поздно... или рано. Как тебе больше нравится, — Юлий поднялся. Почти спящий Цезарь скатился по его ногам, плюхнулся на пол и счастливо растянулся у ног своего любимого хозяина.

— Ты пытаешься отправить меня спать, мальчик? — спросил Райли без всякой злобы.

Губы Юлия изогнулись.

— Неа, просто говорю правду, старик.

Келли сделала глубокий вздох и медленно выдохнула. По-видимому, не только Келли устала и была разочарована. Юлий обошел комнату, собрав какой-то мусор, и отнес его в мусорное ведро.

Благодаря более яркому свету в помещении Келли увидела, что Юлий потерял в весе. Его скулы сильно выделялись, а под глазами были темные круги. Она ухаживала за животными, которые находились в больнице, и это было сложно. Так что она могла представить, что круглосуточная забота об ее упрямом отце не была простой.

— Я знаю, что уже поздно, и у меня нет права спрашивать о чем-либо, но что мы собираемся делать? — спросила Келли, отрывая взгляд от Юлия.

Взгляд Райли упал на почти пустую бутылку воды:

— У меня есть идеи. Никто из вас ее не одобрит, но я думаю, что это лучшее, что мы можем сделать.

Воображение Келли подсунуло ей двадцать ужасных сценариев за несколько секунд. Большинство из них заканчивались тем, что она в тюрьме, и ни один не казался ей привлекательным.

— Например?

Наступила долгая тишина. Не похоже, что ее отец застеснялся. Ничего из этого не было похоже на поведение ее отца, и поэтому ощущался дискомфорт. Теперь он не выглядел как король, сидящий на байкерском троне. Он выглядел как мужчина, борющийся за то, чтобы держать все под контролем. Ей это не нравилось.

— Папа? — сказала она, когда молчание затянулось.

Он взглянул своими темно-карими глазами на ее кристально голубые и потянулся, чтобы взять ее за руки. Келли не могла вспомнить, когда в последний раз он касался ее. Его кожа чувствовалась, как бумага. Это пришло со старостью. Где были мозоли, которые ему дали годы езды на байках? Она могла почувствовать каждую кость в его руке, когда он сжал пальцы.

— Келли, я люблю тебя. Надеюсь, что ты знаешь это. Я не был хорошим отцом для тебя и никогда не заботился о тебе, но я люблю тебя.

Эмоции застряли непроходимым комом в ее горле, который она не могла проглотить, чтобы вымолвить хоть слово. Ее зрение размылось от слез. Девушка попыталась их сморгнуть, но они все равно потекли. Все, что она могла сделать, это кивнуть.

— Я хочу исправить это. Я хочу быть уверенным, что о тебе заботятся, — было что-то такое в сказанном, что придавало этому вес. Он переплел ее пальцы со своими и приложил к губам, чтобы запечатлеть на них поцелуй. — Я не думаю, что Каин остановится. У него большие проблемы, и теперь они становятся и моими.

— Пап, что ты такое говоришь? — она попыталась освободить свои руки, но его хватка была сильной.

— Я говорю, что это может быть очень легким решением, — он явно избегал отвечать на ее вопросы. Сценарии в ее голове с каждым разом становились все реальнее.

— Может быть? — переспросила она.

— Мне только надо, чтобы ты доверилась мне. Ты должна знать: все, что я хочу, — это держать тебя в безопасности.

— Хорошо. Что я должна делать?

Келли старалась отвечать ровным голосом. Она беспокоилась, что если будет говорить много, то начнет паниковать. *О чем он собирался просить? Взять новую личность? Жить с другой группировкой байкеров? Что могло быть настолько плохим, о чем он даже не мог сказать?*

Он потянулся назад одной рукой, жестом побуждая Юлию встать. Молодой мужчина, облокотившийся на маленький островок, разделяющий кухню и гостиную, ловко оттолкнулся и подошел к ним. Мужчины обхватили запястья, и тогда Райли притянул Юлия ближе. Он взял ее ладонь и вложил в руку Юлия.

Прошло полминуты, прежде чем они поняли.

— Папа, нет! — крикнула Келли, вырывая свою руку, которая была словно в огне.

В то же время Юлий сказал:

— Я не могу.

Цезарь бросился между всеми в безумном желании понять, что происходит.

— Не можешь? — спросил ее отец. — Или не будешь?

Она их прервала:

— И то, и другое. Господи, Юлий, скажи что-нибудь, — настаивала Келли. Она надеялась, что Юлий, к которому отец всегда прислушивался, сможет вразумить его.

— Я не думаю, что это хорошая идея, Райли. Нет, это действительно плохая идея.

— Точно, — сказала Келли.

— Почему? — настаивал Райли, в его голосе слышался рокот. Он указал жестом в направлении Келли. — Он женится на тебе, и это даст тебе защиту, стабильность, деньги. Это даст тебе все, в чем ты нуждаешься.

— Это не те причины, почему люди женятся, папа. По крайней мере, не сейчас, — девушка скрестила руки на груди. *Это несправедливо, совсем несправедливо*. Она бы солгала, сказав, что никогда не думала о свадьбе с Юлием. Как бы то ни было, в ее фантазиях он хотел того же. Один взгляд на его сжатую челюсть сказал о том, что он хочет совсем не этого.

— У тебя есть вариант лучше? — спросил Райли.

— Да... не знаю. Может, любовь? Эта причина кажется достаточно хорошей.

— Келли, любовь не сохранит тебе жизнь, — он сказал это так мягко, как будто разговаривал с ребенком, которому необходимо понять, как устроен мир.

— Райли, я люблю тебя, как отца, мужик, ты же знаешь, — голос Юлия был на удивление спокойный. — Но ты знаешь, у меня не было намерений жениться на ком-либо.

— Да, ты говорил. Ну, а я говорю иначе.

Юлий покачал головой:

— Я сделал бы для тебя все, что угодно, но...

— Тогда сделай это.

Было три часа утра, Келли так устала и была напугана. В лучшие времена она могла бы спорить и дальше. Но, покачав головой, направилась по коридору к комнате, что раньше была ее спальней.

— Я не буду говорить об этом сейчас.

— Когда, Келли? У меня немного времени.

Это было подло, но она остановилась:

— Играешь грязно. Это неуместно.

— Что ж, мне некогда быть милым.

Келли обернулась. Ее отец выглядел, как потеряная копия себя. Ей не нужен был врач или сам отец, если уж на то пошло, чтобы сказать ей, что ему осталось недолго. Она ненавидела это.

— Скажи мне, почему я должна делать это. Почему ты не можешь просто обезопасить меня?

— Потому что все, что я делал, было недостаточным. Они не верят, что ты под защитой. Это заставит их поверить.

— И что я получу от этого? — потребовала Келли.

— Что, жизни недостаточно?

— Если я выйду замуж за Юлия, жизнь моя закончится в любом случае, — Келли подняла руки. — Я буду вынуждена жить здесь и больше не смогу посещать занятия... все закончится.

— Черт возьми, ты будешь, — вмешался Юлий. — Я буду защищать тебя, но не заставлю бросать все.

— О, как великодушно с твоей стороны, — усмехнулась она.

— Келли... — предупредил ее отец.

— Папа... — возразила ему Келли.

— Я никогда не просил тебя ни о чем. Ни разу.

— Смешно, — отстранилась она. — Я просила тебя о многом, но никогда не получала этого.

Он рассмеялся. Это был бы счастливый звук, если бы он не начал снова кашлять. Он сделал глоток воды, чтобы облегчить это, но не сильно помогло.

— Как, черт возьми, я могу помочь тебе? Боже, Келли, ты умнее меня, все эти знания в твоей голове. Я знал это, я всегда знал это, но сейчас назревает проблема. Я не знаю, откуда она взялась, но знаю, что ты хорошая умная девочка. Черт, я горжусь тобой.

Она не знала, что и думать о его словах или как реагировать на них. Если бы Келли, как другие девочки, была близка со своим отцом, то все было бы просто и естественно. Но они не были близки. Келли была поражена открытостью своего отца.

— Спасибо, — Келли именно это и имела в виду.

Он сжал ее пальцы, и на этот раз она не отстранилась:

— Однако я знаю, как работает этот бизнес, и говорю тебе, что это единственный выход.

— Почему? Почему единственный? Я имею в виду, не могу ли я просто пожить где-нибудь еще? Я могла бы...

— Что? — настоял Райли. — Снова сбежать?

Он опять надавил на больное, и Келли не была полностью подготовлена к тому, сколько горечи ее отец мог поместить в эти слова. Толика доброты, которую она получила от него всего минуту назад, испарилась.

— Это так несправедливо.

— Келли, — сказал отец, — я никогда не говорил, что все будет по справедливости. Думаешь, если будешь шататься по всей стране, они не найдут тебя? Они нашли тебя в колледже, даже когда мы не разговаривали друг с другом месяцами. Побег — не выход.

— Но свадьба — выход? — спросил Юлий. — Прости, Райли, но я не понимаю.

— Они пришли за ней, потому что думали, что она без защиты. Что у нее нет связи с нами или с клубом. Это ни что иное, как нападение на дочь умирающего мужчины. Но ты не умираешь, Юлий. Ты молодой и сильный, и они знают это. Если она будет с тобой, у нее будет твое имя, которое защитит ее. И тогда они подумают дважды.

Это то, с чем она не могла спорить.

— Знаешь, что? Отлично. Замечательно! Никто, кроме него, никогда не собирался встречаться с дочерью преступника, верно?

Она вылетела из комнаты и упала в первую попавшуюся кровать, которую смогла найти, «Что ранило больше всего, — подумала она, когда первая волна отчаяния охватила ее, — что это было правдой».

Юлий Дэниелс смотрел на отступающую дочь президента клуба и знал, что нуждается в этом. Ее блондинистый хвост танцевал с каждым сердитым движением, и он не мог не смотреть. Он любил женщин с огнем в крови, как у нее, если бы только Келли Форстер могла сдерживать его в самые худшие часы утра.

Он не знал, откуда все это взялось. Маленькой она была тощим ботаником с очками и угловатыми коленями, который не мог связать и пяти слов. Когда дверь захлопнулась, он решил, что ему придется пересмотреть свое мнение о том, какой была Келли.

— Думаешь, она знает, что пошла в твою комнату? — спросил Райли.

Юлий фыркнул:

— Хочешь быть тем, кто скажет ей об этом?

— Черт, нет.

— Того же мнения, стариk, того же мнения.

Наступила долгая тишина, когда Юлий вез Райли в его комнату. Там Юлий помог приготовиться ко сну старику. Цезарь же скакал по кругу спальни, с удовольствием мешая.

— Ты бесишься? — спросил Райли, скользнув под одеяло.

— Неа. Я зол.

— А конкретней?

Юлий знал, что снаружи выглядел спокойным, непроницаемым и собранным. Но они оба знали правду. Юлий мог выглядеть чертовски холодным, как зимнее озеро, прежде чем спустить курок. Это то, что всегда делало его хорошим исполнителем и членом клуба. Он знал, как закрыться и притвориться, что с ним все в порядке. Он знал лучше многих, что значит потерять контроль. У него были шрамы на спине в доказательство.

— Ты не должен навязывать мне это. Если бы ты хотел, чтобы твоя дочь стала моей подругой, ты должен был хотя бы намекнуть.

Райли не торопился выключать свет на прикроватной тумбочке. Юлий ждал.

— Может, я и не думал об этом, пока не увидел, как ты воюешь с этой бестолочью на улице, — ухмыльнулся Райли.

— Вздор.

Райли посильнее натянул покрывало на свои худые ноги. Его руки дрожали от усилий. Было грустно смотреть как мужчина, о котором Юлий привык думать, как о скале, превращался в песчаную дюну. Он умирал, и ничего, кроме чуда, не могло это остановить. Безмолвно, Юлий молился всем богам, во имя которых строили храмы.

Не то чтобы Юлий думал, что смерть не приходит ко всем. Простоказалось, что она пришла за Райли слишком быстро. Юлий не был готов положить старика в землю.

И это было не просто эмоциональным сумасшествием от потери человека, который многое значил в большей части твоей жизни. Это больше связано с тем, что все, казалось, соглашались с тем, что, когда Райли умрет, Юлий станет главным. Черт, за последние полгода он в основном выполнял ежедневные операции. Это было не сложно. Транспортировка оружия и электроники из пункта А в пункт В, собрать бабло с местных предприятий за их защиту, дать на лапу всем нужным людям.

Все это было достаточно легко, пока Каин не сунул свой нос на их территорию. Ашлэнд был территорией «Адских гончих», и все, кто находился вдоль западного побережья, знали это. Юлий не знал, кто из «Диких» залез на окраины Кубы, но это вызывало больше проблем, чем хотелось бы.

Тогда они пришли и напали на Келли. Все знали, что Келли Форстер была под запретом. Она не была частью игры. Она не преступница, у нее даже не было штрафов за превышение скорости. Она не принимала участие в их бизнесе. Так о чем ублюдок думал?

— У тебя странное лицо, — сказал Райли. — Расскажешь?

— Думаю об избиении татуированной кубинской рожи.

Райли благодарно усмехнулся:

— На этот раз, тебе придется это сделать. Тебе надо думать о леди.

На этот раз потребовалось больше контроля, чтобы не закричать:

— Райли, ты знаешь, что я люблю тебя, но думаю, что это глупая идея.

Наиглупейшая.

Голова Райли откинулась назад на жесткую медицинскую подушку:

— Это ты глупый.

— Не играй со мной, Райли. Я не идиот, — ему удавалось сдержать свой голос, но с трудом. — Скажи мне. Просто расскажи мне, что, черт возьми, заставило тебя думать, что наша связь с твоей чертовой маленькой девочкой — хорошая идея?

Райли ничего не сказал, только наклонил голову. Очень медленно, словно у него был такой вес, который получали, когда понимали, что на их стороне все права. Юлий видел это время от времени и знал, что не мог с этим бороться.

— Ты прав. Это моя маленькая девочка, и я прошу тебя позаботиться о ней.

— Точно, чувак, она твой ребенок. Она...

— Все. Что. У меня. Есть.

Каждое слово выстреливало, как пуля, заставляя Юлия чувствовать вину. Все его спокойствие было разрушено. Он схватил ближайшую к нему вещь (длинную пустую пепельницу) и бросил через всю спальню. Это не принесло ему удовлетворения. Пепельница, сделав вмятину в стене, упала на пол.

— Ты закончил? — спросил Райли.

Юлий выпустил несколько впечатляющих проклятий, прежде чем опустился в кресло рядом с кроватью.

— Я не хочу жениться. Я не хочу быть чьим-то мужчиной.

— Я понимаю.

— Райли, ты знаешь, на что похожа моя жизнь. Ты знаешь, кем был мой отец, — его глаза сфокусировались на вмятине, которую он сделал. Да, это были стена и пепельница, но что если в один день все изменится? Что, если однажды это будет милое девичье лицо или даже ребенок? — я не хочу быть таким.

— Твой отец был грубым чертовым пьяницей, — фыркнул Райли. — И ты ни капли не похож на него.

— Ты не знаешь этого.

— Кто, если не я, мальчик мой?

Юлий провел руками по волосам и приложил ладони к глазам:

— Ты знаешь, каково это было для меня.

— Да, парень, знаю. А также знаю, что с тех пор как ты был ребенком, ты следишь за этим деръемом. Знаю, что этому пора прекратиться. Не успеешь и оглянуться, как прикрепишь на свой жилет мой президентский патч, и ты знаешь, что это значит.

— Это значит, что я должен соответствовать.

Райли фыркнул и покачал своей лысой головой:

— Очень легко сказать, Джулс. Но что это значит?

— По-видимому, это значит, что я должен жениться на горячей блондинке, которая ненавидит меня и все, что со мной связано.

Райли кивнул, начиная засыпать:

— Если твоя жена ненавидит что-нибудь в тебе, дерньмо, мужик, ты делаешь что-то неправильно.

Юлий оставил старика спать и бродил по дому. Он был симпатичнее, чем трейлер, который был у его семьи. Как удавалось засунуть туда четырех взрослых и вдвое больше детей, он никогда не узнает. Все они были там, в атмосфере охоты, виски и ярости.

Что он собирается делать, умереть? Что случилось в первый раз, когда Келли кивнула ему, перевернув все с ног на голову? Он прекрасно помнил, что отец делал с его матерью, когда та приходила поговорить с ним. Неважно, какие слова она использовала или насколько была права, его отец всегда ее избивал.

Юлий оказался перед барным шкафчиком. Тот не был заперт, потому что в доме не было детей, а у Цезаря вряд ли был интерес к виски. Юлий сорвал с полки бутылку и налил себе немного, прежде чем убрать ее назад, наслаждаясь ожогом, который переходил с его языка в живот, а затем распространялся по всему телу. Он налил себе еще, а затем побрел по коридору.

Он остановился у двери в свою комнату, вспомнив, что сейчас Келли спит там.

Она выглядела ангелом. Он знал многих парней, которые говорили так о девчонках, но что касалось Келли, это было правдой. У нее были светлые, немного волнистые волосы. На ее лице была вся эта мягкость, с оттенком розового на щеках, чтобы она не выглядела как кусок копировальной бумаги. Девушка была красивой и неприкасаемой, и Юлий всегда знал, что с ней ему ловить нечего.

Но она сказала «да».

Он пробормотал проклятие и сделал второй глоток. Ожог потряс его до самых пальцев ног.

Келли Форстер сказала, что выйдет за него. Это была самая сумасшедшая часть ночи. Да, она сказала это в расстроенных чувствах, но сказала же! Он не ожидал этого. Более того, он не ожидал, что будет чувствовать себя из-за этого хорошо.

Мужчина покачал головой и пожалел, что не оставил бутылку в гостиной.

Она выглядела хорошо. Даже в том страшном свитере и ужасных бесформенных джинсах она выглядела на миллион долларов, что было слишком дорого для него, чтобы прикасаться своими уродливыми руками. *«Нет, нет, жениться на принцессе было плохой идеей по миллиону причин»*.

Тихий скрежет отвлек его мысли от девушки.

— Давай, — сказал Юлий, указывая своим подбородком. — Нам не нужно спать на диване, — Цезаря больше не надо было поощрять. Он устремился в комнату и вскочил на кровать. В полу值得一ем Келли перевернулась и обняла зверя. Она издала негромкий звук, который заставил его желудок перевернуться, когда девушка свернулась в более плотный калачик.

Она была такой маленькой. Это поразило его. Когда Келли поднималась и двигалась, крича на всех, то казалась вдвое больше и в десять раз жестче. У ее отца было такое же качество. Это придавало человеку особый вид свечения, за которым хотелось бы следовать и защищать.

Он мог бы защитить ее лучше, деля с ней кровать. Было слишком легко представить, как он взбирается на эту кровать и наваливается сверху, оборачиваясь вокруг нее, словно змея. *«Она из тех девушек, которые хныкают и дрожат или из тех, кто стонет и требует большие?»*

Он был змеей. Юлий почувствовал, как его брюки стали ему тесны, после чего последовала волна отвращения.

— Дерьмо, — огрызнулся он, покачав головой, и крепко закрыл за собой дверь.

Глава 4

Келли проснулась, когда солнце светило высоко в небе, отбрасывая длинные тени в незнакомую комнату. Рядом с ней лежала собака, от которой веяло теплом. Ее тело окаменело от долгого лежания в одном положении. Девушка повернулась и получила слюнявый собачий поцелуй.

— Привет, Цезарь, — она похлопала его по бокам, и он ответил ей низким ворчанием.

Келли свесила свои затекшие ноги с края кровати и оглядела комнату. Всё здесь точно принадлежало Юлию. Синее покрывало, календарь с полуголовой девушкой на байке, висящий на одной стене, и беспорядок просто кричали о том, что здесь живет мужчина. Охотничья винтовка, случайно повешенная на спинку стула, была неопровергимым доказательством. Ее отец не был охотником, а Юлий — был.

Любопытство и нежелание выходить из комнаты и попадать в реальность побудили ее рассматривать неприметные детали комнаты. В конце концов, это был ее будущий муж. В комнате сердитого мятежного мужчины была стопка компакт-дисков с музыкой 1990-х годов, а еще iPod, который был настолько новым, что у наушников все еще были волны от упаковки. Наполовину пустая бутылка геля после бритвия стояла рядом с несколькими простыми украшениями: широкое кольцо и цепочка с крестом.

Там было фото, стоящее между пустой пачкой сигарет и книгой, которая неожиданно выглядела прочитанной. На фотографии был изображен молодой Юлий. Может, девятнадцати или двадцати лет, моложе, чем он сейчас. Его волосы были такими же короткими и такими же непослушными, как и сейчас. Он был таким юным с такой же широкой улыбкой, когда поднял свой жилет только с одним патчем. Рокер, как они его называли (*Прим. верхняя дугообразная часть патча, указывающая названия клуба*). Он стал только что стал проспектом.

Фотография сделана в тот день, когда он стал ценным членом клуба.

Она вспомнила, когда он впервые пришел сюда. Он был таким худым, таким изможденным, и на его лице было достаточно синяков, чтобы понять, что он подвергся насилию. Ее отец забрал его, видя в нем сына, и начал его путь становления членом клуба «Адских Гончих».

«Клуб, — подумала она, — хорошее слово для банды». Она отложила фото и вздохнула. Как глупо.

Маленькие кусочки жизни Юлия были разбросаны по всей грязной комнате.

— Глупо, — пробормотала она едва слышно.

Жужжание в кармане напомнило девушке о телефоне. Вытащив его, она увидела три непрочитанных сообщения. Первое из деканата, сообщающее, что ей надо забрать все свои вещи до пятницы, два других от Моники, которая ничего от нее не слышала с прошлого вечера.

Келли понятия не имела, как с помощью смайликов выразить «пострадала от нападения» и «помолвлена», так что она просто отправила ей сообщение «семейные проблемы». Достаточно близко по смыслу, особенно, когда речь заходит о ее семье.

— Давай, малыш, — сказала она собаке, потирая глаза. — Сообразим что-нибудь на завтрак.

Он ответил ей радостным лаем и выскоцил из кровати, виляя хвостом. Пес покружился дважды и плюхнулся перед дверью спальни. Кто-то закрыл ее. Она задавалась вопросом — кто.

Девушка стащила свою толстовку и позволила ей присоединиться к другим кучам одежды, запах дождя и земли не лучше аромата немытого мужика. Темно-зеленая майка, которую она носила под верхней одеждой, была тем еще вариантом, но пахла не так ужасно.

Келли открыла дверь, и Цезарь помчался вперед. За ним раздался крик, видимо, пес кого-то сбил. Она улыбнулась. Собака улучшала ситуацию.

Девушке потребовалось несколько минут, чтобы умыться в ванне. Долгий взгляд в зеркало сообщил, что ее бледность выдавала усталость. У ее золотистых волос был блеск двухдневного картофеля. Она выглядела хуже, чем когда-либо.

— Ну, доброе утро тебе, красотка, — пробормотала она.

Вздохнув, девушка несколько раз прополоскала рот. Может быть, она должна принять душ, прежде чем отправиться навстречу своему умирающему отцу и новоиспеченному жениху. Урчание желудка подсказало, что еда важнее гордости. Келли задавалась вопросом, была ли ее жизнь когда-либо более странной.

— Именно так, — услышала она слова Юлия, открыв дверь ванны. — Я не коснусь ее.

Из кухни раздался грубый голос ее отца.

— Парень, ты никогда не лгал мне. Так не начинай сейчас.

— Мужик, это же твоя малышка.

— Ни в коем случае не напоминай мне, что она выросла.

Запах жареных яиц и тостов сразил ее. Она не понимала, насколько голодна, пока ее рот не наполнился слюной. Келли заглянула за угол, радуясь, что из коридора ее не видно. Зеркало дало ей возможность увидеть Юлия без рубашки, стоящего перед плитой. У нее во рту пересохло.

На одно бронзовое от загара плечо было небрежно наброшено полотенце, маленький ручеек пота скатывался по длинной мускулистой линии спины, лаская контур татуировки в виде языков пламени. Пламя танцевало при каждом движении плеч, пока он перекладывал яйца со сковороды в тарелку.

— Мы оба знаем, что она слишком хороша для меня, Райли. Я имею в виду, она образована, встала на правильный путь и все такое. Это не просто большие голубые глаза, которые все переворачивают внутри. Дело в ее мозгах.

Смех ее отца был полон гордости:

— Я рад, что ты знаешь это. Но если она будет твоей женой...

— Мужик, я не смогу удержать ее. Она сказала это вчера ночью после дерзкого разговора.

— Тогда предложи ей что-нибудь, и все наладится.

Келли решила, что пора показаться.

— Доброе утро, — сказала она, выходя из коридора. — Есть что-нибудь для меня?

Юлий поднял глаза. Она видела, как его взгляд пробежал вниз по ее майке. Его рот на мгновение открылся, как будто он хотел что-то сказать, но не смог. Даже Келли должна была признать, что уже не похожа на ту угловатую восемнадцатилетнюю девочку, которой она была. Райли тоже это видел, потому что он фыркнул что-то вроде: «Не прикоснется к ней. Ага».

Келли неловко прочистила горло:

— Яйца?

— Хмм? А, яйца, тосты, бекон.

— Звучит неплохо.

— Стараемся питаться правильно, — сказал Райли, поставив свою тарелку на колени, и повернулся к столу. — Это хорошо на меня влияет.

Келли положила руку ему на плечо, а он накрыл ее своей ладонью. Так они стояли какое-то время. Это не разрушило семилетнюю стену между ними, но явно был шаг вперед. Мужчина наклонил голову и поцеловал ее в ладонь, а она ласково провела по его щеке.

— Что ж, — сказала Келли, положив тост себе на тарелку, — пора планировать свадьбу.

— Твою ж... — сказал Юлий.

Райли рассмеялся:

— Да, совсем скоро.

— Послушай, нам надо обсудить это.

Она посмотрела на него, отрывая кусочек бекона:

— Женитьба сохранит мою жизнь?

Юлий посмотрел на Райли.

Райли поднял руки в капитуляции, жест явно предназначался молодому человеку:

— Она твоя невеста. Ответь на вопрос леди.

— Да, — наконец ответил он. — По крайней мере, ты будешь в большей безопасности, чем раньше.

— Будет ли у меня место, где я смогу остановиться, пока это все не закончится? — откусив, она медленно пережевывала кусочек теста, глядя на Юлия. Она видела морщины у него на лбу, пока он искал аргументы, чтобы поспорить.

— Келли, у тебя было бы это в любом случае. Если не здесь, то с Чарли или любым другим братом. Клуб не оставил бы тебя, — он снял сковороду с плиты и наполнил последнюю тарелку едой.

— Достаточно справедливо, но, женившись на мне, поможешь ли ты погасить мои студенческие ссуды? Оплатил бы последний семестр в колледже?

— Э-э... — он почесал затылок. — Я не знаю.

Но тут вмешался ее отец:

— Хорошо, если вы поженитесь, то получите наследство от меня, этого должно хватить на колледж и на заначку.

Юлий посмотрел на своего Президента:

— Ты серьезно? Это нечестно.

— Человек имеет право быть нечестным, когда дело касается безопасности его детей.

— Дерьмо, — фыркнул Юлий. — Ладно, ладно. Да, предполагаю, что женитьба на тебе сделает меня богатым.

— Значит, мы женимся.

Райли рассмеялся:

— Это моя девочка.

Юлий снова посмотрел на нее, но на этот раз ее майка не имела к этому никакого отношения:

— Это немного отличается от того, что ты говорила мне вчера.

— Вчера я сказала, что выйду за тебя, — она сделала бутерброд и откусила от него кусок. — Не такой уж большой скачок до планирования свадьбы.

— Это глупо.

Келли дернула одним плечом:

— Если ты думаешь, что найдешь кого-то лучше меня, то иди. Может быть, одна из тех маленьких байкерских зайчишек подойдет. Уверена, что они запрыгнут прямо на тебя, если ты поманишь их пальцем.

— Они мне не нужны, — его тон был безжалостным и холодным, как сталь.

— Хорошо, потому что я не одна из них, — отрезала Келли, глаза ее наполнились негодующим огнем.

— Скажи правду, почему ты хочешь выйти за меня? — он сделал шаг вперед, сокращая расстояние между ними. Одной рукой он ударил по столу, а другой схватился за спинку ее стула.

Келли не дрогнула. Она просто смотрела на него пристальным взглядом.

— Почему тебе так сложно понять это?

Он не отводил от нее взгляда, она же смотрела мимо Юлия.

Мужчина внезапно улыбнулся:

— У тебя есть яйца, ты это знаешь?

— Нет, — сказала она, хватая свою тарелку и снова отправляясь в спальню. — Но я уверена, что скоро мы оба узнаем, так ли это.

Глава 5

Девчонки всегда тратили кучу времени на планирование свадьбы. Они отдавали предпочтение глянцевым журналам и магазинным прилавкам. Все женщины из обеспеченных семей собирались вместе, чтобы дать свои советы насчет выбора платьев, обуви и остальной мишурь. Келли, как и Юлий, не занимались такими вещами.

Плюхнувшись на его кровать, она вытащила блокнот, чтобы составить список тех дел, которые было необходимо выполнить. В это время пес с горящими глазами пытался заигрывать с ней, бросив свою любимую игрушку у ее босых ног. Ее волосы, до сих пор влажные от душа, спускались по спине, оставляя влажный след на футболке, которую она взяла у отца. Пижамные штаны, в которых она просто тонула, принадлежали Юлию.

— Твой отец послал Чарли и Кена собрать твои вещи. Они тебе понадобятся.

— Кена? — она посмотрела вверх. Ее глаза были не просто голубыми, они были как драгоценные камни, яркие и сияющие, от них трудно было отвести взгляд.

— Он — наш кандидат. Я думаю, его настоящее имя Фронапл или что-то вроде того. Он мmm... швед второго поколения. Большой чувак, блондин, и слишком симпатичный для своего же блага. Даже ходит и говорит как кукла Кен.

— А, мило, — ответила она, возвращая свой взгляд на лист, находящийся перед ней. Ручка царапала бумагу, оставляя аккуратные буквы. — Твое свидетельство о рождении у тебя?

— Что? А, да. Где-то здесь. Зачем тебе? — он сделал шаг в комнату и убрал всю грязную одежду со стула. А еще мысленно сделал пометку, что нужно провести уборку. Если она останется здесь, то он, по крайней мере, не должен превращать дом в братское общежитие.

— Завтра утром нам надо сходить к мировому судье, чтобы получить свидетельство о заключении брака. Священник должен подписать это. Ты не знаешь, у отца сохранились связи в местной церкви?

— Насколько я знаю, да. Келли, послушай... — он попытался закрыть лист рукой. Она вытащила его из-под его руки. Пес залаял.

— Мы сможем провести там прием, может, сделать барбекю, что-то вроде этого. У нас нет времени заказывать еду или одного из этих ди-джеев, и, в любом случае, никто из клуба не будет танцевать под такую музыку ...

Она так легко прервала его, будто он и не начинал говорить. Единственный человек, который мог так делать, был Райли. Юлий не знал, раздражало его это или удивляло. Возможно, и то, и другое.

— Подожди. Прием? — переспросил он.

Она посмотрела на него ледяным взглядом. Похожим она одарила его на кухне:

— Вместо этого ты хочешь пойти в дешевый мотель? Я имею в виду, мне говорили, что я горяча, но, по крайней мере, сделай мне одолжение: устрой хоть какой-то праздник, прежде чем запрыгнешь на меня.

Биение его сердца участилось. Раздражительность явно помогала расположить к себе. Как малышка Келли так просто могла говорить о сексе с ним? Не то чтобы она была недостаточно горяча для него. Наоборот, было очень просто представить, как ее длинные ножки обхватывают его бедра:

— Иисус, Келли. Боже. Просто остановись. Ты меня видела?

Она глубоко вздохнула и отложила ручку. Ее длинные пальцы опустились на желтую бумагу. Она расправила свои изящные плечи, будто готовилась к битве. С кем, интересно. С ним?

— Юлий, я никогда не думала о тебе плохо. Ты всегда был немнога, не знаю, дерзким? Да, я думаю, дерзость отлично подходит. И это нормально. Я и не думала, что ты забываешь об этом.

Она рассоединила пальцы и опустила их на список, чтобы проследить черты букв.

— Подожди, что? — ему казалось, что она начала говорить на каком-то другом языке.

— Боже, ты до сих пор не понимаешь, — она оттолкнула блокнот в сторону с достаточной силой, чтобы скинуть ручку. Цезарь весело гавкнул и последовал за ручкой. Девушка выхватила ее, прежде чем он успел пошевелиться.

— Не понимаю что, женщина? — он решил, что она определенно говорит на другом языке. Келли напоминала раздраженную женщину, а он был слишком молчалив.

Она серьезно посмотрела на него. Затем дважды медленно моргнула. Вновь заговорив, она использовала твердый тон учителя или человека из высшего общества:

— Юлий, я наблюдала за тобой с тех самых пор, как отец привел тебя через эти двери.

Он проследил за ее рукой. Его мозг перестал работать:

— Ты что делала?

— Судя по твоему лицу, могу сказать, что ты правильно услышал меня.

— Подожди, что ты имеешь в виду под «наблюдала за тобой»?

Она поднялась на ноги. Несмотря на то что Келли была ниже его, каким-то образом она смогла посмотреть на него свысока.

— А ты как думаешь? Тогда ты был таким темноволосым и сердитым, и мое бедненько юное сердечко просто не справилось с этим.

— Ты теперь не подросток, Келли. Ты превратилась в женщину.

— Да, — сказала она, — в женщину. И эта женщина хочет свадебный прием.

Он не знал, что будет дальше. Он чувствовал себя идиотом, потому что не понимал ее чувства, не понимал, почему быстрой росписи у судьи для нее недостаточно.

Она не хотела острых ощущений от езды с тем, кто носит нашивку.

Он убеждал себя, что она хорошая. Она была хорошей женщиной, которая только что выразила свои старые чувства. Вот и все. Он не мог винить ее, но мог сдерживать ее подростковые фантазии.

— Келли, пойми. Это временно. Мы делаем это для твоей защиты, чтобы твой отец был спокоен. Прекрасно. Но однажды, когда все устаканится, это закончится. Ты уйдешь, будешь жить той жизнью, которой жила раньше, а я вернусь к своим делам.

Девушка пристально посмотрела на него:

— Это все хорошо, Юлий, но ты думаешь, что отец переживает это?

— Вероятно, нет, — у него было ощущение, что ему не понравится то, к чему она ведет.

— Тогда не будь кретином и позволь моему отцу довести меня до алтаря.

Он понял, что только что проиграл бой. Она попросила его таким тихим и мягким голосом, что он почти не услышал в нем дрожи.

— Черт возьми, Келли.

— Так ты согласен на барбекю? — она села обратно на кровать, а Цезарь улегся ей на ноги.

— Там могут быть, по крайней мере, фрикадельки?

Она улыбнулась, и лед в ее глазах растаял:

— Да, там могут быть фрикадельки.

Юлий подумал, что он сделает все, что угодно, лишь бы она снова посмотрела на него так.

Платье принадлежало ее матери, но подошло Келли лучше, чем она ожидала. Оно было не белым, а цвета шампань, который идеально подходил для людей со слишком бледной кожей. На воротнике мерцал бисер, а юбка, сделанная из нескольких слоев светлой ткани, струилась как шелк.

Келли должна была признать, что именно такое платье выбрала бы для себя. Она сделала поворот перед зеркалом в полный рост, наблюдая, как движется ткань.

— Боже мой, — прошептал ее отец, — ты так на нее похожа.

Келли провела рукой по подолу платья.

— Я не ожидала, что оно сядет так идеально.

Ее отец появился в комнате в окружении двух мужчин, которых она не узнала, по крайней мере, не сразу. Один был таким высоким и рыжеволосым, что он должен был быть Кеном. Другой был на несколько лет старше ее, и в его глазах мерцал знакомый блеск.

— Микки? — спросила она.

— Эй, сестренка, — он развел руки и сграбастал ее в объятия. Майкл — не ее кровный брат, он был единственным сыном Чарли. Он был тем мальчиком, который повел ее на выпускной, когда ее свидание сорвалось. Они пробовали встречаться непродолжительное время. Все закончилось после их первого поцелуя. Это было так нелепо.

— Как ты? Где ты был? — спросила она.

— Хорошо, хорошо. Женился два года назад. Есть дочь, — его улыбка стала такой глупо счастливой, что Келли почувствовала радость за мальчика, который пытался облегчить ей жизнь много лет назад.

— Ты серьезно? — от удивления ее глаза стали больше. — На ком?

— Ты помнишь Беверли Хант? — немного застенчиво сказал он.

— Бобер Бев? — спросила Келли. — В самом деле? Чувак, эта девушка всегда надеялась, что ты обратишь на нее внимание.

— В тот год, когда ты ушла, она сильно изменилась. И, наконец, сообщила мне о своих чувствах. Она просто ошарашила меня и потащила к алтарю. И я не могу быть более счастливым.

Она еще раз обняла его:

— Я так рада за тебя, Микки.

— Мы придем на барбекю, она принесет пироги.

Келли издала звук, полный одобрения. Это не было похоже на пасту, фаршированную картофелем и сыром, это не пойдет на пользу ее фигуре, и она не сможет надеть свадебное платье, но кого это волнует? Положа руку на сердце, она сказала:

— Клянусь, я больше никогда не назову ее Бобром.

— Я был бы признателен, сестренка, — ответил он, целуя ее в лоб.

Золотой мальчик вышел вперед и протянул свою руку:

— Меня зовут Эрик, но все зовут меня...

— Кен, — предположила она, отвечая на его рукопожатие. Он реально выглядел как кукла. На нем не было шрамов, и пока он носил одежду с длинными рукавами, она не могла увидеть его татуировки. Если бы он надел костюм, то прекрасно бы смотрелся в офисе на Уолл-Стрит или в журнале GQ: — Я слышала.

— А я слышал, что у тебя тоже есть высшее.

— Ты ходил в колледж? — она старалась выглядеть не слишком удивленной.

— Финансов и бизнеса, — он поднял безупречные брови. — Я решил, что работа с «Адскими гончими» довольно прибыльная.

— О, конечно.

— Он делает невероятное, благодаря этим книжкам, — сказал Райли. — Бизнес — далеко не простое дело.

— Но это не моя цель на сегодня. Мы здесь для того, чтобы убедиться, что этот день пройдет гладко. Мы здесь для того, чтобы дать тебе все, что ты хочешь и в чем нуждаешься, — предложил Кен. Его губы сложились в идеальную улыбку. — Мы — твои личные подружки невесты, одетые в кожу.

— Это все, что я когда-либо хотела, — рассмеялась Келли. — Что ж, начнем с того, что надо убедиться в том, что мой муж приедет.

— Мой отец занимается этим, — сказал Микки. — Он решил, что это меньшее, что он мог сделать.

Это было обоснованным беспокойством:

— Это здорово, ребята. Я, эмм, не знаю.

Микки фыркнул:

— Не ври, Келли. Если я знаю тебя, то у тебя точно есть три листа необходимых вещей. Тебе надо отдать нам хотя бы два и позволить все сделать.

Кен взглянул на нее:

— Блокнот.

Келли дружелюбно ответила:

— Я могу...

— Справиться с этим, — закончил Микки за нее. — Она говорила это большую часть своей жизни. И всегда была такой занудной. Келли, позволь помочь нам.

— Келли, — сказал ее отец, — позволь им помочь. Они твоя семья.

В клубе принято ассоциировать все, связанное с ним, с семьей. Она могла сказать «нет», сказать, что может сделать все сама, но дело в том, что осталось еще тридцать вещей, которые нужно сделать, но у нее не было времени.

— Хорошо, — сказала она, наконец. — Хорошо, побалуем меня.

Кен рассмеялся своим пугающе идеальным смехом:

— Декорация и приготовление закусок. Это та жизнь, для которой я был рожден.

— Вы получили указания, парни. У нас мало времени, — приказал ее отец.

Микки в последний раз обнял ее, а Кен похлопал по руке. Они пообещали, что все будет идеально выполнено для бракосочетания. Кен фактически использовал слово «бракосочетание». Затем они оставили ее наедине с отцом и воспользовались тем, что у нее было немного косметики.

— Хочешь, чтобы я занялся твоими волосами? — спросил Райли.

Она взглянула на него через зеркало:

— Ты не делал этого с тех пор, как мне исполнилось одиннадцать лет.

— Тринадцать, — исправил он. — Твой первый день в старшей школе. На тебе была какая-то футболка со стразами и рваные джинсы.

Она смущенно провела языком по зубам:

— Это было стильно.

— Стиль требует больших затрат. Но я до тех пор заплетал твои волосы.

— Хорошо, — сказала она. — Да, коса бы подошла. Мы могли бы прикрепить ее к голове.

— Как корону? — спросил он. — Собираешься быть принцессой в день своей свадьбы?

Она улыбнулась:

— Да, буду принцессой.

Он усмехнулся и опустился на ковер на колено. Она не спрашивала его, сможет ли он это сделать. Он не слишком сильно дрожал, принимая нужное положение, и его рука, которую он положил ей на плечо, была решительной. Она протянула ему расческу, и он провел ей по волосам.

Он принарядился по этому случаю. Надел свои лучшие джинсы и рубашку с воротником под кожаный жилет. Все выглядело на два размера больше, но он пытался выглядеть хорошо.

— Я хотел сказать спасибо за то, что ты делаешь, — сказал он, разделяя ее волосы на три части. — Я знаю, это не то, что ты хотела от жизни.

— Не то, — подтвердила она, — но я не злюсь. Я злюсь из-за того, что не знала ничего, что здесь происходит после того, как я ушла.

— Келл, ты ушла.

— Да, — признала она. — Это... тогда это казалось отличной идеей.

Он был спокоен, когда закреплял конец косы:

— Твоя мать ушла по тем же причинам, что и ты. Я был так зол, когда она сделала это, но тебя я понял.

— Почему? — спросила Келли, протягивая ему несколько заколок.

— Она была влюблена в идею любить меня, но на деле... Я должен был понять это.

— Ты не женился вновь.

Ее отец пожал плечами и стал оборачивать косу вокруг головы, пока она не легла как золотая корона. Он заправил оба конца. Несмотря на то что его руки были старыми и дрожащими от боли, он все еще мог причесать и уложить волосы:

— Да, не женился. У меня был клуб, была ты. Этого было достаточно.

Он наклонился и поцеловал ее в макушку. Она потянулась и коснулась его руки.

— Папа, я не должна была разрывать с тобой связь.

Он покачал головой:

— Нет, сладкая, это я отдался. По чуть-чуть. Я сделал многие вещи, которые не должен был делать. Я был таким идиотом.

— Мы оба были идиотами, папа.

Он поднял ее и обнял. Он был тоньше, чем она. Келли чувствовала каждое ребро, когда она уткнулась лицом в его грудь:

— Мы сделаем все правильно, милая.

Он не сказал того, что у них мало времени все исправить, но она согласилась с ним, закивав головой. Она потеряла семь лет рядом с ним и не собиралась тратить следующие несколько минут, чтобы спорить.

— Отлично, — он отступил на шаг и провел рукой по волосам: — Дай-ка посмотреть.

Она немного покрутилась:

— Ну как?

— Он будет кретином, если не увидит, что ты выглядишь на миллион долларов.

— Юлий всегда был идиотом.

Отец рассмеялся и направился к гардеробной:

— Знаешь, я не дурак.

Келли ухмыльнулась:

— Я думала, мы только что выяснили, что оба идиоты.

Его хихиканье эхом отозвалось из шкафа:

— Тебе надо было указать на это, дочь моя. Позволь перефразировать. Я не слепой.

Я знаю, что ты заглядывалась на этого мальчишку с самого начала.

— Боже, все об этом знали?

— Все, кроме него. Он даже не догадывался.

Келли фыркнула:

— Это правда. Когда я сказала ему это, он выглядел совершенно ошеломленным.

— Ха! Я бы все отдал, чтобы увидеть это.

Ее отец вышел из гардеробной. Он держал маленькую коробку для украшений:

— Ты уже надела ее платье, но думаю, это подойдет к нему.

Когда она открыла ее, коробка начала играть мягкую знакомую мелодию, но Келли не помнила ее. Внутри находились ювелирные изделия из необработанных кристаллов с бабочками — были ожерелья, заколки для волос и браслеты.

— Ей нравились бабочки.

— Я помню.

Повернувшись обратно к зеркалу, она увидела, что отец смотрит на нее. Падающий свет из гардеробной мешал ей увидеть его полностью, но она была уверена, что в его глазах были слезы, а плечи дрожали.

— Папа, что такое? — она не хотела поворачиваться, пока нет. Это могло все испортить.

— Знание того, что скоро умрешь, заставляет смотреть на вещи в другом свете, — он положил руку на свой комод, чтобы успокоиться. От его движений звенели монеты в карманах. Она начала вставать, но он махнул рукой: — То, что она ушла, — моя вина. Она не могла справиться с такой жизнью, Келли. Как и ты. Во всем виноват я.

Она повернулась:

— Папа, нет.

Он опустился на стул. Его хрупкое тело сложилось, как мятая бумага. Морщины вокруг глаз, казалось, углублялись, заставляя его выглядеть даже старше, чем он был. Слезы скользили по его щекам, падая на кожаный жилет.

— О, папа... нет, — она опустилась на колени перед ним и взяла его руки в свои.

— Меня не было рядом с тобой, и из-за меня у тебя не было мамы. Ее нет сегодня. Ее не будет завтра. Дерьмо, я даже не знаю, жива ли она.

— Мне все равно, — Келли держала его за руки.

— Неправда.

— Выслушай меня, папа. Пожалуйста. Ты делал много вещей, которые я ненавидела. У тебя была плохая привычка ставить дела клуба на первое место, а не меня. Но ты никогда не уходил. Когда я ушла — это был мой выбор. Но я знала, что если когда-нибудь буду нуждаться в тебе, то ты придешь.

Слезы не останавливались, он сжал ее руки:

— Я люблю тебя, малышка. Я люблю тебя так чертовски сильно.

— Я знаю, папа. Знаю, — она старалась не плакать и почти справилась с этим.

— Прости, что отталкивал тебя, — он обернулся свою слишком тонкую руку вокруг ее тела и притянул к себе.

— Я знаю это. Сейчас ты здесь. Настолько долго, насколько сможешь.

Она вытащила несколько маленьких заколок и предложила их ему:

— Так ведь?

— Конечно.

Келли выглядела, как сказочная богиня, когда отец вел ее к алтарю. Она сделала что-то, чтобы глаза ее выглядели большими и сверкающими. Юлий наблюдал, как она идет к нему, и чувствовал, как его желудок сжимается.

— Разве она не красавица? — прошептал Чарли позади него. Чарли, Микки и Кен выстроились рядом с ним. Он был уверен, что они были там, чтобы убедиться, что он сделает все правильно.

Может быть, они выйдут за дверь и сделают так, чтобы все было закончено. Это было бы весело.

Юлий молча кивнул головой. Это было безумием, и он не собирался убегать. Вместо этого он взял ее нежные руки в свои мозолистые и молился Богу, чтобы тот благословил этот странный союз. Он не фыркнул, но и не думал, что в этом есть что-то святое.

— Мы собирались здесь сегодня, чтобы объединить эти две души вместе в святом браке...

Она смотрела на него так, будто это была настоящая свадьба. Ее щеки порозовели, а губы были слегка приоткрыты. Она была похожа на невесту. Черт, она была невестой.

— Согласны ли вы, Юлий Адам Дэниелс, взять эту женщину, Келли Бриджет Форстер, в свои законные жены? Обещаете ли вы хранить...

— Согласен, — Юлий даже не слушал. Слова ничего не значили. Не важно, будет ли это навсегда, на данный момент или надолго. *Как, черт возьми, он должен был сохранить эту синеглазую красоту в безопасности от лап кубинцев?*

Он не знал, но, когда она произнесла свою клятву, понял, что собирается сделать все, что сможет. *Как все так обернулось?*

Они просто должны были получить свидетельство в мировом суде, но следующее, что он увидел, было то, как он стоит перед отцом Мэйхью, давая обещания самой красивой женщине, на которую он когда-либо смотрел.

Слова «и только смерть разлучит нас» прозвучали слишком громко.

Когда священник попросил кольцо, Юлий почувствовал, как его кровь остыла:

— У меня нет кольца.

Она покачала головой и положила свою руку на его:

— Все в порядке. Я позаботилась об этом.

У него не было слов. *«Что за женщина сможет после нападения организовать целую свадьбу и даже не забыть про кольца? Что бы он сделал? Ходил бы вокруг магазина, пытаясь понять, что он собирается делать со всем этим».*

Он не заслуживал ее. И вот она смотрела на него такими глазами, в которых человек мог просто заблудиться. Словно сотворенные из кристаллов, они угрожали проглотить человека и заставляли его забыть все ужасные вещи, которые он сделал. Или, что еще хуже, заставляли его хотеть быть лучшим для нее.

— Вы можете поцеловать невесту.

Когда он замялся, Келли наклонилась ближе:

— Ты не обязан делать это, если не хочешь.

Возможно, он мог бы оставить ей братский поцелуй в щеку, если бы она не наклонилась вперед. В тот момент, когда она это сделала, его охватил запах лимона и ванили. Он глубоко вздохнул. Прежде чем он понял, что делает, он взял ее лицо в свои руки и поцеловал.

На вкус она была даже лучше. Вся кровь устремилась к пауху в тот момент, как только она приблизилась к нему. Ее гладкое тело прижалось к нему, и, несмотря на скромность свадебного платья, он ощущал пьянящую мягкость ее изгибов. Огонь в его груди распространялся по всему телу.

Изящные руки схватили его за плечи, и она наклонила голову. Ее язык скользнул между его губ с дикостью, которую он не ожидал, и он, черт возьми, чуть не повалил ее на пол. Она поднялась на цыпочки и издала низкий мурчащий звук. Это прикончило его.

Вокруг послышались звуки поздравлений, и это спасло его.

— Видишь? — прошептала она, когда они перестали целовать друг друга, задыхаясь.

— Быть женатым на мне не так уж и плохо.

— Ты меня убьешь.

Она снова поцеловала его, и его уже толстый ствол начал болеть. Юлий даже не слышал, чтобы священник объявил их как мистера и миссис Дэниелс. Все, о чем он мог думать, это Келли. Она залезла к нему под кожу. Это случалось время от времени. Красивая девушка встала у него на пути, и все, что он мог делать, это думать о ней.

Она скользнула перед ним, и ему едва удалось удержаться от стона перед священником. Это был бы отличный способ начать этот брак.

Глава 6

Келли не понимала, как она оказалась за столом с женщинами, которых даже не знала, пока ее новоиспеченный муж свалил, чтобы наслаждаться виски, но она была там, где была. На ее тарелке были пирожки, тефтели и очень маленькие сэндвичи.

— Келли, я не видела тебя со старшей школы! Как ты поживала? Расскажи мне все!

О Беверли Келли знала, что она тихая скромная девушка с неправильным прикусом. Серая мышка — так можно было описать ее. У сидящей перед Келли женщины была татуировка на плече — три объединенных сердца. Женщина совсем не выглядела застенчивой. При встрече она поцеловала Келли в губы и улыбнулась настолько широко, что Келли не могла не ответить ей взаимностью.

— Бев? Господи, я не узнала тебя.

— О да, детка. Новая и улучшенная версия меня, — она положила свою руку на бедро. Келли отказывалась верить, что это женщина родила ребенка. — Ты такая красивая!

— Спасибо, что стала подружкой невесты.

— О, пф, — махнула она рукой. — Ты теперь моя сестра. Вы были так близки с Микки, росли вместе. Это меньшее, что я могла сделать. Я слышала, что ты теперь ветеринар.

— Почти, я еще не закончила колледж.

— Это так здорово! Что собираешься делать после окончания учебы?

— Ну, я буду работать с другим доктором несколько лет, но потом хочу открыть собственную клинику.

Беверли обмакнула себя:

— Боже, я обожаю женщин с собственным бизнесом. Я сама открыла магазин по правой стороне Мэйн-Стрит почти три года назад. Я продаю обувь, аксессуары и все такое. Все эти девчачьи штучки, которые я боялась носить, когда была помладше.

— Но сейчас ты их прекрасно носишь.

Беверли откинула голову и рассмеялась. Это был дикий и безудержный звук, а еще он был заразительным.

Келли именно тогда и решила, что ей нравится новая Беверли.

— Bay, я надеюсь, это была очень хорошая шутка, — сказал новый голос. Келли оглянулась и увидела девушку, которая выглядела как модель с обложки журнала.

Беверли улыбнулась, но ее улыбка не коснулась глаз. Она указала превосходно ухоженным ногтем на женщину:

— Это Сэди.

Сэди была выше на два дюйма благодаря шпилькам, которые носила. Келли посмотрела на идеально загоревшую грудь, которую подчеркивала блузка винного цвета с корсетом. Хотя зачем девушке, носившей нулевой размер, нужен корсет? Это было выше понимания Келли.

— Привет, Сэди.

Большие карие глаза Сэди презрительно закатились. Осмотрев девушку, Келли задержала взгляд на ее тарелке, там было всего несколько кусочков огурца и один кусочек индейки. Рот Сэди сжался в улыбку, и она перекинула свои рубиново-красные волосы на одно плечо:

— Ух ты, у тебя хороший аппетит.

Она ушла, прежде чем Келли смогла ответить.

— Bay, — сказала Беверли ей в спину. — Сегодня Сэди больше сучка, чем обычно.

— Догадываюсь, что она не любит еду.

— Скорее, ее еда не задерживается в желудке.

Келли засмеялась:

— О, да.

— Да, мне было бы плохо, если бы это было неправдой, или если бы она не была ужасным человеком. Типичная байкерская старуха. Я поддерживаю ее право голоса, но эта девушка злоупотребляет им и людьми, с которыми живет. Она просто злая.

— Тогда почему она до сих пор здесь?

Келли наблюдала, как женщина, о которой идет речь, подходит к столу мужчин. Она рассмеялась и наклонилась к ним, чтобы сказать что-то, что рассмешило их. Келли, может быть, это и не заботило бы, но девушка касалась коленей Юлия.

— Сладкая, ты прямо сейчас смотришь на причину того, почему она здесь.

— Да, — сказала Келли, когда девушка снова перекинула свои волосы и улыбнулась Келли, — я вижу.

Беверли дотянулась до Келли и положила свою руку на ее плечо:

— Эй, милая, если тебя это успокоит, то они никогда не были вместе, по крайней мере, насколько я знаю. Я не говорю, что Юлий не проводил время со своими поклонницами одну-две ночи, но она не была одной из них. Она из тех девушек, которая теряет интерес к мужчине после близости.

— Кажется, у нее какие-то проблемы со мной, — Келли знала, что это прозвучало горько, но она не могла терпеть это. Супружеский поцелуй потряс ее, и она думала, что те же чувства испытал и он. Но Юлий, похоже, с легкостью мог уйти от нее, и теперь на его коленях сидела красивая штучка, и он не отталкивал ее.

— Что собираешься делать с этим?

— Хмм? — спросила Келли, смотря на этот спектакль. — Что ты имеешь в виду?

— Это твой мужчина, не так ли? — Беверли постучала по пластиковому столу акриловым ногтем. — Ты должна заявить об этом.

— Я только что вышла замуж за него. Разве этого не достаточно?

— Не совсем. Многие парни думают, что после женисьбы нормально трахать кого-то на стороне. Ты позволишь это?

— Это так грубо.

— Хочешь придумать красивое слово для обмана? Но прими мой совет, дорогуша, выясни, как пометить свою территорию, или она продолжит там рыскать.

Юлий посмотрел вверх, и его глаза нашли Келли. Ее кожа натянулась, звеня от ощущений, которые Келли не могла назвать. Его губы были пухлыми, и все, о чем она могла думать, это об их поцелуе. Она не собиралась так сильно целовать его, но, видимо, десятилетие безответного чувства оказалось на нее больше влияния, чем она хотела признавать.

С другой стороны, она не могла винить Сэди за желание увидеть Юлия голым. Он был таким парнем, который разбивал сердца только одним своим существованием.

— Ну, я имею в виду, глядя на него, ты как будто собираешься съесть его. Это один из способов сделать это. Она, может, и не понимает, что он запретная зона, но я уверена, что другие уже осознали.

— Беверли, а ты мне нравишься.

— О, хорошо, потому что я не хотела бы притворяться, что мы не друзья.

Келли согласилась. Женщины общались, пока солнце не зашло за горизонт. Впервые, с тех пор как на Келли напали, она расслабилась. Так странно, что дружба может делать подобные вещи. Фиолетово-оранжевый закат окрасил горизонт, когда они услышали звук.

Приближающийся звук долбящего рэпа был не на английском языке. Неделю назад Келли только бы закатила глаза на человека, который слишком громко включал свою музыку, но очень многое может изменить человека за неделю.

Беззаботность приема исчезла, когда все услышали музыку. Мужчины, которые носили клубный жилет, изменили свои позиции, положив руки на свои пушки, небрежно скрытые под рубашками. Женщины отошли назад, а те, кто был с детьми, вошли внутрь.

Кто-то долго закрывал дверь, и Цезарь, который не хотел быть запертым, выбежал на улицу.

Келли поняла, что она боялась сделать какое-либо движение.

— Келли, давай, — Беверли обернула свои красивые ногти вокруг руки Келли и крепко взяла ее. — Пойдем внутрь.

Было слишком поздно. Несколько машин уже подъехало к их дому. Она могла видеть крыши «Импалы» и «Линкольна». Чья-то артистическая рука нацарапала образ Девы Марии на капоте, ее блестящий ореол кровоточил, касаясь лобового стекла.

Из машин вышли двое мужчин. Первый был одет в темно-красный костюм, цвет которого был похож на высохшую кровь. Она задавалась вопросом, имело ли это какой-нибудь смысл. Его узкий галстук подчеркивал слишком длинное тело. Подбородок мужчины украшал клочок бороды, улыбка была блестящей, скорее золотой от вставных золотых зубов, чем белой.

— Райли Форстер! — позвал он, его голос едва оттенял латинские корни. — Думаю, наше приглашение потерялось по дороге.

Они подошли к невысокой части забора, но не пересекли ее. Десять мужчин из «Адских гончих» встали между забором и Келли.

Второй мужчина, которого Келли сначала не узнала, пока не почувствовала запах дешевых сигарет и ликера, стоял рядом с первым. Ее начало трясти. Его взгляд, темный, как вулканическое озеро, и тяжелый, буквально опустился на нее. Даже при наличии дистанции в десять мужчин она не ощущала спокойствия. Ее желудок сжался. В этом взгляде было что-то неправильное, в нем не хватало человечности.

Мужчина, которого, как предположила Келли, звали Авель, провел языком по зубам, после чего послал ей поцелуй. Холодная дрожь пробежала по ее спине, но она не отвела взгляда. Она увидела синяк на его брови и поняла, что это она его поставила. Ей не нужно было отводить взгляд. Ее губы скривились в гримасе.

— Вас не приглашали.

Келли не знала, как отец это сделал, но его голос был лишен той слабости, которую она ожидала услышать. Когда она обернулась, то увидела, что он стоит там. Он вынул дыхательную трубку, обернутую вокруг его лица, и встал. Он поднялся во весь рост. Какая-то уловка заставляла его выглядеть больше и сильнее, чем он был на самом деле. Ее беспокоило, каких усилий ему это стоило.

— Ну, мужик, не будь таким, — сказал Кайн. — Я думал, мы теперь семья.

Келли посмотрела на отца. Он не дрогнул, но лицо напряглось. Было ощущение, что вот-вот начнется драка. Руки опустились к оружию. Открылись двери автомобилей, и она увидела длинные полуавтоматы.

— Ты потерял свое дерьмо честно и справедливо.

Кайн выпустил несколько испанских ругательств, а затем фыркнул:

— Мужик, ты знаешь, что ничего не было справедливым. Но, эй, это не та причина, почему я здесь.

— Зачем ты здесь? — настаивал Юлий. Келли не увидела его передвижений, она даже не поняла, что он позади нее, пока он не заговорил. Он сделал еще один шаг и аккуратно встал перед ней.

— Да вот проезжали мимо и решили заехать благословить твою красавицу-невесту. Мой брат здесь, и он просто хочет вручить ей подарок.

Было что-то ужасающее в том, как он сказал это, и у Келли побежали мурашки. Цезарь, должно быть, слышал это, так как собака оббежала и плюхнулась перед ней. Он предупреждающе зарычал.

— Ну, это справедливо, — выкрикнула Келли. — Ведь он до сих пор носит мой подарок.

Из собравшейся толпы раздался хор смеха. Авель выскочил вперед, извергая иностранные ругательства. Удивительно, что «сука» звучит как «сука», независимо от

того, на каком языке это произнесено. Каин ударил рукой в грудь своего брата, и Авель отошел назад на несколько дюймов. Достаточно, чтобы получить сообщение.

Юлий улыбался:

— Не думаю, что моей леди нужны подарки от вас. Почему бы вам не упаковаться и не поехать домой?

— Хорошо, хорошо. Сообщение получено, — он поднял руки, признавая поражение.

— Мы просто зашли, чтобы сказать привет и поздравить вас с вашим неожиданным союзом.

— Разве это не слишком великодушно с твоей стороны? — сказал Райли.

Каин ничего не ответил. Он поклонился и увел своего брата.

Келли ждала звука моторов и колес:

— Что это вообще было?

Юлий пересекся взглядом с Райли:

— Шок. Вот и все. Он знает, где мы, где мы живем.

Райли присвистнул:

— Перспектива.

Кен и другой парень выступили вперед. Она подумала, что слышала, что кто-то называл его Призраком — он был меньше ее и таким бледным. Она не была уверена, что когда-либо слышала, как он говорил.

— Следуйте за ними и ведите себя тихо. Никаких байков. Он знает, где мой дом, а мы собираемся узнать, где его.

— Да, сэр, — Кен задержался перед Келли. — Мы не дадим тебя в обиду, принцесса.

Признак ничего не сказал, только кивнул.

— Келли, почему ты и Бев не идете в дом? — спросил Юлий. — Этот разговор не для ваших ушей.

На секунду Келли подумывала начать спор. Было очевидно, что они будут говорить о ней и принимать решения насчет нее. Но она чувствовала, что не способна решить сейчас что-то. Все, что она хотела, это вернуться на месяц назад, когда ее жизнь была такой простой, как написание заметок в газеты.

— Да, хорошо.

Она остановилась рядом с отцом и обняла его:

— Ты будешь в безопасности, Келли. Я обещаю.

Она кивнула. Дело не в том, что она ему не поверила, Келли знала, что он попытается, она просто не знала, насколько хорошо все пройдет.

— Давай, детка. Давай вытащим тебя из всего этого белого. Твой щенок прошелся и оставил несколько отпечатков лап на подоле.

— Это не моя собака, — сказала Келли, даже когда она положила руку на широкую голову бродяжки.

— Угу, как скажешь.

Дом был на удивление пуст, когда они вошли. Ни один гость не хотел задерживаться после почти произошедшей перестрелки.

— Почему бы тебе не переодеться? У меня полно нервной энергии, чтобы вычистить весь дом, и я думаю, что начну с тебя, — предложила Беверли.

— Ага, хорошо, спасибо.

Коробки с ее вещами до сих пор были в комнате Юлия. Она копалась в них, пока не нашла футбольку и джинсы. Ее свадебное платье, которое заляпал Цезарь, снялось с большей легкостью, чем она ожидала. Время от времени она представляла себе, как ее свадебное платье будет снято в брачную ночь. Обычно этим занимались мужские руки.

Она старалась не зацикливаться на этом, пока переодевалась в свою одежду.

Когда Келли вышла в гостиную, Беверли уже заполнила целый мусорный пакет.

— Тебе нужна помощь? — предложила Келли.

— Не хочешь отдохнуть? — спросила Бев.

— Нет, — Келли покачала головой. Ее улыбка не достигла глаз, но она надеялась, что это выглядело искренне. — Видимо, твоя энергия заряжает.

— О, милая, — Беверли отложила пакет и пересекла гостиную, чтобы крепко обнять ее. — Все в порядке, клуб защитит тебя. Юлий защитит тебя.

Келли не могла полностью остановить себя от фырканья:

— Да, правильно. Им пришлось манипулировать, чтобы он женился на мне.

— Может быть, — ответила Беверли, присаживаясь на уже чистый диван. — Но он женился на тебе, Келли. И это значит что-то. Это значит гораздо больше для таких ребят, как он. Это обещание.

— Как по-варварски, — Келли не могла удержать насмешку в ее голосе.

Беверли засмеялась:

— Да, чуть-чуть. Так это работает для них.

Келли плюхнулась рядом с Беверли, перетянув пухистую подушку на колени.

— Ништяк. Одни преступники защищают меня от других.

— Не будь такой. В тебе тоже есть что-то преступное.

— Что?

Беверли ухмыльнулась:

— Что ты сказала? — она начала смеяться.

Келли чувствовала странное чувство гордости:

— Да, хорошо...

— Что ты сделала, чтобы заставить того парня кипеть?

— Возможно, я перекинула его через плечо.

— Расскажи мне.

Келли так и сделала, она говорила об этом всю ночь, а Беверли слушала. Она ахала и хихикала, и ей стало лучше. Она знала, что Беверли специально ее расспрашивала, чтобы переключить внимание.

— Спасибо.

Беверли пожала плечами:

— Тебе это было необходимо. Но это не значит, что мне не понравилась история.

— Мне очень жаль, что я не была приветливой с тобой в старшей школе.

Беверли вздохнула:

— Я не упрощала эту задачу для всех в школе. У меня были собственные проблемы.

Ты могла не быть милой, но ты не была подлой и злой. Я очень ценю это.

— Ты до сих пор хочешь убираться?

— Я мать, я счастлива убрать любое место, где остаюсь больше, чем на десять секунд.

Келли засмеялась и схватила свою сумку. Вместе они ходили по гостиной, поднимая банки с пивом, наполовину полные и пустые. Цезарь пытался помочь, пережевывая остатки еды. Им не нужно было говорить, по крайней мере, поначалу.

— Уверена, что ты в порядке? — спросила Беверли, когда они вытащили метлу и совок.

— Буду.

Беверли посмотрела на нее, как бы оценивая ее честность:

— Да, похоже на то.

Задняя дверь открылась, и мужчины вошли внутрь. Они выглядели как небольшая армия, мрачная и решительная. Ее отец был впереди, все еще стоя на собственных ногах. С минимальной помощью он занял место в своем старом кресле.

— Мы поговорили.

Келли прислонилась к обеденному столу:

— Хорошо.

— Тебе это не понравится.

Ее бровь поднялась:

— Потому что последние несколько дней были моими любимыми?

— Я отправляю тебя к Юлию.

Келли притормозила:

— Подожди. Что?

Он посмотрел на нее:

— Ты не можешь оставаться здесь. Каин знает, где я живу. Его показуха — бред, но этот визит доказывает, что он может сделать все, что угодно, когда только захочет. Ты здесь несколько дней, но проблемы уже есть. Однако он не знает, где живет Юлий. Его пребывание здесь было временным. Он просто помогал мне. Он может присматривать за тобой там.

— А как насчет твоей химиотерапии? А таблетки? Папа, ты не можешь все это сделать сам. Позволь мне остаться.

Он покачал своей головой:

— Нет. Кен будет здесь для этого. В любом случае, он разбирается в расписании.

— Это правда, — сказал Юлий.

Келли качнула головой. Заколки с бабочками до сих пор украшали ее прическу, сверкая огнями. Она хотела поспорить, но сил на это уже не осталось:

— Отлично. Без разницы.

— Ты серьезно? — выпалил Юлий — Ты смиришься с этим?

— Просто твой новоиспеченный муж думал, что ты будешь спорить со мной минут двадцать. Я, кстати, тоже. Пришлось бы тебя уговаривать.

— Я упрямая. Даже не знаю, от кого у меня это, — она встала и подошла, чтобы погладить отца по щеке. — Если бы Каин и Авель не появились здесь, то, возможно, вам и пришлось бы это сделать. Но я не глупая, вы хорошо все аргументировали.

— Ты все равно хочешь услышать? — спросил Райли.

— Нет, — покачала она головой. — Нет, не хочу. Уже слишком поздно, и я очень хочу спать.

— Дерьмо, — огрызнулся Юлий. Он выбежал из комнаты в спальню, которая до недавнего времени было его. Дверь захлопнулась за его спиной. Пес не понял, что произошло, и попытался пойти за ним следом, но не смог.

— Я разберусь с ним.

Она подумала об этом на мгновение:

— У тебя есть какой-то план?

— Да.

Было бы слишком просто позволить отцу сделать это, но это было как-то неправильно. Она была причиной того, что жизнь Юлия пошла не по его плану.

— Нет, — наконец сказала она. — Я сама поговорю с ним.

Дверь не была заперта, но она все равно постучалась.

— Что? — ответил он. Его голос не был счастливым.

Это было то приглашение, которое она получила. Она открыла дверь, и Цезарь впрыгнул в комнату вперед нее. Он врезался в Юлия, который не двигался. Его свадебная одежда, точнее, его обычная одежда, только чистая, была брошена на пол. Он переоделся в толстовку и темные джинсы. У его ног была сумка, наполовину наполненная его вещами.

— Я буду готов идти через минуту.

— Хорошо.

Она подняла пару вещей и переложила их в коробки:

— Я тоже.

— Тебе не надо брать все, только то, что тебе понадобится на несколько дней.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты не останешься у меня надолго.

— Bay, ты знаешь, как заставить девушку почувствовать себя желанным гостем.

Он фыркнул, но больше ничего не сказал. Она прекрасно чувствовала его злость, но Келли этого не понимала. Да, ей было нужно личное пространство. Пять лет пребывания в общежитии и еще два года с соседями по комнате, когда она училась в ветеринарном колледже, научили ее ценить неприкословенность частной жизни. Конечно, это выходит за рамки. Что она сделала, чтобы сделать его таким безумным? Он почти дрожал, пока складывал свои вещи в сумку.

Звук застегиваемой молнии сообщил, что он уже готов. Юлий скрестил свои руки на груди и ждал. Это была нетерпеливая поза. Он сдвинулся только чтобы помочь ей поднять три коробки, затем вышел к «Бьюику» и бесцеремонно кинул ее вещи на заднее сиденье.

— Эй! — огрызнулась она, следя за ним. — Ты можешь злиться на все, что хочешь, но не смей так обращаться с моими вещами, мистер.

Он повернулся к ней, и она увидела, что его карие глаза вспыхнули в темноте:

— Тогда не манипулируй, чтобы оказаться в моей постели.

Она почувствовала, как в ее животе все сжалось:

— Что?

— Я не заикался, не так ли? Ты слышала меня. Я понимаю, я тебе нравился в старшей школе. И вот мы в этой чертовой ситуации, и ты собираешься использовать ее в своих интересах. Но мне не нравится это. Я не хотел этой свадьбы и, чертовски уверен, не хотел тебя.

Его слова причинили боль. Другая женщина, может, хныкала бы и плакала, но Келли Форстер была не из таких. Она встала, положив руки на бедра:

— Может, ты снова меня спутал с одной из своих намалеванных байкерш, но я никем не манипулирую.

— Коне-е-ечно.

Это слово было наполнено ненавистью, хотя она догадывалась, что он не был зол на нее, но она не знала его настолько хорошо, чтобы быть уверенной в этом.

И, как она всегда это делала, когда чувствовала себя потерянной, она обращалась к науке, и когда возникал вопрос, то задавала его.

— Окей, в чем проблема?

— Я думаю, это я.

— Нет, ты скормил мне всю эту злую эмоциональную фигню, что я манипулирую ситуацией. Сейчас ты думаешь, что у меня такой злой выдающийся ум, что я была одержима тобой в течение семи лет, просто ожидая, когда случайный преступник нападет на меня в квартире, которая даже не оформлена на мое имя. И мой папа придумал какой-то план, чтобы связать нас вместе, чтобы я могла манипулировать тобой в твоем доме — довольно искусно, но я этого не делала.

— Я никогда такого не говорил.

— О нет, не говорил. Ты подразумевал это, проявляя некоторое неуважение к моим вещам и придираясь ко мне по причинам, которые я не контролирую, — она подошла к нему и тыкнула одним пальцем ему в грудь: — Я не польщена.

— Я и не пытался тебе льстить.

— Нет, моя теория состоит в том, что ты привык работать на другой почве. Ты судишь мои действия с позиции своего прошлого. Это прекрасно. Несправедливо, но мы всего лишь люди. Это психология. Но ты пересек грань, думая, что можешь грубо обращаться с моими вещами. Понял?

Он выждал паузу, а после сказал:

— Твои глаза искрят, когда ты сердишься.

Ее взгляд похолодел:

— Спасибо.

Юлий поднял руки и вздохнул. Затем прислонился к машине:

— Извини, мне не нравится, когда люди навязывают кого-то мне, а твой отец просто... просто сделал это.

— Сделал, но он не хотел ничего плохого.

— Это не улучшает ситуацию.

— Достаточно честно, — она прислонилась к машине рядом с ним. — Я не хочу быть крайней, Юлий.

— Понимаю. Черт, мне нравится это, — он засунул свои руки в карманы. Гнев вырвался из него. — Я просто вспыльчивый.

— Серьезно? — произнесла она сухо.

У него хватило совести, чтобы выглядеть немножко смущенным:

— Да, мой отец... он был чертовски вспыльчивым. И все ухудшалось, когда он был пьян.

Келли знала это, но никогда не слышала, чтобы Юлий говорил об этом. Она молчала.

— Я привык искать свободу, понимаешь? Если я возвращался домой из школы, а повсюду были бутылки, или моя мама, когда была напугана и пряталась, подобно мышке, тогда я знал, что отец опять вспылил. Черт, даже если этого не случалось, я знал, что это скоро произойдет.

— Это называется гипервосприятие, — объяснила она, когда он замолчал. — Многие дети, подвергшиеся насилию, развиваются такими. Они определяют сигналы тела, которые другие люди упускают из виду, потому что это защищает их.

Он кивнул:

— Да, да, что-то вроде того. Гипервосприятие. Звучит как суперсила. Как Бэтмен или что-то такое.

Она положила свою голову ему на плечо. Он не ответил ей, но и не сдвинулся. Что-то в этом было.

Вечером стало холоднее.

— Однажды, когда мне было пятнадцать, я думал, что стал достаточно взрослым, чтобы противостоять ему. Я так устал быть постоянно избитым. Я сделал это нарочно, чтобы он сошел с ума. Я даже не могу вспомнить, что сделал, но он ворвался в мою комнату, и я встал. Это было идеально. Я сбил его с ног.

— Ты одолел его?

— Нет, — рассмеялся он горько. — Не одолел. Он почти отправил меня в больницу. Моя мама, она была медсестрой, ты знала это?

— Нет, не знала.

— Да, была. Работала с престарелыми, и с самого начала любила свою работу. Но мой отец бил ее. Очень много, — он провел рукой по волосам, продолжая. — Но она приходила, когда он заканчивал избивать меня, и приводила меня в порядок, а я спрашивал... Спрашивал, почему она до сих пор с ним. И знаешь, что она говорила?

— Что?

— Она говорила, что он любит ее больше, чем кого-либо. Ее руки были в синяках, но она говорила мне, что он любит ее, — он сплюнул в сторону, как будто слова оставили во рту грязный вкус.

— Мне очень жаль.

— Да, мне тоже. И это не самое худшее.

— Расскажешь мне?

— Вероятно, должен, — он посмотрел вниз, затем в сторону. — Тебе не понравится это.

— Хорошо.

— Я почти женился однажды. Милая девушка, официантка. Ее звали Люси. Мы начали жить вместе, даже говорили о выборе колец и все такое. Было круто. Затем однажды ночью мне позвонили. Умер отец. Не знаю, почему я был удивлен, но я был. Я пошел в больницу попрощаться, и там, рыдая, сидела моя мама. Не знаю почему, но меня отпустило. Наконец-то я почувствовал себя свободным, а она всхлипывала, грустила, вела себя так, будто только что из ее жизни исчезло самое лучшее, что могло быть. Я... черт возьми, я так разозлился.

Он посмотрел на землю. Нет, это Келли так решила. Земля была просто местом, где задержался его взгляд, пока разум бродил среди тяжелых воспоминаний.

— Она кричала на меня из-за того, что я не был так расстроен, как она. Мама схватила меня за рубашку и трясла достаточно сильно, чтобы разорвать ткань. Она проклинала меня, ругалась... и затем плонула мне в лицо. Все это время я знал, что она не противостояла отцу. Это только заставило меня рассердиться. Я ударил ее. Боже, я даже не понял, что сделал это. Я просто... Я так злился на нее за все, что она когда-либо делала, я сошел с ума и ударил ее.

Внутри все оледенело. Келли не могла отрицать, что ее это ошарашило и расстроило. Когда она оглянулась, его тряслось:

— Люси ушла. Я не мог ее винить. Мне было противно от самого себя. Я не смог противостоять отцу, но смог ударить мать. Тогда я знал, что у меня никогда не будет женщины. Я был таким же ужасным, как и он.

— Понимаю, — прошептала она.

— Я заберу тебя с собой, чтобы защитить. Но, Келли, я не могу быть твоим мужем. Я не могу быть настолько близким тебе.

Она покачала головой и встала перед ним. Она подождала, пока его глаза сфокусируются на ней.

— Ты дерзово поступил. Но об этом известно, и ты не повторишь это.

Юлий пытался отвернуться, но она положила ладонь на его щеку и провела рукой по щетине. Когда они целовались, его щека была гладкой.

— Келли...

— Ты не избил ее. Она накидывалась на тебя, и ты ответил, чтобы остановить ее. Это не одно и то же, это совсем другое.

Он хотел поверить ей, она видела это.

— Уже поздно, — сказал он. — Пора ехать, — он взглянул на нее. — У меня беспорядок.

— Я делила комнату в общежитии, держу пари, я видела и похуже.

Она залезла в свою машину, он — на байк. Было легко следовать за ним через Ашлэнд. Она была рада тому, что осталась в машине одна. Ей надо было подумать.

Она встречала много людей, которые относились к себе слишком строго. Она видела такого человека каждый раз, как только смотрела в зеркало, но она, по крайней мере, знала о тех моментах, когда требовала от себя слишком много. Юлий же не понимал этого.

Да, он не должен был делать то, что сделал, но она бы подумала о нем хуже, если бы он не понимал, что это было неправильно. Если бы он стоял перед ней и рассказывал ей историю о том, почему он ударил маму и почему это было правильно, ей было бы неудобно, может быть, она бы даже разозлилась, но этого не произошло.

Глава 7

Чертовски удивляло то, как быстро все пошло своим чередом. С тех пор как они переехали, она жила в «гостевой комнате». Юлий был против такого определения. Просто комната. Если еще более точно, он называл это «логовом». Это была большая комната с раскладным диваном и несколькими коробками, которые он никогда не распаковывал, но она не жаловалась.

— В первый год в университете нас было шесть человек. Кровати стояли так близко друг к другу, что, если бы я потянулась, то ударила бы кого-то в лицо. Поверь мне, это намного лучше, — сказала Келли, разбирая коробки. — Я могу создать здесь домашний уют.

Уют. Это слово послало дрожь по его телу. Она не должна была заниматься домашним хозяйством, она должна была закрыться в своей комнате и опустить голову вниз, чтобы не стать мишенью. Каин ясно дал понять, что он хотел бы держать ее в поле зрения, и Юлию также не понравился взгляд Авеля.

Несколько дней спустя ее вещи были повсюду. Она расставила книги так аккуратно, насколько могла сделать это без книжной полки. Она взяла с собой кучу фотографий. На большинстве из них были люди, которых он не знал. На фоне зеленого кампуса позировали ее друзья из колледжа. Некоторые фотографии изображали экзотические места с горами на заднем плане. Его любимой, однако, была фотография, где волосы Келли были завязаны назад, брови сведены, а она сама пыталась накормить котенка через шприц.

Что он мог сделать с этим? В принципе, ничего.

— Эй, — спустя несколько дней сказала она, ударив рукой по шкафу. — Я знаю, что моя жизнь в опасности, но могу я сходить в продуктовый магазин или в торговый центр?

— Для чего? — он сделал большой глоток холодного пива. — У нас все есть.

— Ну, — сказала она, открывая холодильник. Келли нахмурила брови, прямо как на фото. — Ты, может, и способен жить, питаясь полуфабрикатами и пивом, но я ценю хорошую домашнюю пищу времена от времени.

— Я не готовлю.

— Нет, готовишь. Я видела, как ты готовишь моему отцу. Помнишь? — когда она скрестила руки на груди и пристально посмотрела на него, он почувствовал неожиданную дрожь. Было что-то неправильное в том, что ему нравилось, что ее щеки становились розовыми, когда она расстраивалась, особенно когда на ней была пижама с маленькими утятами.

Он махнул рукой и улыбнулся:

— Отлично. Я не часто готовлю. Твоему отцу нужно было здоровое питание, так что... ты знаешь.

— Да, знаю, — это было сказано со знанием дела.

Он поднял свои брови:

— Чушь. Ты ветеринар, ты не готовишь животным.

Она фыркнула:

— Я не заинтересована в диетах. Но я скажу только то, что моя мама ушла, когда я была ребенком, и так как ты остался с моим отцом, то ты знаешь его привычки в еде так же хорошо, как и я. Или их отсутствие.

— Так и есть.

— И так как я застряла здесь и нервничаю, то я хочу печь и готовить.

— Ты готовишь, когда нервничаешь?

— Это нормально. Некоторые врачи говорят, что...

Он поднял руки и покачал головой:

— Мне не нужны эти научные штуки. Просто скажи мне, что тебе нужно, и я найду кого-нибудь, кто принесет это.

— Кого-нибудь? Я не могу пойти и купить это сама?

Теперь Юлий сощурился:

— Неужели смесь для кекса это весомая причина, чтобы получить пулю?

Она выглядела недовольной:

— Смесь? Невежа.

Он посмеялся:

— Ты хочешь сделать торт сама?

— Торт, лазанью, сыр.

— Ты можешь сделать собственный сыр?

Она подняла на него бровь:

— Позволь сходить мне в продуктовый магазин и узнаешь.

— Нет. Напиши список, и кто-нибудь принесет тебе все.

— Не ты?

— Мне нужно зайти в автомагазин. Ты хочешь, чтобы я взял молоко по дороге домой, как хороший муженек? Все, что тебе надо сделать, — это попросить.

— Мило, — она подняла руки, закатив глаза. — Отлично. Но это должен быть человек, который разбирается в том, что делает.

На следующий день холодильник был заполнен разнообразной едой. Его пиво стояло в ряд на дверце холодильника. В кладовой было три разных вида муки. Юлий не знал, что есть несколько видов муки. Он даже не знал, что у него есть кладовая.

Келли также заполнила ванну своими девчачими штучками. Лосьоны, которые,казалось, были выставлены в определенном порядке по важности, несколько кусков мыла и два шампуня. Не его. Кому нужно вообще два шампуня? Он предположил, что здесь нет никакой логики, которая объяснила бы это дермо.

Когда он заявил об этом, она только холодно моргнула и сказала:

— Покажи, что знаешь.

Он не был особенно хорош с женщинами на личном уровне, но он хорошо знал, когда спор не имел смысла. Эта девушка могла уничтожить человека словами, как другие люди — пушками.

Тем не менее, ничего из этого не было настолько плохо, как то, что она вышла из ванны, одетая только в полотенце.

Раннее возвращение домой было редким и драгоценным подарком, и Юлий хотел максимально использовать его.

Затем он услышал шум воды. Было так просто представить милашку Келли мокрой и обнаженной. Он пообещал себе не прикасаться к ней, но Цезарь терпеливо сидел возле двери. Его хвост дергался из стороны в сторону, пока он ждал, когда его новый любимый человек выйдет из ванны.

— Эй, предатель, — сказал он, опустившись на колени, чтобы почесать его за ухом.

— Она будет там бесконечно, как насчет прогулки?

Торговый бизнес прикрыли, а клубный бизнес был в затишье, потому что все притихли после демонстрации сил Каина. Выполнив работу, он решил отправиться домой, попить пива, может, выйти на прогулку с Цезарем. Возможно, выяснить, как спасти Келли от сумасшествия во время домашнего ареста.

Он обещал не прикасаться к ней, но у этой светловолосой секс-бомбы была плохая привычка ходить в крошечных шортах и майках.

— Возьми, если хочешь.

На своем втором любимом слове Цезарь подпрыгнул и быстро покрутился, его уши пришли в движение вокруг квадратного морды, и Юлий открыл дверь в свою спальню. На его кровати лежала стопка чистого белья. Юлий не знал, раздражаться из-за того, что она взяла на себя функции жены, или смутиться, что она сложила его нижнее белье.

Он выбрал оба варианта.

Он осознал, что она делала много вещей по дому. Убиралась, спрашивала, что он хочет на ужин, она даже начали смотреть телевизор вместе. Ему срочно надо было найти способ прекратить это.

Он как раз выходил из своей комнаты с поводком в одной руке, когда она вышла из ванны, окутанная клубами пара.

Они почти столкнулись, его мозг переключил все внимание на Келли. Это было несправедливо. Она хорошо выглядела в джинсах и футболке. Но в полотенце, мокрая и пахнущая, как одна из тех бутылок с гелем, девушка выглядела так, что ее хотелось съесть.

— Ты вернулся раньше, — сказала она, поправляя махровую ткань на груди. Это не помогло. Все, что она сделала, это смешила ткань.

— Спокойный денек.

— Окей, это хорошо. Я собираюсь готовить ужин. Может, курицу?

По ее шее текла капля воды, опускаясь в ложбинку груди. Она могла бы предложить ему картошку, смоченную консистентной смазкой, и он бы сказал: «Да, хорошо».

— Эй, Юлий. Мои глаза чуть выше.

— Дерьмо.

Она прошлась по коридору к своей комнате, и тогда, наконец, кровь стала возвращаться к его мозгу.

Цезарь склонился к нему в ожидании.

— Да, дружище. Прогулка — отличная идея.

Он надеялся, что прогулка поможет ему выкинуть из головы все мысли о голой Келли. Не помогло. Его разум перескочил от представления срывающегося полотенца к их поцелую у алтаря. Это был чертовски хороший поцелуй. Не просто хороший. В этой маленькой блондинке горел огонь, который сжигал все изнутри, и он хотел купаться в нем.

Дело не в том, что он раньше не хотел эту женщину. Он не чертов священник. Он желал многих девушек и наслаждался ими. Когда он был моложе, и патч был совершенно новым, у него было много женщин. Цыпочки из клуба нестерпимо желали его, девушки за пределами клуба были более спокойными, но не менее чувственными. Тогда же была и Люси.

Люси, которая посмотрела на него с очевидным отвращением, а потом собрала все свои вещи за одну минуту, как только они вернулись домой. Она не слышала, что он сказал. Она и не хотела слушать. Все, что напоминало ему о ней, было пустое место в постели и спам на ее почте.

После этого было немного женщин.

Сейчас же есть одна: с длинными ногами и большими голубыми глазами, скользящая по его дому в одной махровой желтой ткани. Что он должен делать?

— Как думаешь, дружище?

Цезарь взглянул на него, открыв пасть и вывалив язык. Он поднял ногу и пометил куст.

— Да, — фыркнул Юлий. — Замечательно.

Мужчина не сразу зашел внутрь, когда вернулся домой. Он открыл гараж и достал все свои инструменты. Его голова работала лучше, когда он мог что-то делать руками. Старый байк, который уже десять лет нуждается в починке, был на куче коробок. Большое пятно масла красовалось на картонной поверхности.

Дело было не в том, что она горяча, хотя она определенно была такой. Дело было в том, что ей было что сказать, что она не отступала, когда кто-то пытался ее запугать. Двадцатипятилетняя Келли была далека от тощей девочки-подростка, которая собралась и порвала со всем почти десять лет назад. Тот маленький ботаник не мог связать и двух предложений.

Сейчас она была сильной, уверенной и умной. В комплекте с горячим телом — это была тройная угроза. Это была девушка, которая могла залезть под кожу и заставить человека хотеть быть лучшим.

— Дерьмо.

Его мысли были спутаны и неслись слишком быстро, чтобы удержать. Он стянул рубашку, вытер пыль и грязь с лица, шеи и плеч. Аромат запеченной курицы и какого-то картофельного блюда доносился изнутри, перебивая запах масла и металла.

Цезарь заскулил и попятился к двери.

— Да, — пробормотал Юлий. — Я тоже слышу этот запах, дружище. Пойдем, умоемся и войдем внутрь.

Он использовал раковину гаража, чтобы смыть основную грязь, и плеснул на собаку, чтобы тот не наследил. Келли навела в доме порядок, он не хотел, чтобы ее тяжелая работа не была оценена.

Она стояла у плиты, когда он вошел. На сковороде были золотисто-коричневые кусочки курицы. На этот раз на ней не было футболки и джинсов. Она была одета в летнее платье. Ткань была бледно-розовой и достаточно тонкой, чтобы он мог видеть сквозь нее под определенным светом. Особенно ее спину.

— Хорошо выглядишь.

— Собиралась проводить отца после ужина, взять для него какую-нибудь еду и проверить, как Кен заботится о нем.

— Окей, я отвезу тебя.

— Спасибо.

Она достала курицу щипцами и положила на салфетки. Подняв глаза, девушка остановилась. На мгновение он этого не понял, но когда ее глаза сосредоточились на его груди, а не на его лице, он осознал. Возможно, он не носил полотенце, но на нем не было рубашки.

Это была честная игра.

— Эй, Келли, мои глаза здесь, — сказал он ей с усмешкой на губах.

Она в замешательстве моргнула, а затем ее большие голубые глаза окунули его тело и лицо. Они наполнялись эмоциями, которые он не знал, но назвал бы их глубокими. Ее губы раскрылись, и язык прошелся по ним в молчаливом приглашении.

— Да, — сказала она. — Там.

Он не знал, кто сдвинулся первый, и не был уверен, что это важно. Она поднялась на носочки, а он опустил голову. Юлий прижался к ее пухлым губам, и она издала небольшой звук. Этот звук ударили его, как наркотик, и он хотел большего. Его руки обернулись вокруг ее спины и сжали клочок ткани, который он не мог назвать платьем.

— Да, — прошептала она, когда его рот опускался вниз по ее шее. Юлий не знал, что делал: целовал, лизал или то и другое одновременно. Все, чего он хотел, это попробовать ее кожу на вкус. — О, да.

Он схватил ее за задницу и поднял. Юлий опустил ее на чистую кухонную стойку, и ее длинные ноги обернулись вокруг него.

Боже, в ней было так много огня и страсти. Ее тело изогнулось, искушая его. Он ответил на призыв. Кожа девушки была такой мягкой под пальцами, когда он подтолкнул вверх подол платья, обнажив ее бедра. На ней был белый хлопок внизу — это не должно было приводить его в такое же дикое состояние. Все, что он хотел сделать, это стащить его зубами.

— Келли, Боже мой.

— Больше, пожалуйста. Не останавливайся.

Она схватила его лицо в ладони и прижалась к его губам. Ее розовый язык нырнул в рот, отступил и снова нырнул. Она обернулась вокруг него, как живое пламя, и он погрузился в него. Его пальцы опустились в вырез платья, и он разорвал его. Измельчил, как бумагу. Она проурчала в знак одобрения и легла как самое вкусное блюдо из кожи

цвета слоновой кости и белого хлопка. Ее волосы рассыпались по плечам, обрамляя лицо и грудь, как золото. Она потянулась к нему, позвала его.

— Черт.

Он опустился вперед и лизнул линию кожи, где он встретил чашечку лифчика. Она вздрогнула. Ее руки нырнули в его волосы и притянули его ближе.

— Больше, — умоляла она. — О, пожалуйста, Юлий, дай мне больше.

Ее желание сводило его с ума. Он не мог решить, где хотел ее: в комнате, на полу или где-нибудь еще. Он шарил по ее лифчику, когда его телефон зазвонил. Он был готов игнорировать его, пока ее телефон не зазвонил минутой позже.

Это не могло быть чем-то хорошим.

Он издал звук разочарования и полез в карман за своим телефоном.

— Что?

Он был прав — это не было хорошим знаком.

Больницы пахли одинаково. Запах болезни и смерти тщательно скрывали средствами дезинфекции. Келли привыкла чувствовать запахи собак и кошек, но все это было не так, когда она проходила через раздвижные двери. Ее руки дрожали, а мысли не могли собраться, когда она приблизилась к медсестре.

— Меня зовут Келли Форс... Келли Дэниелс. Мой отец поступил сюда недавно. Райли Форстер.

Медсестра с круглым лицом и короткой стрижкой сначала посмотрела на Келли, которая сумела натянуть одежду, что не была сорвана с ее тела, потом на Юлия, который всем своим видом демонстрировал, что он байкер. Губы медсестры побелели под слоем губной помады от того, что были плотно сжаты.

— Вы член семьи?

— Разве она не сказала, что она его дочь? — требовал Юлий.

— А вы?

— Ее муж, — огрызнулся он. — Какие-то проблемы?

Казалось, что Юлий стал на фут выше или, по крайней мере, занял больше места.

Его широкие руки расположились на ровной поверхности стойки регистрации. Он наклонился достаточно, чтобы показать свой внушительный рост.

— Юлий.

— Да, думаю, что помню, — сказала медсестра.

Она повернулась к своему компьютеру и стала смотреть базу, когда подошел Кен, окруженный тихим Призраком и Майклом, который выглядел изможденным. Все трое обняли Келли и похлопали по спине Юлия. Кен был теплым, у Майкла были братские объятия, а Призрак был холодным. Она не была уверена, кто из них был максимально комфортным.

— Он на третьем этаже. Состояние критическое, — объяснил Кен.

— Уже? — спросила Келли. Обычно требовалось несколько часов, чтобы от экстренной ситуации дойти критической. Келли почувствовала, как ее живот опустился, к ногам словно привязали свинцовый груз. Должно быть, она издала какой-то шум или сделала движение, и Юлий взял ее за руку, что удержать.

— Ему нехорошо, Келли, — объяснил Кен. — Пойдем, я отведу тебя к нему.

Келли пошла за Кеном к лифту по лабиринту залов, освещенных люминесцентными лампочками. Звук ее шагов отдавался грохотом в ушах. Этого не происходило, это не могло происходить на самом деле.

На двери отца висел лист бумаги, на котором она не могла прочитать ни слова, но она не думала, что там было что-то хорошее. Остальная часть клуба выходила из комнаты

ее отца, маленькая армия мужчин, одетая в байкерскую форму. Когда она подошла, все перестали говорить. Они сдвинулись в сторону, освобождая ей путь. Ее горло сжалось.

Один взгляд на своего отца, лежащего на кровати, и поняла, что все на самом деле хуже, чем она представляла.

Он больше не был бледным. Простынь под ним была белой, а он — нет. Его кожа стала серой, она блестела от пота. Возрастные пятна на его лбу выделялись как коричневые звезды. Его глаза стали впалыми и помутневшими.

Он едва повернул голову, когда она вошла. Она могла даже по виду определить, что ему было больно.

— Папа, — прошептала она. — Нет...

— Эй, малышка, — он стал кашлять достаточно сильно, чтобы кровать под ним задрожала. Потом поднес платок, который она не заметила, ко рту, и на нем появилась черная кровь.

— Господи.

— Иди сюда, — он поднял руку, на которой не было капельницы. Больница не стала тратиться на него.

Задиные перила на койке были опущены, что помогло ей сесть рядом с ним. Его тело было такое маленькое, что было много места. Он обнял ее. Она наклонилась и положила голову ему на грудь. Его сухие губы прижались к ее лбу.

Кен говорил, она могла слышать его голос, доносящий информацию. Она слушала краем уха; ей не нужно было слышать официальный диагноз, чтобы знать, что ее отец умирает. Это не успокоило бы ее. От этой мысли на ее глазах появились слезы. Наука всегда приносila ей комфорт.

— Ты не можешь, — зашептала она, не в силах заставить себя произнести слово «умереть», но оно все равно повисло в воздухе. — Я только вернулась.

Он поцеловал ее в лоб снова:

— Вернулась. По крайней мере, мы не сможем испортить все снова.

Она осознала, что горькие слезы были холодными. Капли льда и влаги заполнили ее глаза. Они катились по ее носу и оставались на тонком больничном халате, которое он носил.

— Но я хочу все портить. Я хочу кричать на тебя и говорить, что ты не прав. Я просто хочу, чтобы бы был здесь. Я чувствую, будто мы только встретились.

— Прости, — сказал он мягко. Его рука обернулась вокруг нее. — Я тебя расстрою.

Тень упала на кровать. Она знала, что это был Юлий еще до того, как посмотрела наверх. Его присутствие имело определенный вес, к которому она привыкла. Их взгляды встретились на ее отце. Его карие глаза стали красными от невыплаканных слез.

Неожиданно Райли потянулся. Он взял одну из сильных рук Юлия в свою и притянул его ближе. Юлий не сопротивлялся.

— Клуб сделает тебя Президентом. Ты заслужил это.

В толпе раздался звук одобрения. Она почти забыла, что они были здесь. Юлий только кивнул, его щеки покраснели.

— Ты обещаешь мне, что будет заботиться о ней. При любых обстоятельствах. Только заботься о ней. Держи ее в безопасности.

— Да, — голос Юлия надломился. — Обещаю.

Райли соединил их руки:

— Я знаю, что ни один из вас не хотел этого. Но спасибо. Спасибо, что сделали это, и спасибо, что позволили мне провести ее к алтарю.

Его голос был слабым и становился слабее.

— Тебе не нужно разговаривать, папа.

— Если не сейчас, то когда?

Ей нечего было сказать на это. Наклонившись, она услышала сердцебиение под ухом. Оно не было устойчивым. Он изо всех сил пытался дышать. Келли не могла найти слов. Она ничего не могла сказать.

— Нет, — прошептала она. — Пожалуйста, нет.

Он поцеловал ее в лоб, и его сердцебиение стало тише.

— Папочка, — шептала она, — нет.

Глава 8

В наследство был получен бар. Лицензия на алкоголь уже запылилась, а барная стойка так износилась, что лоснилась. Музыкальный автомат, которым не пользовались уже несколько десятилетий, сегодня молчал. Каждый барный стул был занят одним из «Адских гончих».

Каждый, кроме центрального стула. Одинокий обитатель табурета был кожаный жилет, потрескавшийся, с полным набором патчей, сзади и спереди. Самый верхний гласил — «Президент».

Кен разливал напитки со своей стороны. Призрак со своей. Они передавали их без подщучивания, которое обычно сопровождало виски и пиво. Не то чтобы Призрак был когда-либо в шоке, но даже его молчание отражало его печаль.

Сначала ничего не происходило: двадцать странных мужчин делились напитками и воспоминаниями о своем дорогом друге. Это было слишком, каждый тихий момент заставлял Юлия чувствовать зуд.

— Дерьмо, — фыркнул Юлий, протягивая руку к лицу. — Просто дерьмо.

— Я когда-нибудь рассказывал, как я встретил Райли Форстера? — спросил Чарли. Он переместился на свое место и долго пил.

— Расскажи еще, — раздался голос.

— Ты собираешься купить мне выпить, Вик? Ты хочешь историю, значит, ты должен купить мне выпить.

— Ты не женщина, — усмехнулся Вик. — Но у тебя классный зад. Хорошо, налейте ему виски, может, я повезу его к себе домой.

Все рассмеялись. Неожиданно поднялось настроение. Кто-то пил, кто-то разговаривал, но большинство глаз было сосредоточено на старом Чарли.

— Нам было девятнадцать, — начал он. — Молодые, глупые и полные... ну... — он поиграл бровями.

Было больше смеха и много непристойных намеков.

— Заткнитесь! Замолчите, если хотите услышать остальное. Нам было девятнадцать, мы только что окончили школу и не знали, что делать со своими жизнями дальше. Ну, как любой глупый ребенок, мы подписали военный контракт.

— Черт побери! — фыркнул Вик, хлопнув себя по груди. Под кожаным жилетом он носил рубашку *Semper Fi* (*Прим. Semper fidelis* от лат. Всегда верен) — фраза, служащая девизом и названием некоторых структур. Корпус морской пехоты США использует этот девиз с 1883 года, это также девиз войск специального назначения Швейцарской Конфедерации).

— Замолкни, Вик. Или я заставлю тебя взять Пилсбери домой, — он сделал большой глоток и откинулся на барную стойку. — Я был здесь, из Калифорнии, и он был здесь, из Орегона, и мы были выбриты, вычищены и много кричали. Это было похоже на то, как быть новичком снова и снова с гораздо меньшим количеством женщин. Я хотел бы сказать, что мы были друзьями с первого дня, но это было бы ложью. Понимаете, здесь была девушка, военный секретарь, в форме.

Он отдернул руки далеко от груди и широко улыбнулся.

— Мы оба отчаянно нуждались в том, чтобы проникнуть под эту ее форму, мы неоднократно дрались. Ну, в один из таких случаев мы разрушили весь зал, и нашему сержанту это не очень понравилось. Плохо, что мы сражались, но из-за нас был сорван день мяса, а это был грех, который сержант, родившийся в Техасе, не мог простить.

— Ваш сержант был прав, — Кен бросил тряпку на стойку и стал её протирать. — Никто не должен препятствовать такому дню.

Чарли отсалютовал своим стаканом:

— Это чертова правда, не так ли? Тем не менее, это именно то, что мы сделали. Мы разбили друг другу губы, подбили глаза и были разорваны нашим техасским сержантом. Затем мы были поставлены на уборку в течение нескольких недель. Я не могу сказать, сколько тарелок мы перемыли, сколько туалетов вычистили, но где-то между этим мы посмотрели друг на друга. Он улыбнулся мне той глупой чертовой усмешкой и начал смеяться надо мной. Смеяться! Можете в это поверить?

Раздался бунт восторженных «да».

— Да, да, — продолжил Чарли, покачивая своей седеющей головой. — Как я и сказал, он усмехнулся и начал хихикать, как девчонка на первом свидании, и спросил, стоят ли сиськи всего этого дерьяма.

Дикий мужественный смех эхом отозвался от изношенных стен. Кто-то подошел к музыкальному автомату и включил старый альбом «Skynard». Смесь «Дикси» и рок-н-ролла присоединилась к голосам других людей, каждый из которых рассказывал свою собственную историю о Райли Форстере из «Адских гончих» (*Прим. «Дикси», также известна как «Я хотел бы быть в Дикси», «Земля Дикси» (англ. Dixie, «I Wish I Was in Dixie», «Dixie's Land») — американская народная песня, один из неофициальных гимнов южных штатов США*).

Юлий слушал все это. Было приятно услышать, как все ребята через свои воспоминания выражают горе. Он надеялся, что это поможет Келли. Он оставил ее с Беверли и другими женщинами.

— Райли Форстер был хорошим человеком и хорошим Президентом. Он ушел в шикарный гараж на небесах, — раздался хор приветствий, когда Микки поднял свой бокал и выпил. Двадцать других, носящих патчи клуба, выпили с ним. Когда он закончил, то громко рыкнул: — Его запомнят надолго!

— Надолго! — повторили они, и Юлий вместе с ними.

Его пиво было холодным, как лед, но он не мог почувствовать вкус, только температуру на губах, когда он выпил его. Райли был мертв, действительно мертв. Прошло два дня, но это грудь сжималась каждый раз, когда появлялось осознание.

Но он держался лучше, чем Келли.

Он вытащил свой телефон из кармана и отправил ей сообщение, спрашивая, все ли с ней в порядке. Теперь это была привычка, чтобы зайти к ней, проверить ее. И почему бы нет? Это то, о чем просил Райли.

— И сейчас настало время назначить нового Президента, — прокричал Вик.

На этот раз крики были громче. Юлий почувствовал, что его желудок сжался. Он знал, что будет дальше. Он хотел этого, он годами думал о президентском патче. Это всегда было мечтой, надеждой, фантазией. Сейчас же это реальность. Сейчас это значит то, что Райли мертв.

— Мой отец был мудаком, — неожиданно сказал он. — Я не знаю, алкоголь был виноват или только он. Но он любил использовать свои кулаки...

В комнате стало тихо, но не печально. Едва уловимые движения продолжались, когда на него наваливалось внимание.

— Райли нанял меня в магазин, когда мне было восемнадцать. Думаю, он не хотел, чтобы я утонул в сиськах. Я хорошо чинил технику, и техника всегда имела больше смысла, чем люди. У меня не было ни капли опыта, как жить самостоятельно, и он

просто... Не знаю, он да мне шанс. Мой отец так злился из-за того, что я так много времени проводил в магазине. Он сказал, что меня превратили в преступника.

Раздались смех и крики согласия.

— О нет, — сказал Юлий. — Так и было. Не буду лгать. Но мой отец был уверен, что его место в пиццерии лучше, чем мое в магазине, и он становился все злее и злее, и однажды он пришел в магазин, чтобы сказать моему боссу, что я ухожу. Райли был там, занимаясь бумажной работой. Он только встал, скрестив руки, слушая все, что говорил мой отец. Он был похож на эту большую проклятую статую, просто глядя на моего отца, позволяя ему называть его разными словами и обвинять во всем: от продажи наркотиков до убийства королей, и Райли просто принял это.

Когда мой отец выпустил всю злость, Райли посмотрел на него, а потом на меня. Я стоял там, пытаясь извиниться, а Райли только спросил меня, хочу ли я свою комнату. Я уставился на него, прежде чем ответил: «Да, конечно». Мой отец не пошел за Райли, нет, он пошел за мной. Он пошел прямо на меня, и я ожидал удара. Но Райли только подхватил его и выбросил. Как чертов мешок. Мой отец выглядел таким потрясенным. Он начал вставать, но Райли покачал головой. Он велел ему ползти. Человек, который бьет своего сына за принятие решения, которое ему не нравится, не заслуживает того, чтобы иметь сына.

Молчание длилось долго. Юлию было интересно, о чем думали мужчины. Вспоминают ли своих сыновей, своих отцов?

— Райли был моим отцом, — продолжил Юлий. — И если вы хотите, чтобы я занял его место, — это будет честью для меня.

Это не заняло много времени. Каждый, кто ездит на байке, крикнул в знак одобрения. Это было единодушно. Ему был вручен патч Президента, и вот клуб стал его. Он думал, что должен чувствовать что-то, страх или неуверенность. Но нет. Он чувствовал себя хорошо, очень хорошо.

— Первая вещь, которую мы сделаем, это выберем вице-президента, — сказал Юлий. — Мне нужен тот, кому я могу доверять, на кого я могу рассчитывать. Я предлагаю Майкла. Он с рождения был погружен в эту жизнь, а клуб всегда мог положиться на него.

Майкл был приятно удивлен. Его лицо засияло, и он поднял свой стакан и кивнул:

— Я принимаю назначение.

Чарли похлопал сына по плечу:

— Поддерживаю!

Голосование за вице-президента прошло быстро. Майкл всем нравился, черт, Юлий думал, что он нравится даже Келли. Юлий не мог винить ее в этом. Они выросли вместе. Они были почти как брат и сестра. «Брат и сестра, — подумал он, — которые пошли вместе на выпускной». Юлий проигнорировал волну ревности, вскипевшую в нем.

Чарли был женат на Бев, у них были дети, а Келли не принадлежала Юлию. Он не хотел жены. Он не хотел семьи.

Юлий обнял Майкла и похлопал его по спине:

— Я рассчитываю на тебя, мужик.

— Я не подведу, — Майкл похлопал в ответ.

Был еще один раунд праздничного пива, а затем Юлий вернулся к делу. Были вещи, которые нужно было сделать.

— Наша самая большая забота — Каин и его люди. Дело не только в том, что они идут за Келли, а в том, что они появляются в личных резиденциях и пытаются запугать. Им нужно узнать, что «Адские гончие» не могут быть запуганы. Они хотят зайти на нашу территорию, хорошо, тогда мы пойдем на них. Призрак, Майкл, я хочу, чтобы вы выследили, где находятся Каин и Авель. Разузнайте, а потом составим план.

Мужчины кивнули.

— Чарли, тебе нужно вести бизнес с Виком и Кеном, мы хотим сохранить приток чистых денег, платить налоги, быть хорошими мальчиками, по крайней мере, в ближайшие несколько недель. Мы не заключаем новые контракты, не продаем оружие. Мы не берем ничего украденного и ничего не крадем. Только в течение нескольких недель.

— Я на каникулах, — сказал Вик. — Но почему?

Кен ухмыльнулся:

— Кажется, я понял, капитан, мой капитан. Могу я?

— Давай, Шекспир.

— Если мы будем придерживаться закона, местные правоохранительные органы будут игнорировать нас, сосредоточив все свое внимание на людях Каина. Мы хотим, чтобы их прожекторы были на Каине, чтобы он расстроился.

Юлий кивнул:

— Так и есть.

Чарли кивнул, прикончив последний бокал пива:

— Хорошо, мы умываем руки на несколько недель. Не наседаем. Может, они будут думать, что смерть Райли подкосила нас.

Юлий кивнул:

— Просто идите в свой любимый бар, или в стрип-клуб, или просто скорбите в открытую. Похороните себя в пиве и женщинах. Каин может выдохнуть, он может немного отступить. Давайте узнаем. Вот так, давайте убираться отсюда.

— Хорошо, Президент, — Майл ударили рукой по прилавку. — Пойдем, Призрак. Пойдем в логово противника.

Призрак следовал тенью.

— Я знаю, что все время говорю об этом, — сказала Келли в трубку мобильного телефона, — но я, честно, понятия не имею.

Келли ненавидела признавать, что чего-то не знает. Она знала, что это было нормально. Никто не владел всей информацией. Было нормально то, что он не знал пищеварительного цикла лабрадора. Но это отличалось от того, что она не была уверена, хотел ли ее отец быть кремированным или нет. Она не знала, хотел ли он традиционный гроб или что-то современное. Она ничего не знала.

Девушка только знала, что было много вопросов, на которые она не могла ответить.

— Миссис Дениэлс, я понимаю, что вам сейчас нелегко.

Голос был таким успокаивающим, нежным. Это был голос кого-то, кто разговаривал с людьми, которые собирались сломаться. Даже в этом случае ее пронзило то, что ее называют миссис Дениэлс. Это было ее имя, согласно штату Орегон, но ей казалось, что оно не принадлежит ей.

По каким-то причинам ей захотелось плакать еще больше. Она почувствовала, как ее плечи опускаются, а глаза закрываются.

— Прошу прощения, — наконец сказала она, прерывая мягкий голос. — Я, правда, ничего не знаю. Мы с отцом... не были близки до недавнего времени. Мы не говорили об этом.

— Я понимаю, миссис Дениэлс. Может, он говорил об этом с кем-то еще?

Голос треснул с самым маленьким разочарованием в первый раз. Келли не могла винить его, ни у кого не было бесконечного терпения. Она почувствовала, что поникла еще больше.

— Мне жаль, я...

Беверли дотронулась до ее плеча. Келли обхватила ее пальцы.

— Милая, — сказала Беверли мягко, — почему бы тебе не отдохнуть? Мы можем выяснить все и перезвонить ей. Тебе не обязательно делать это прямо сейчас.

Голос на другом конце телефона, должно быть, услышал Беверли. Он предложил перезвонить ей, как только они узнают все. Келли отложила телефон и закрыла лицо рукам:

— Я ужасная дочь.

— Сладенькая, нет.

Беверли взяла руки Келли в свои, убирая их от ее лица. Келли обнаружила, что смотрит в безупречное лицо Бев. Она сделала глубокий вдох и покачала головой:

— Я ничего не знаю о своем отце.

Беверли крепче скжала руки.

Келли покачала головой и плюхнулась на диван. Цезарь вскочил и побежал ей навстречу. Беверли отпустила руку, чтобы Келли погладила собаку.

— Окей, — Беверли встала, — я собираюсь налить нам вина.

— Употребление алкоголя в депрессии ведет к алкоголизму.

— И? — спросила Беверли, проходя на кухню. — Я знаю фантастических алкоголиков.

Келли рассмеялась, не зная почему. Это был сухой смех. Больше измученный. Она услышала, как Беверли шелестела в кухонных ящиках, а через пару минут появилась бутылка.

Бев передала Келли стакан, а сама села в кресло.

— Так, в чем проблема? — спросила она, делая глоток вина.

— Я не знаю своего отца. Вот я здесь, должна решить все эти вещи, и я не знаю, что сделает его счастливым.

Беверли сделала еще один глоток и откинулась назад:

— Хорошо, я собираюсь задать тебе вопрос, и мне нужно, чтобы ты была очень честна со мной. Ты можешь это сделать?

— Могу.

— Хорошо. Выпей. Скажи: ты хочешь сладкую ложь или горькую правду?

Келли подумала об этом, пока горько-сладкий вкус вина тек по ее языку прямо в желудок:

— Прямо сейчас? Горькую правду.

— Хорошо, — Беверли отставила свой стакан и сложила пальцы на коленях. — Горькая правда в том, что твой папа мертв. Его не заботит то, что ты делаешь сейчас. Ты могла бы бросить его в мусорный контейнер, и это не имело бы для него никакого значения. Горько, но правдиво.

Келли решила сделать еще один глоток:

— Хорошо.

— Теперь похороны, вся эта пышность и обстоятельства и все такое, это все для людей, которые на данный момент живы, которых заботит то, что происходит. Это для того, чтобы они могли собраться вместе, праздновать и плакать. Поэтому тебе не нужно спрашивать себя, чего хочет твой папа, а чего хочешь ты. Ты хочешь, чтобы он был в большой красивой коробке в земле или хочешь развеять его пепел?

Келли подумала об этом:

— Я думаю, что бессмысленно класть тело в землю. Мы начали делать это, потому что считали, что призрак может вернуться и использовать тело. Существует доказательство того, что неандертальцы клали инструменты и мясо с мертвыми телами...

— Ну вот. Ты не хочешь этого.

Келли медленно кивнула:

— Да, думаю, что нет. Но не только я должна принимать это решение. Я имею в виду, что я имею наименьшее право принимать любые из этих решений. Черт, Юлий был гораздо ближе ему, чем я.

Беверли подняла брови:

— Тебя злит это?

Келли вздохнула, посмотрев на темное вино, кружашееся внутри ее бокала. Она решила, что хочет второй. Она встала, и Цезарь последовал за ней на кухню, пока она наливала:

— Может, немного. Я имею в виду, это мой отец. Мы не были близки, но он единственная семья, которая у меня была. Мама ушла. Мне нравится винить его в этом, но это она не взяла меня с собой, не так ли?

— Нет, — согласилась Беверли из гостиной, — не взяла.

— Я ненавижу ее за это. В смысле, у нас с отцом были проблемы. Мне никогда не нравилось то, чем он зарабатывал на жизнь или как он вообще жил, но он никогда не покидал меня.

— Он гордился тобой, — сказала Беверли, когда Келли вернулась на диван. — Говорил об этом все время.

— Серьезно?

— О да. Он носил с собой фотографию с твоего выпускного. Он вытаскивал ее, когда только представлялась возможность. Он буквально сиял, говоря: «Это моя девочка! Она в колледже, будет ветеринаром. Нужно больше мозгов, чтобы быть ветеринаром, чем врачом, животные не могут сказать вам, где у них болит».

Келли поняла, что улыбается:

— Он не ошибается. Подожди... был... он не ошибался.

Внезапно ее улыбка исчезла. Тот факт, что он умер, действительно умер, ударили по ней словно камнем. Это было не просто разочарование в принятии решения и неопределенность в будущем. Он умер, и это факт, и с этим ничего не сделаешь.

— Папочка умер, — захныкала она, и огромные слезы покатились по ее щекам. Открылась дверь, и вошел Юлий.

— Черт, Беверли, что ты сделала? — он пересек гостиную и остановился возле Келли. — Что случилось?

— Не знаю, — сказала Беверли с горечью. — Может, ее отец умер, и она не может с этим справиться?

Юлий посмотрел в сторону Беверли, и та скрестила руки на груди.

— Стоп, — умоляла Келли. — Остановитесь. Она ничего не делала. Я только... осознала, что он ушел. Вот и все. Он просто ушел. Он нигде не ждет от меня звонка. Он полностью ушел. Мой папочка умер.

Юлий закрыл глаза:

— Извини, Бев. Я справлюсь.

— Уверен?

— Да, да. Спасибо, что была с ней сегодня.

Беверли кивнула:

— Пока, Келли. Звони если что.

Келли просто кивнула и подтянула колени к груди. Ей казалось, что она очень близка к тому, чтобы сломаться, как тонкий стеклянный пузырь, плавающий в океане ее собственной грусти. Когда она вернулась, то держалась, но больше не могла.

— Папа, — прошептала она. — Юлий, он умер.

— Я знаю, милая, — сказал он с мягкостью, о которой она не знала. — Я знаю. Иди сюда.

Она почувствовала, как Юлий сел рядом с ней. Девушка приблизилась к нему, отчаянно нуждаясь в близости живого человека:

— Он любил меня.

Келли свернулась калачиком и зарыдала. Ее грудь болела из-за того, что она пыталась сдержать слезы. По какой-то причине прихожая в доме ее отца появилась у нее в

голове. Ее фотографии от рождения до выпускного. Он их не трогал, не заменил. Он оставил их там, где они были, в дешевых рамках и все такое.

— Да, — Юлий обернулся к ней. — Любил.

— Я не знала этого. Я не верила в это. Я думала, что он любил ту жизнь больше, чем меня. Я думала, что он должен был бросить все это, если действительно любил меня.

Юлий выдохнул и погладил ее по спине:

— Я не... Я не думаю, что любовь так же легка, как «если ты меня любишь, тогда ты сделаешь это». Понимаешь?

Она кивнула:

— Да, я думаю, что понимаю. Но я никогда не была влюблена.

— Это удивительно.

— Что?

— Вот ты, красивая девушка, с мозгами, думаешь, что любовь будет лежать у твоих ног.

Она покачала головой и почти перестала плакать:

— Нет. У меня был парень, но я никогда не любила. Я думала, что любила тебя, когда была моложе. Но это были подростковые чувства, понимаешь?

— Да, понимаю.

Она посмотрела вверх, а он вниз. Они не были близки с того дня на кухне, когда они почти разорвали одежду друг на друге. Смерть любимого человека, как правило, тормозила похотливые чувства.

По крайней мере, до сих пор. Если бы он поцеловал ее сейчас, она бы затащила его на себя. Она бы использовала его, чтобы забыть всю эту ненависть, боль и страх. Было заманчиво и так соблазнительно думать об этом.

Юлий прочистил горло и покачал головой, как будто слышал ее мысли:

— Тебе нужно поесть.

— Что? — спросила она.

— Еда. Тебе это нужно. Ты сидела в этом доме неделями, не ожидая ничего, кроме плохих вещей. Ты готовила, убиралась, училась, кто знает, что ты делала. Но ты застряла здесь, а потом все это происходит? Нет, пойдем. Тебе нужно выбраться, и тебе нужно поесть.

— Существует психологическая связь между настроением и едой. Поэтому еда ассоциируется с комфортом.

Он рассмеялся:

— Знаешь, ты говоришь наиболее странные вещи. Мне нравится.

Он встал и подал ей руку. Она взяла ее, и он поставил ее на ноги.

— Прими душ, — сказал он. — Оденься и сделай все эти макияжные дела. Отбрось все дермо, которое произошло. Я собираюсь отвезти тебя на ужин.

— Правда?

— Правда. Какая у тебя любимая еда?

Ей даже не надо было думать:

— Стейк. Может, морепродукты.

Его ухмылка расширилась:

— Я знал, что была причина, почему я женился на тебе.

Где-то между крабовыми палочками и бифштексом Келли поняла, что влюбилась в Юлия. Она могла винить вино, которое Беверли дала ей дома, или пиво, которое она заказала, когда они приехали в ресторан, но она действительно думала, что это так.

Он рассказывал ей о своем первом байке. Она понимала лишь часть всего этого. Что-то о поршнях и двигателе, и о чем-то еще. Она не слушала его активно, скорее, она

фокусировалась на том, как он загорался, когда говорил об этом. То, как его глаза становились мягкими.

— Где ты его нашел? — спросила она.

— На уличной распродаже! Можешь поверить в это? Этот парень избавлялся от мотоцикла, его жена думала, что это небезопасно. Не знаю. Но он простоял в гараже этого чувака, похоже, лет пять. Таким образом, я отдал двухнедельную зарплату и прошел весь путь обратно в магазин.

— О, Боже, — рассмеялась она, отламывая кусочек хлеба и окуная его в сладкое масло. — Мой отец, должно быть, был в восторге.

— Он назвал меня идиотом. Определенно. Мне даже не было двадцати, до сих пор тощий, как ад. Я трясясь от того, чтобы перетащить эту штуку в тридцать блоков, а он просто сказал мне отнести его обратно.

— Шутишь?

— Неа. Он просто указал одним из этих больших пальцев и сказал мне: «У нас нет места для этого мусора».

Она покачала головой. Ее золотые волосы с нежными кудрями с заколками-бабочками подскакивали от каждого движения:

— Не могу поверить, что он когда-либо называл мотоцикл барахлом.

— Ты, кажется, никогда не слышала, чтобы он говорил о мотоциклах ниндзя (*Прим. имеется в виду японская модель скоростного мотоцикла Kawasaki Ninja*).

Она фыркнула:

— Это я точно помню.

— Так или иначе, я был непоколебим. Говорил, что я купил его за свои деньги, я починю его сам. Я собирался это сделать. Он посмотрел на меня и сказал, что я зря трачу свое время, — он сделал паузу, пока их тарелки ставили перед ними. У нее был стейк, покрытый грибами и креветками, у него стейк с луком и маслом. — Мне потребовалось недели. Каждую ночь я был в магазине, чиня его или просто забавляясь с ним. Работая над этой рухлядью, я узнал больше о байках, чем за два года, которые я работал в магазине.

— Ты починил его?

— После замены девяноста процентов всех частей — да. Было бы дешевле, если бы я купил новый. Но я был молод и горд.

— Мне нравится это.

— Что я был молод и горд?

Она закатила глаза:

— Конечно, умник. Мне нравится, что ты настоял на своем. Это что-то значило для тебя. И тебе было неважно, кто что скажет. Ты хотел его починить — ты сделал это.

— Как ты со школой.

— Ну, все думали, что я собираюсь пойти в колледж.

Он пожал плечами и впился в стейк:

— Да, но ты хотела сделать это сама. Ты не хотела использовать ни чье-либо время, ни деньги. Ты хотела, чтобы все было на твоих условиях.

Это было достаточно близко к тому, что она почувствовала себя неловко:

— Ну, до этого момента.

— Да, но ты была бы идиоткой, если бы теперь не приняла помошь. Будем честными, я был идиотом.

— Может, немного.

Он засмеялся, и она засмеялась в ответ, и вот в этот самый момент Келли поняла, что влюбляется. Он был умнее, чем она думала. Не в науке или в истории, а в житейском смысле. Он знал людей и как справляться с ними. Это был талант, которого она, безусловно, не имела.

— Может, немного, — согласился он. — Что ж, почему все-таки ветеринар?

— Ну, не буду мудрить и скажу, что люблю животных.

— Я видел тебя с Цезарем и знаю, что любишь.

Она взяла еще кусочек мяса:

— Я действительно люблю.

— Какой развернутый ответ, — он не выглядел разочарованным. Наоборот, на его мягких губах была усмешка.

Она пожала плечами:

— Люди — животные. В то время как я полностью верю, что люди переедают мяса, и тебе не нужно есть его каждый раз, когда готовишь еду и все такое. Я также считаю, что наши пищеварительные системы устроены так, чтобы было лишь немного мяса в нашем рационе.

— Я с этим согласен, — он откусил большой кусок и прожевал.

— Я тоже, — она закончила и отставила тарелку. — Но об этом сказано. Я действительно люблю животных, но ты не можешь любить животных слишком сильно, если хочешь быть ветеринаром, и это очень тяжело.

— Что ты имеешь в виду?

— В том смысле, что животные умирают. И они умирают гораздо чаще, чем люди. Более короткие сроки жизни. Но это нечто большее, — она сделала еще один глоток пива, допив бокал и отставив к своей тарелке. — Люди берут домашних животных и понятия не имеют, насколько трудно о них заботиться. О, это восхитительно — получить кролика на Пасху, но после люди не понимают, почему в этой крошечной клетке кролик линяет. Или получают симпатичную собаку, но не замечают, что эта собака не уживается с кошкой, и происходит драка, а я должна их зашивать, потому что люди ничего не читали.

— Я никогда не думал об этом.

Она пожала плечами:

— Многие не думают. Они не изучают, как сильно может страдать птица, или как кошки нуждаются в диете с высоким содержанием жиров. Знаешь, у меня была женщина с собакой, не слишком отличающейся от Цезаря, большой и все такое... Или, по крайней мере, он был бы таким, если бы она не кормила его вегетарианской пищей.

— Вегетарианской? В смысле... овощами?

— Ага. Овощами. Только ими. Например, несколько человек опубликовали литературу, что все животные могут жить вместе спокойно, не убивая другого животного, чтобы выжить, вы можете просто заменить их питание химическими веществами, что содержатся в овощах. И я не буду вдаваться в науку, но это неправда. Есть определенные ферменты, которые нужны животным, которые существуют только в мясе.

— Для тебя это очень важно, — мягко сказал он.

— Для меня животные, как для тебя — байки.

Он кивнул:

— Справедливо. Но это до сих пор звучит так, что ты много заботишься о животных.

— Я знаю, но не настолько, что люблю каждое животное, которое я вижу. Видишь ли, если бы я заботилась о каждом Пушистике со сломанным хвостом или о каждом Барбосе с раком кишечника, я бы никогда не смогла наблюдать, как они умирают каждый день. Это будет похоже на то, как будто ты работаешь на худшей свалке в мире.

— Значит, ты заботишься, но не слишком.

— В точку.

— Это действительно здорово, — он остановился на мгновение, прежде чем спросить. — Итак, ты хочешь десерт?

— Ты хочешь, чтобы я потолстела? У нас были закуски, огромный ужин и...

— Ты хочешь десерт? — спросил он снова.

— Этот ужин стоил, наверное, сотню долларов.

— Ты. Хочешь. Десерт?

Она так тихо вздохнула:

— Да, да, я хочу десерт.

— Хорошо, я тоже, — он махнул официантке, и она записала их заказ. Официантка улыбнулась и ушла. — Почему ты всегда это делаешь?

— Делаю что? — спросила она.

— Не принимаешь то, что люди тебе предлагают, — Юлий наклонился к столу. — Я просил тебя не думать о деньгах. Я хотел, чтобы ты расслабилась. Если для этого надо два пива и кусок... боже, что ты заказала?

— Шоколадный торт с арахисовым маслом.

— И ты это ешь?

— Я не ем это каждый день, Юлий.

— Это шок. Я видел, как ты готовишь.

— Обычно я ем раменскую лапшу. Много натрия, но без излишеств.

— Ладно, это круто. Но это не ответ на то, почему ты отталкиваешь людей. Такое ощущение, что тебе все надо делать самой. Я имею в виду, вернемся к нашему разговору о деньгах и прочее. Да, мне хочется делать что-то для тебя, не вижу в этом ничего плохого.

Келли вздохнула:

— Моя мама.

— Что?

— Слушай, я потратила много времени на анализ моих проблем с мамой, и, по моему мнению, могу сказать, что ее отъезд наложил на меня отпечаток. Я прекратила зависеть от людей и начала зависеть от себя. Я уверена, что это не так просто, но близко. Она ушла. Да, я обвиняю своего отца в этом, но правда в том, что она меня не взяла с собой. Она никогда не связывалась со мной, никогда не приходила. Мой отец отсутствовал, но моя мама просто бросила меня. Так что я ненавижу обращаться за помощью, и я смотрю на все приятные вещи с подозрением. Вероятно, это и является веской причиной, почему у меня никогда не было парня.

— Дерьмо, — он глубоко вдохнул. — Тебе понадобится еще пиво.

— Это абсолютно правильно.

Час и два пива спустя Келли позволила Юлию проводить ее домой. Она не была пьяна, было достаточно еды и достаточно времени между напитками, она просто была подвыпившая, а туфли на каблуках оказались не лучшим выбором обуви.

— Ой, — сказала она, пьяно хихикая, — ты несешь меня через порог.

— Ты милая, когда пьяная.

— Не пьяная, — сказала она, когда он плюхнул ее на диван в гостиной. Она тут же сбросила туфли и откинула их, вставая на нетвердые ноги. Девушка бродила взглядом по его стереосистеме и коллекции дисков. — Тебе не нравятся iPod?

— Что?

— Я заметила это той ночью, когда вернулась. У тебя был iPod, но все было красиво и аккуратно обернуто, а диски были разбросаны повсюду.

— Мне нравятся CD-диски, — он пожал плечами. — Почему ты заметила это?

— Без понятия, — призналась она. — Просто заметила. Ты имеешь что-то против современных технологий?

— Я использую компакт-диски, — заметил он. — Я не могу ненавидеть технологии.

— Правда. Если бы это было так, ты бы был одним из тех виниловых мальчиков.

— Тебе не нравятся пластинки?

— Тебе они нравятся? — спросила она.

— Ну да.

Она кивнула и вставила диск в плеер. Через несколько мгновений из динамиков полились голоса «Eagles». С большим энтузиазмом, чем умением, она качалась вместе с ними.

— Потанцуй со мной, — она протянула свою руку.

— Ты серьезно?

— Разве я бываю несерьезной?

— Точно.

Он взял ее руку и, приблизившись, начал покачиваться рядом с ней. Она зарылась руками в его мягкие волосы на затылке, и они защекотали ее ладони. Он двигался лучше, чем она, вероятно, у него было больше опыта в танцах.

Через мгновение он обнял ее, притянув девушку ближе. Ее руки крепче обхватили его за шею, и она посмотрела ему в лицо. Его карие глаза были закрыты, но его губы выглядели мягкими, созданными для поцелуев. Она придинулась ближе к нему, и его пальцы опустились ниже, пробегая по верхней части коричневой юбки, которую она надела сегодня. Его руки сжались в кулаки, вытягивая рубашку на пару сантиметров, обнажая линию кожи на ее спине. Его большие пальцы ласкали ее, передавая острые ощущения от того места, которого он коснулся, до места в глубине своего тела.

Она подняла подбородок, и его рот опустился на ее. Ее кожу словно пронзила молния. Все началось с ее губ, опускаясь по всему телу, пока каждый дюйм ее кожи не запел. Все приятно смешалось с гулом в ее мозгу, пока она не почувствовала, как мир плывет под ее босыми ногами.

— Я не собираюсь спать с тобой сегодня.

— Что? — спросил он и остановился. Его глаза открылись.

— Просто хотела прояснить.

Удивленный смех сорвался с его губ:

— Ты самая странная женщина.

— Может быть, — ответила она. — Но мне нравится быть честной.

— Я не думал о сексе с тобой.

Она фыркнула:

— О, пожалуйста.

Юлий усмехнулся:

— Чего ты ожидаешь, ты вся... такая мягкая.

Келли отступила назад, но позволила ее ладони задержаться на его плечах:

— Да. Я тоже выпила, и мне не нравится делать жизненно важный выбор, когда я подвыпившая.

— Секс со мной — это жизненный выбор?

Она пожала плечами. Келли знала лучше, когда открывать перед ним свои зарождающиеся чувства. Юлий дал ей понять, что думает насчет отношений, и никому из них не помогло бы объяснение, что она не думала, что секс с ним будет быстрым перепихом на полу гостиной:

— Для меня.

Он кивнул и вдохнул:

— Хорошо, хорошо.

Она провела рукой по его руке:

— Тем не менее, я хотела бы пойти в кровать с тобой.

— Я думал, ты только что сказала...

— Чтобы спать, Юлий. Только спать. Я не буду заниматься сексом с тобой, но я не хочу идти в эту временную комнату и спать на раскладной кровати после той восхитительной ночи, что у нас была.

— Правда? — его голос звучал недоверчиво.

— Мне нужен комфорт, и нравится тебе это или нет, но ты меня утешаешь. Ты заставляешь меня смеяться и не позволяешь мне слишком зависеть от моего собственного беспокойства. Завтра мне нужно встать и запланировать похороны моего отца, и я не хочу об этом думать сегодня вечером. Если это слишком много для тебя, я поняла, я просто украду Цезаря и...

Он фыркнул:

— Хорошо, хорошо, пошли. Пойдем спать. Но сначала мне нужен холодный душ.

Глава 9

Большинство людей хоронят в самом лучшем. Когда пришло время отцу Келли, он был похоронен в лучших джинсах и только что отглаженной темной рубашке с джинсовой жилеткой, висящей на нем. Он выглядел лучше, чем в последние недели своей жизни, волосы и борода были приведены в порядок. Они сделали что-то, чтобы его лицо выглядело менее изможденным.

Завтра они кремируют его, и его прах будет разделен на три части. Одна будет отдана Келли, вторая будет стоять в его магазине, а последняя будет стоять на полке в «Наследии». Келли не была уверена, что она заслуживает эту часть, но никто бы не принял отказа.

— Ты все сделала правильно, дорогая, — Беверли взяла Келли за руку, осторожно уводя ее. Келли подумала, что Беверли похожа на симпатичную вдову в облегающем темном платье и маленькой темной шляпке, прикрепленной поверх локонов. Она понятия не имела, как эта женщина всегда выглядела так собрано.

— Спасибо, — ответила Келли. — После того, как ты заставила меня задуматься о том, что это не для него, а для нас, стало легче. «Наследие» было идеальным местом для прощания с папой.

— Лучше, чем комната в морге, правда ведь? Я имею в виду, что, конечно, маленькие старушки выглядят хорошо в этих мягких розовых и серых оттенках, но не Райли Форстер. Мне не хотелось видеть его в той милой комнате...

— Согласна.

— И идея с общим обедом тоже хорошая (*Прим. обед или ужин, на который каждый гость приносит свою долю пищи*).

Келли бродила с Беверли вдоль длинных столов, уставленных принесенной едой, которую люди предлагали для угощения. Пироги, хлеб, запеканки, фрикадельки и многое другое.

— Ненавижу все эти запеканки, которые мне предлагали.

— Почему люди приносят это, когда кто-то умирает?

— Я вообще не представляю.

— Это впервые... — Беверли игриво хлопнула Келли по бедру. — Я думала, что ты знаешь все.

— Ха, — рассмеялась Келли. — Ну, нет. Я только притворяюсь.

— Хорошо притворяешься, учитывая, что все наслаждаются.

— В самом деле?

— О да, по слухам, умер Президент клуба от пяти ножевых ранений.

— Боже.

Беверли фыркнула и хлопнула ладонью по плечу Келли:

— Ты выглядишь испуганной. Милая, все в порядке, всем все нравится, — она остановилась на мгновение. — Больше, чем другим.

Келли попыталась посмотреть на все глазами Беверли. Люди были в «Наследии», пили и наслаждались едой. Были дети, мужчины и женщины, и даже Цезарь бродил вокруг в поисках пищи. Она быстро все осмотрела и увидела, как Юлий обнимал Сэди.

— О, — сказала Келли, чувствуя, как все заледенело внутри. — Как мило.

— Ты собираешься ударить ее?

Келли неохотно призналась:

— Нет. У меня нет права.

— Он твой муж. Я почти уверена, что у нас был этот разговор раньше. Я имею в виду его версию.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? Подошла к ней и ударила по лицу? Я могла бы даже оттащить его и заявить на него права на каком-нибудь диване.

— Я бы не рекомендовала диван. Никто не знает, кто на нем был в последний раз.

— Бев, я люблю тебя, но это не помогает.

— Оуу! Я тоже тебя люблю, — Беверли обняла ее за плечи, смахнув поцеловав. — Но ты должна пойти и сказать этой сучке, чтобы она отвалила.

— Он не мой, Бев, и ясно дал мне это понять. Он не мой и не хочет им быть.

Беверли остановилась и встала перед Келли:

— Ты хочешь, чтобы он был твоим?

— Глупо было бы ответить «да»?

— Немного. Но, милая, нормально быть глупой, когда дело касается мужчин. Это самая веселая часть жизни, — она нежно потрясла Келли. — Но нормально ли позволять какой-то сучке встать между тобой и твоим мужчиной?

— И что я должна сделать?

— Позволь мне помочь тебе, — сказала Беверли. Она провела рукой по ее одежде и поправила шляпку. — Я ее оттащу, а ты торжественно войдешь.

Келли глубоко вздохнула:

— Хорошо.

Келли не знала, что Беверли сказала Сэди, но ее уважали Юлия очень тактично.

Юлий наблюдал, как это произошло с ошеломленной улыбкой, и покраснел, когда подошла Келли:

— Я не тупой.

Келли обняла его. Это движение было собственническим и варварским, но она все равно сделала это:

— Нападение на моего мужа на похоронах моего отца — это сущее поведение.

— Ты могла бы просто ударить ее.

— Люди продолжают говорить это, — она почувствовала, как его рука опустилась на ее плечи.

— Мне нравится, когда женщины ведут себя как собственницы.

— Мне это не свойственно.

Внезапно подошел Майкл. На его верхней губе были капельки пота, а глаза были широко открытыми:

— Келли, Келли, мне очень жаль.

— Жаль? — спросила она. — За что?

Ему не нужно было отвечать. Женщина вышла на улицу. На солнце стали заметны ее веснушки, ее волосы были собраны в прическу, что прекрасно бы выглядела дома на иллюстрации журнала «Еженедельник матери». Элегантный костюм обтягивал красивую фигуру. Ей потребовалась минута, чтобы узнать лицо, которое было так похоже на то, которое она видела в зеркале каждое утро.

— Мама? — задохнулась Келли.

Все было как в фильме. Там была Келли — красивая молодая героиня. Она побледнела, а ее губы приоткрылись. Напротив стояла ее мать, одетая как директор средней школы, которая только и ждала, когда начнется музыка.

— О, Келли! — ее мама бросилась вперед. Если она и заметила тот факт, что трое «Адских гончих» встали сбоку от Келли, то не показала этого. Она была либо очень смелой, либо действительно глупой. Юлий думал, что второе. Она остановилась всего в нескольких дюймах. Может быть, она была не так глупа.

Было невозможно не заметить сходство между ними. Те же яркие голубые глаза, те же светлые волосы. Келли могла бы быть клоном, за исключением линии ее подбородка, как у отца.

— Ты выросла. Такая красивая, — женщина протянула свою руку.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Келли, избегая ее прикосновения. Ее голос прозвучал так тихо, а рука, находящаяся у Юлия, сильно дрожала.

— Кто пригласил тебя? — Юлий же не был так тих. Люди, которые до этого не смотрели, поворачивали свои головы для лучшего обзора. Ему было все равно. Пусть смотрят.

Губы женщины сжались в линию. Ее глаза сузились.

— Я здесь не для тебя. Я здесь ради своей дочери.

— Ну, — голос Юлия был похож на рычание, — не сомневаюсь, это была первая причина.

— Юлий, — Келли положила руку на его грудь, — позоволь мне.

Он понимал только, что не хотел ее отпускать. Он видел, как сильно это беспокоит ее. Все, о чем он мог думать, — ночь, когда она говорила о том, что ее мать отказалась от нее.

— Ты не должна делать это одна, — прошептал он ей.

Мягкая рука Келли коснулась его щеки, поглаживая:

— Я знаю.

Она повернулась к матери. Ее плечи сжались, и она, казалось, что-то решила для себя.

— Мам, — сказала она решительно, — если хочешь попрощаться с папой — пожалуйста. Но не притворяйся, что ты здесь ради меня.

— Почему ты так говоришь? — она схватилась за сердце так, будто эти слова действительно причиняли ей боль. — Почему ты...

— Потому что ты ушла, — оборвала ее Келли. — Ты оставила меня, оставила его, и никто из нас не слышал о тебе ничего с тех пор.

— Малышка, я должна была уйти, понимаешь? Я должна была. Я не могла оставаться среди этой жестокости и всей... — она осмотрела комнату, — преступности.

Келли скрестила руки на груди.

Юлий знал, когда Келли выбрала стратегию нападения. Она использовала ту же самую поджатую губу на нем, когда собиралась ударить словами:

— Отказ от ребенка — это преступление, мама.

Ее мать сделала шаг назад:

— Келли, я никогда не хотела причинить тебе боль.

— Да? Тогда что же было твоим намерением? Что ты хотела показать и доказать, когда ушла? Оставила папу и своего ребенка...

— Мне нужна была собственная жизнь. Когда я была с твоим отцом, то зависела от него во всем. Я получила аттестат, пошла в колледж. Теперь у меня есть бизнес.

— Я очень счастлива за тебя, — ответила Келли. — Мир нуждается в большем количестве бизнес-вумен. Но я не знаю тебя и не хочу. Я хочу, чтобы ты ушла.

— Келли, я единственная семья, которая у тебя есть.

— Нет, — отрезала Келли. Она сделала шаг вперед, но ее рука потянулась назад, ища руку Юлия. Он переплел свои пальцы с ее пальцами. — Нет. Ты не моя единственная семья. Да, я потеряла своего отца, но ты видишь здесь всех этих людей?

Она помахала свободной рукой в направлении гостей вечеринки:

— Здесь люди, которые приходили на мои научные ярмарки, которые пришли на мой выпускной, которые помогали папе пройти все химиотерапии и операции. Эти люди, что находятся прямо здесь, моя семья. Ты? Ты — генетический донор.

— Келли, это несправедливо.

— Нет, это не так, — Келли сердито пожала плечами. — Но ты недостаточно расположила меня к себе для справедливости, не так ли? Один раз я уже сказала. Скажу еще раз. Я хочу, чтобы ты ушла.

Женщина сделала глубокий вдох. Юлий увидел тот же взгляд, что был у Келли раньше:

— Это твой выбор. Я просто хотела предложить. Свяжись со мной, если я понадоблюсь.

Она открыла маленький кошелек, находящийся в ее руках.

— Не понадобишься, — пообещала Келли.

— Если захочешь, — продолжила она, словно Келли ничего не говорила, — вот мои контакты. Сожалею о твоей утрате.

Она опустила карточку на стол, повернулась на каблуках и ушла. Майкл взглянул на Юлия. Юлий почти слышал вопрос: «Хочешь, чтобы я последовал за ней?».

Юлий хотел знать, кто ее прислал, откуда она пришла и куда идет. Женщина, может, и не хотела причинять Келли вред, но кто-то хотел. Он кивнул, и Майкл выскользнул с вечеринки, остановившись около Беверли, чтобы подарить поцелуй на прощание.

— Простите, — тихо сказала Келли, отступая от Юлия. — Мне нужна минутка.

Он отпустил ее. Девушка пронеслась через толпу к заднему офису. Дверь захлопнулась за ее спиной.

Юлий покачал головой. Он сочувствовал ей. Он хорошо знал, насколько родительское дерьмо может быть тяжелым. Он не знал, как бы отреагировал, если бы его отец пришел. Нет, это было неправдой. Он знал, что он будет делать и что после этого ему потребуется некоторая сумма для залога.

— Ты должен пойти за ней.

К нему подошла Беверли. Он понятия не имел, когда она это сделала.

— Ты так думаешь?

Она кивнула и взяла со стола один из бутербродов:

— Да.

— Ты пытаешься свести нас?

Она фыркнула:

— Пожалуйста, эта девушка не нуждается в сватовстве. Она грудастая, блондинка и умная. Что, я уверена, ты заметил. Но дело не в этом. Проблема в том, что ее жизнь просто разрушилась самым наихудшим образом. Ей нужно на кого-то покричать и кому-нибудь выплакаться.

— Почему я?

— Потому что ты все знаешь о желании кричать на родителя.

— Я думал о чем-то подобном минуту назад.

— Ну, тогда, — она подтолкнула его, — иди.

— Почему он делал это? — спросила Келли. Ее руки тряслись, пока она наливалась немного горячей воды в чашку для кофе. Она плюхнула пакетик чая в чашку и стала ждать.

— Что в его жизни было такого, что он захотел быть байкером? Что было так ужасно, так страшно, что он надел куртку с патчами и нарушил закон? Какого черта он должен был доказать?

— Ты сидела когда-нибудь на байке? — его голос был низким. — Ты знаешь, что это значит?

— Значит? Это значит, что мой отец хотел нарушать закон больше, чем воспитывать меня, больше, чем хотел мою мать. Больше, чем что-либо.

— Я не знаю, как объяснить.

Она нахмурилась, выключила воду и добавила сахар в быстро заваривающийся чай:
— Попытайся.

Он покачал головой и сделал затяжку. Кончик сигареты стал ярким, как пламя, дым шлейфом вился над головой. Он выдохнул дым из ноздрей, и тот образовал туманное облако вокруг его головы.

— Это свобода.

Она закатила глаза и покачала головой:

— Не говори мне этого. Не надо.

— Хочешь услышать это? Или будешь продолжать огрызаться? — спросил он. Юлий посмотрел на нее и стал ждать.

Она закусила губу на минуту:

— Да, я хочу знать.

Он затянулся еще раз, а затем стряхнул пепел. Его следующие слова вышли с медленными затяжками серого дыма:

— Как я уже сказал, это свобода. Вы привыкли к этой большой машине, защищающей вас от мира. Попав в нее, вы отрезаете себя от мира. Все, что в ней есть, — ваше: ваша музыка, кондиционер, все, что угодно. Это изоляция. И в этом нет ничего плохого, но изоляция — это не свобода.

Пока он говорил, Келли думала, что у него хороший голос. Он обладал таким тембром, который было приятно слушать. Она обнаружила, что ее ноги расслабились. Чашка не была слишком горячей в ее руках. Наоборот, достаточно теплой для комфорта. Вкус трав и сладости назыке успокаивал ее. Она молчала, позволив ему продолжить.

— Ты садишься на байк, и сначала немного страшно. Что ты делаешь, как ты находишь свой баланс? Похоже на первый раз, когда твой отец учит тебя кататься на велосипеде, — он сделал паузу. — Ну, если бы у тебя был папа, который делал такие вещи, я думаю. Ветер ударяет тебя по лицу, слишком жарко или слишком холодно, черт, иногда идет дождь.

— Это не звучит особенно свободно.

— Это только начало. Спустя время все становится иначе. Я имею в виду, да, сначала больно, но потом все меняется. Где-то между переключениями передач и наклонами ты уже не просто едешь на байке. Ты становишься частью ветра и дождя, ты паришь, пролетая по дороге в шестьдесят, или семьдесят, или восемьдесят. Ты высоко и совершенно свободен. Ничего не важно: ни счета, ни якобы несуществующие проблемы с отцом.

— Ты необыкновенно поэтичен.

Его рот расплылся в застенчивой усмешке:

— Удивлена, мисс Колледж?

— Немного, — ответила она. Она медленно встала и обняла его. — Мне это нравится.

Он обнял ее в ответ. Она прислонила голову к его плечу. Жар от его мышц просочился ей под кожу. Его запах... ирландское мыло и какой-то мужской аромат проник в ее чувства. На одно мгновение, лишь на мгновение, она забыла, что он не ее.

Сейчас он ей нравился. Нет, неправда. Келли всегда нравился Юлий. Она всегда была в восторге от его темных волос, голубых глаз и развязности плохого мальчика. По правде говоря, она никогда не знала его. Она только знала, как он выглядел, а не кем он был. В течение нескольких недель она узнала, что Юлий был сильным человеком, колючий внешне, но мягкий внутри.

Но он не был ее. На самом деле, нет.

Кто-то постучался. Чарли просунул голову в дверь:

— Эй, я не хотел вас беспокоить.

— Что случилось? — спросил Юлий.

— Парни из морга готовы загрузить Райли, и есть некоторые проблемы с бумагами, которые Келли нужно решить.

Она прочистила горло и отступила:

— Хорошо. Спасибо, Чарли.

— Я проконтролирую, что он будет загружен безопасно, пока ты подписываешь документы.

— Спасибо. Я ценю это.

Ребята из морга переместили катафалк из задней части бара. Они махнули ей, когда Юлий подошел к ним, чтобы все разъяснить. Она наблюдала за ним мгновение, прежде чем о увидела, как другой человек машет ей.

— Миссис Дениэлс? — спросил он. На нем был хороший костюм и кожаные ботинки. — Мне неприятно беспокоить вас. Я Эрик Палмер. Я один из адвокатов в Devons & Finley. Я занимаюсь наследством вашего отца. И у нас есть несколько вопросов, которые мы хотели бы обсудить.

Он вынул карточку и передал ее ей. Она посмотрела на нее и покачала головой:

— Простите, я не ожидала вас еще пару дней.

Она не ожидала его здесь вообще. Ее тревожило то, что он пришел на прощание с ее отцом. Это было не очень профессионально. Возможно, это было нормально, когда прощание проходит в настоящем похоронном бюро.

— Вопросы? — спросила она, проглатывая свое разочарование. — Какие вопросы?

— Его последняя воля и завещание. Несколько вопросов о роспуске его бизнес-активов.

Он жестом указал ей следовать за ним к шикарной машине:

— Это не займет много времени, не так ли? Это был долгий день.

— Я понимаю, — он кивнул. — Нет, это не займет очень много времени. Если бы это облегчило ситуацию, я мог бы встретиться с вами в другой раз?

— Нет, — вздохнула она. — Нет, давайте сделаем это.

Он потянулся, чтобы взять ее за руку. Она тянулась к нему, когда увидела кое-что. Рукав скользнул по его запястью, обнажив начало татуировки. Она не могла увидеть все, но она разглядела вспышку синего, чернила, образующие плавную линию поверх запястья, а внешние края были бледными тонами кого-то, освещенного ореолом чистого света.

Она двинулась прежде, чем подумала. Келли отодвинула рукав дальше. На запястье мужчины была набита Дева Мария, ее скромное лицо наклонилось вправо. Девушка в неверии покачала головой. Она вздохнула и закричала, когда мужчина раскрыл куртку, чтобы показать ружье, скрытое там.

— Не кричи, не смей кричать.

— Кто вы?

Он улыбнулся, но ничего доброго в этой улыбке не было. Это была безумная улыбка: широкая, но лишенная веселья.

— Я друг Каина. Теперь садись в машину. Ничего не говори. Не привлекай внимание.

Сердце Келли ускорилось. Она не хотела садиться в эту машину. Невозможно было сказать, куда ее отвезут, но она была уверена, что там она не хотела бы быть. Она с трудом сглотнула и сделала шаг в сторону машины.

— Мы идем, приятно и легко.

— Почему вы делаете это?

— Каин попросил.

— Вас не беспокоит это?

— Почему должно?

— Не знаю, — отрезала она, когда они приблизились к машине. — Потому что похищение людей — это плохо?

Он пожал плечами:

— Для меня, милая, это только бизнес. Твой отец стал причиной больших проблем для нас. Каин решил, что ты — способ, которым мы можем все решить.

— Почему? — спросила она. — Мой отец мертв. Никому не надо причинять мне боль.

— Это вопрос, который тебе придется задать лично.

Она фыркнула:

— Что? Вы на недостаточно высокой ступени иерархии?

Его глаза вспыхнули. Она увидела, как его плечо резко дернулось под курткой. Ему не нравилось, когда его принижали. Это было интересно. Это может сработать в ее пользу.

— В машину.

— Нет.

— Сука, я тебя пристрелю.

— Да, — кивнула она, притворяясь, что не чувствовала страх в горле. — Я уверена, ты сможешь. Я имею в виду, люди такого низкого ранга, как ты, вероятно, каждый раз обращаются к своему оружию, верно? Тебе нужно быть очень крутым парнем.

Он взмахнул рукой и ударил ее по лицу. Ее голова дернулась в сторону. Кончики его пальцев схватили ее ухо, заставляя тихо заскулить. Она позволяла своему телу спотыкаться больше, чем нужно, в надежде привлечь внимание.

— Эй! — крикнул кто-то. Она не узнала голос. — Юлий!

Она попыталась сделать шаг в сторону голоса, но не смогла. Сильные руки оттащили ее назад. Она боролась, но его рука коснулась ее шеи, и он приподнял девушку вверх. Он был сильнее, чем выглядел. Она пошевелилась, но его рука сжалась, пока она не начала задыхаться. Ее видение размылось по краям.

Еще одна рука свернулась вокруг ее талии. Ее разум наполнялся воспоминаниями о той ночи в комнате общежития. Ее тело начало дрожать. Она рычала и царапала руками.

— Нет, — закричала она. Она перенесла свой вес вперед и почувствовала, как ноги коснулись земли. Ее айкидо взяло верх, и она оттолкнулась назад, пытаясь освободить немного пространства между ней и ее нападавшим.

Он отшатнулся, но снова ударил ее. У него был такой же стиль, только тренировок было намного больше. Он ударил ее по горлу. Если бы она не знала, как обороняться, оно могло сломаться.

— Нет! — снова сказала она. — Я не пойду с тобой.

Все опять размылось, и она услышала отвратительный треск ломающейся кости. Она освободилась, рухнув на землю. Сильные руки подняли ее, и она узнала аромат специй и трав Юлия. Она зарылась в него, утонув в комфорте.

— Он от Каина, — попыталась она объяснить, не понимая, почему ей казалось важным сообщить ему это. — Он пытался забрать меня.

Он кивнул:

— Я знаю, знаю.

Она услышала еще один треск, и это смущило ее. Разве это не Юлий ее освободил? Она моргнула, открыла глаза и посмотрела через плечо. Призрак был там, бледный и собранный. На одной щеке виднелась кровь. Он стоял над поверженным телом ее потенциального захватчика с маленьким клинком в тонкой руке.

— Ну? — спросил он. И вот тогда она поняла, что Призрак был тем, кто звал Юлия.

— Пошли все домой, заведите его в клуб, — приказал Юлий. — Выясните, что он знает.

Призрак кивнул.

Юлий поднял Келли на руки:

— Чарли и Вик контролируют все остальное. Кен, разберись с машиной.

Приказы были отданы, все были готовы повиноваться.

Беверли спросила, нуждается ли Келли в чем-нибудь.

— Да, — сказал Юлий, когда подошел к своему байку. — Пригони ее машину позже.

Глава 10

Юлий был прав: байк — это свобода. Его грохот под ней и ощущение ветра на коже заставили ее чувствовать себя живой. Это был не только адреналин. Она чувствовала, что ее голова кружится, и это было ощущение полной открытости миру, когда они летели со скоростью шестьдесят миль в час.

За последний месяц на нее уже дважды нападали. Ее отец умер. Она вышла замуж и переехала к мужу, который продолжал утверждать, что не хочет ее, но любил лапать ее сзади и всегда спешил к ней на помощь. Ее мать появилась из ниоткуда... Это было бы слишком для любого человека.

Юлий не ехал по прямой дороге домой. Она не знала, хотел ли он проверить, что за ними не следят, или дать ей время, чтобы расслабиться. Возможно, оба варианта. Она крепче сжала руки вокруг него и прижалась щекой к его кожаной одежде.

Она любила его и знала это. Когда она боялась, он всегда был рядом. Келли знала его руки, его запах. Может быть, она всегда любила его, может быть, она не любила его до этого момента. Она действительно не могла сказать. Был небольшой шанс, что она любила его, прежде чем он когда-либо вошел в ее жизнь. Это не имело значения, Келли знала это сейчас, и она не собиралась отпускать его.

Она лишилась многоного в своей жизни. Отец, школа и ненастоящие друзья, с которыми она дружила на протяжении многих лет. Хотя Беверли может однажды стать другом, девушка определенно пыталась.

Когда они повернули на знакомую улицу, она знала, что он, наконец, привез ее домой.

Когда они вошли, Цезарь скакал по гостиной, явно готовый к прогулке. Юлий похлопал его и прошел мимо того места, где висел поводок, и вернулся из своей комнаты с пистолетом в руке.

— Это тебе.

— Не надо, — она пыталась сказать это нормально, без дрожи в голосе. Она не потянулась за пистолетом.

— Келли, на тебя напали дважды. Ты должна быть вооружена.

— По статистике, нетренированная женщина с оружием, скорее всего, использует оружие против себя.

— Откуда у тебя это?

— Я читала об этом.

— Что ж, по собственному опыту могу сказать, что девчонка с пистолетом может быть достаточно пугающей, чтобы развернуть плохих парней.

Келли посмотрела на него. Ее губы уже открылись с намерением объяснить, сколько женщин подверглось нападению со своими пушками, но он сунул его ей в руки. Она нахмурилась от его веса:

— Тяжело!

— Это оружие, а не перо. Носи его с собой.

— Отлично, — сказала она, не желая спорить. — Выгуляй собаку, прежде чем мне придется убираться тут.

Он взглянул на нее в последний раз, потом взял поводок и направился к двери.

Она ждала, пока он уйдет, чтобы аккуратно положить пистолет на стол. В ее голове постоянно возникала картинка, как оружие случайно выстреливает. Келли знала, что это было нелепо, но она все равно не могла остановиться. Она предпочитала айкидо или другие формы боевых искусств для самозащиты. Было слишком просто взять с собой

оружие, слишком легко использовать. Страшно было кого-то ударить. И потребовалось бы лишь легкое движение мышц, чтобы нажать на курок.

Спустя несколько минут она направилась в спальню. Ее траурное платье было тяжелым, она стащила его с плеча и бросила, как воспоминание, от которого хотела избавиться. В последнее время их было слишком много. Небрежным жестом девушка распустила длинные волосы, расчесывая и мысленно выбирая пижаму.

Слишком много плохих воспоминаний в последнее время. Слишком много плохих воспоминаний, из которых состояла ее жизнь. Все, чего она хотела, все, что она когда-либо хотела, — жить приятной, спокойной жизнью. Ей хотелось не смотреть в окно и волноваться. Она хотела простую жизнь: найти хорошего мужчину, родить ребенка или двух.

Она любила Юлия, но жизнь с ним никогда не будет простой.

Келли вздохнула и услышала звук телефона. Это было сообщение от Юлия: «*Держи пистолет при себе, где бы ты ни была*».

Она показала язык экрану и набрала ответ: «*Как ты узнал?*».

Через несколько минут он ответил: «*Я не мальчик из колледжа, но я могу читать тебя как книгу*».

Она улыбнулась. С таким драматичным вздохом, который никто и не слышал, она пошла в гостиную и взяла пистолет со стола. Он до сих пор был тяжелым. Келли отнесла его обратно в свою комнату и положила на стол рядом с кроватью. Она подумала, что теперь Юлий не будет жаловаться на место нахождения оружия.

Келли не хотела, чтобы он жаловался, она хотела нравиться ему. Нет, поправилась она, она хотела, чтобы он любил ее. Или, по крайней мере, признался, что чувствует к ней что-то, кроме уважения к ее теперь умершему отцу.

Она даже не поняла, что планирует, пока не надела красную атласную ночную рубашку. Ее цвет придал естественный оттенок ее щечкам, заставляя кожу сиять. Ткань была гладкой и обтягивающей, придавая естественную форму ее груди так, что ее напряженные соски выделялись под тонкой тканью. Юбка была не особенно длинной, но по бокам были высокие разрезы, которые каждый раз, когда она шла, открывали ее бедра.

Келли купила эту рубашку ради смеха. Но сегодня она не смеялась. Она позволила волосам обрамлять лицо. Она знала, что выглядит хорошо, привлечь его внимание не займет много времени. Келли лишь задавалась вопросом, сколько потребуется времени, чтобы соблазнить своего мужа.

Раньше она никогда не пыталась соблазнить мужчину. Те, кто пробрался в ее трусики, не были интересными и не вызывали желания попробовать снова. Но Юлий был другим, его присутствие было притягательным, как магнит. Прикосновение его губ заставляло ее пальцы сжиматься, что, она всегда считала, было мифом.

Сегодня вечером она планировала выяснить, как сильно ее пальцы могут поджиматься.

Когда открылась входная дверь, она накинула на плечи халат. Девушка кинула последний взгляд в зеркало. Довольная видом, она пробежалась пальцами по волосам, придавая им легкий беспорядок. Она не потрудилась над макияжем, хотя искушение было. В любом случае, уже поздно и, скорее всего, это просто все бы испортило.

— Келли? — позвал Юлий.

Она поднялась и открыла дверь комнаты:

— Вот оно, — прошептала она про себя. Выйдя из комнаты, она посмотрела на Юлия. Должно быть, начался дождь, так как на нем были капли воды. Цезарь же стряхнул все и начал резвиться у ее ног.

— О, нет, — сказала она, уклоняясь от собаки. Цезарь успел лечь на свой лежак, теперь он полностью мокрый.

Пес явно не понимал обращенную к нему речь, его уши выхватили лишь выражение «лежать». С обиженным отчаянием он поплелся в комнату Юлия, оставив этих двоих в одиночестве.

— Я позвонил Майклу, пока мы гуляли. Оказывается, это Сэди сказала твоей маме прийти.

Келли почувствовала, как сквозь нее пробегает жар:

— Да неужели?

— Да. Не знаю, о чем она думала.

Келли посмотрела ему в лицо. Его брови были гладкими, глаза широко раскрыты, и она увидела, что он действительно не был в курсе. Несмотря на все его таланты управления людьми, он действительно не обращал внимания на такие мелочи:

— Тогда ты идиот.

— Что?

Келли покачала головой, от чего ее волосы упали на лицо.

— Она хочет тебя. Она хочет тебя в своей постели и думает, что я стою у нее на пути.

Он продолжал выглядеть смущенным:

— Но это не так.

Келли засмеялась, низко и безрадостно. Ее глаза сверкали от гнева, который рождался из-за разочарования и чувства собственничества. Это была не совсем ревность, но довольно близко:

— Но она так думает. Она ясно дала понять, что не хочет, чтобы я крутилась рядом. Я не могу винить ее. Но я, определенно, лучше.

Его губы скривились в улыбке:

— Я не буду спорить, кто из вас лучше, это действительно не соревнование хотя бы из-за того, что я женат на тебе.

Ей нравилось, как это звучало. Возможно, соблазнить его будет не так сложно:

— Да неужели?

Он провел языком по губам так, что они мягко засияли. Ей хотелось поцеловать их, она хотела таять в них. С трудом, но ей удалось удержать дистанцию, по крайней мере, на данный момент.

— Слушай, я ненавижу разрывать твой мирок, но даже если бы тебя не было рядом, я не был бы с Сэди. Она мне не нравится.

— Я знаю, что я не самый опытный человек, что касается отношений, но я точно знаю, что люди могут заниматься сексом с кем-то, кто им не нравится.

Пожав плечами, он сдернул влажную куртку и перебросил ее через спинку дивана. Келли нахмурилась. Ей не нравилось думать о себе, как о ворчливой домохозяйке, но она провела скучные часы, пытаясь сделать его холостяцкое жилье менее захламленным. Кроме того, дождевая вода может привести к плесени.

С суровым взглядом она подняла его куртку и повесила сушиться:

— Да, хорошо. Я уверен, что мог бы. Но эта девушка похожа на вирус. Ей нравится клеиться и ошиваться вокруг, даже когда ты с ней закончишь. И да, она горячая, но не более. С ней не о чем поговорить, она не милая, и, черт, я слышал от нескольких парней, что секс с ней не так уж и хорош.

— Бедняжка Сэди, — Келли глубоко вздохнула и медленно выдохнула через нос. Она не собиралась позволять этой женщине разрушить момент. Ее даже не было здесь. Ловким движением она стянула пояс и распахнула халат.

— Бедная, бедная Сэди.

Возможно, дело было в тоне ее голоса или в блеске кожи, когда халат раскрылся. В любом случае, Юлий выглядел ошеломленным:

— Что на тебе надето?

— Ничего такого.

— Иисус, женщина. Уходи, — он сделал шаг назад. Его затуманенные карие глаза были широко распахнуты.

— Нет, — она сохраняла тон. Девушка подошла к нему с такой грацией, на которую, как она думала, не была способна. Она подумала об опыте Беверли. Его взгляд скользнул вниз к ее груди, к движению ее бедер. — Я так не думаю. Видишь ли, я планирую использовать тебя сегодня вечером.

Он моргнул, как будто она ударила его по лицу:

— Ты... что? Использовать меня? Как?

Она обняла его за шею, поднявшись на носочки. Губами она почти касалась его кожи, пока говорила:

— Юлий, не знаю, заметил ли ты, но я на нервах. Это хуже выпускных экзаменов. Черт, это как три экзаменационных недели без конспектов и времени на подготовку. Все в моей жизни перевернулось с ног на голову, и я неправляюсь с этим. Все, что я хочу и что мне нужно, — это расслабиться... и ты очень хорошо можешь помочь мне в этом.

Он прочистил горло:

— Думаешь?

— Ну, ты достаточно часто использовал на мне свой рот, чтобы дать мне это понять. Более того, наша маленькая встреча на кухне заставила меня подумать, что ты будешь очень хороши в том, чтобы заставить меня забыть все мои проблемы.

Она почувствовала, что его мускулы напряглись, пальцы, сжавшиеся в кулаки, неподвижно располагались по бокам. Он был похож на провод, который она натягивала, и девушка была почти уверена, что если продолжит, то он сорвется. Она хотела, чтобы он сорвался. После всех этих лет размышлений над тем, каким будет Юлий, она хотела, чтобы это произошло.

— Келли, я не уверен, что это хорошая идея, — он не двигался, лишь потер переносицу.

Она подошла вплотную, прижавшись грудью к его груди. Его руки дрогнули. Она провела языком по его губам и почувствовала, как он вздрогнул. Его глаза были опущены вниз.

— Я трезвая, — напомнила она ему. — Как стеклы. И я была на грани смерти. Прости, если я хочу, чтобы сильный мужчина заставил меня вспомнить, что я жива.

— Келли, серьезно, — он внезапно отступил, вырвавшись из кольца ее объятий. Она немного споткнулась, и вся уверенность, которую приобрела, испарилась.

Девушка неровно выдохнула. Это была ошибка. Ей никогда не следовало думать, что она может соблазнить его. У нее не было практики, а у него были доступные девочки, вроде Сэди, которые бросались на него пачками. Просто мысль об этой пластиковой Барби наполняла ее кровь мстительной необходимостью. Конечно, он мог бы сказать, что ему не нужна длинноногая дурочка, но какой парень действительно сказал бы это?

— Прекрасно, — она развернулась и сделала два длинных шага по коридору. Ее одежда была похожа на плащ, развевающийся от разочарования.

— Куда ты собралась? — спросил он.

— Звонить Кену. Если ты не можешь помочь, возможно, сможет он, — ответила она небрежно.

— Не сможет. Ты моя жена.

Она развернулась. Ее глаза вспыхнули:

— О, правда? Это все на бумаге, ты всем дал ясно понять, что ты на самом деле не мой муж. Итак, по умолчанию, я не твоя жена. Кен — умный парень и все такое. Я уверена, что у него богатый опыт. Да, знаешь, чем больше я об этом думаю, тем больше мне это нравится. В любом случае, он мне больше подходит.

Слова попали в цель. Она увидела, что его челюсть превратилась в жесткую линию. Юлий сократил расстояние между ними и прижался своим телом к ней. Она

почувствовала, что зажата между холодной стеной и его горячим телом. Яркие карие глаза прожигали ее. Он схватил ее руки и прижал их к стене. Она прижалась к нему.

— Ты играешь в опасную игру, малышка, — прошипел он. — Я знаю, что ты делаешь.

— Я не малышка, — она прогнулась волной едва сдерживаемой нужды. Его бедра дрогнули в ответ. — Может, ты не заметил.

— Я заметил, — его пальцы скользнули по ее запястью. — Я только и делаю, что замечаю. Ты сводишь меня с ума.

— Докажи, — дразнила она.

С рычанием он обрушил свой рот на нее. Она не могла назвать это поцелуем, не совсем. Это был натиск губ, языка и зубов. Их рты сошлись, как будто это была битва. Он пахнул дождем и мужественностью, и она хотела утонуть в нем.

— Ты хочешь этого? — Юлий теснее ее прижал. Она чувствовала, что его тело коснулось ее самой нежной части.

— Да! — ее голос отразился эхом от стен. — Да, хочу! Дай мне это, Юлий. Дай мне все.

— Отлично, — прорычал он. — Хорошо.

Одним движением он поднял ее и отнес в свою комнату. Свет не горел, и он не стал его включать. Ее глаза не совсем приспособились к темноте, когда она спиной почувствовала знакомый хлопок покрывала. Она услышала, как что-то упало на пол, скольжение футболки поверх плоти, металлический звук молнии. Когда он бродил в поисках чего-то, она знала, что он голый, даже не касаясь его.

Он расположился над ней, раскладная кровать прогнулась под его немалым весом, и она скользнула в естественный прогиб матраса. Ее глаза привыкли к темноте, и теперь она могла разглядеть контуры его широкого тела, прижимающего ее к матрасу. Длинная лента света, которая пробивалась сквозь зазоры входной двери, освещала мускулы на его руках.

Ее руки нашли его в темноте. Теплого. Сильного. Его кожа была такой сладостно горячей. Она проследила твердый контур его тела. Ее пальцы скользили в сторону и вниз, касаясь каждого участка его спины. Она могла чувствовать контуры рубцовой ткани. Некоторые из них были атласными линиями татуировки. Некоторые из них были более глубокими, более жесткими от старых заживших боевых ранений.

Его ладони скользнули под ее красную сорочку и прижались к лону. Она не могла видеть, что он делал. Все, что он могла, — это чувствовать. Девушка изогнулась, остро осознавая, как его пальцы скользят по ее складочкам. Она была в шоке от того, насколько она влажная, так быстро и полностью.

— Юлий, — выдохнула она.

— Недостаточно готова, — прошептал он в темноте. — Надо исправить это.

Он погрузил один палец в ее лоно, и она застонала. Келли была в восторге от его прикосновения. Палец входил и выходил, лаская ее стенки, пока он не нашел то идеальное место, идеальный ритм, а затем он играл с ней неустанно. Когда она стала мягкой и податливой, он добавил второй палец. Ее голодное тело приветствовало удовольствие.

— Моя сладкая умная девочка, — пробормотал он около ее бедра. Его дыхание было прохладнее, чем тепло ее кожи. — Сдайся.

— Чему?

— Удовольствию.

Его рука сдвинулась, и она почувствовала, как он поцеловал ее прямо там. Его язык скользнул по ней, быстро и легко, как поцелуй змеи. Он лизал ее снова и снова. Удовольствие пульсировало через нее с каждым движением.

— Боже, — простонала она. — Боже, не останавливайся.

В ее теле вспыхнул пожар, когда он дразнил ее. Келли начала двигать бедрами, изогнувшись от необходимости, которую он увеличивал. Она была печкой, и он топил ее. Казалось, он знал, как ее нужно трогать, ласкать и удовлетворять.

— Это то, что тебе нужно? — его дыхание щекотало.

— Больше, — стонала она. — Боже, дай мне больше.

Она почувствовала его дыхание на бедре, когда он усмехнулся:

— Нетерпеливая штучка, не так ли?

Внезапно она обняла его ногами вокруг талии и, толкнув, прижала его к кровати, оседлав грудь.

— Черт, женщина! — рассмеялся он. — Грязно играешь.

— О, сладкий, ты даже понятия не имеешь.

Келли наклонилась над ним так, что ее грудь, тяжелая и мягкая, коснулась его лица, когда она двигалась по его телу. Вершины ее сосков двигались вниз по его обнаженной коже, пока она с гордостью не оседлала его бедра, чувствуя его твердую длину своей попкой. Ночная рубашка, все еще надетая на ней, переливалась над его бедрами, закрывая их, когда она раскачивала свое тело в ритме толчков, подражающих их соединению.

Он был таким твердым. Келли чувствовала его эрекцию, твердую, как сталь, заключенную в шелк кожи. Она двигалась снова и снова, ее тело качало на волнах чувственности.

— М-м-м, Келли, — он потянулся к ее бедрам, схватив плоть мозолистыми ладонями. — Ты меня дразнишь?

— Только чуть-чуть, — пообещала она. — Просто пока ты не почувствуешь, что сдаешься.

Она качалась над ним, наслаждаясь силой, прижимая его к кровати своим телом. Юлий Дениэлс был ее, даже если только на этот момент. Захочет ли он ее снова после этого? Это будет их единственная ночь вместе? Она не надеялась ни на что. Девушка оттолкнула эту мысль. Не важно, было ли это только на мгновение. Было важно, что это происходит сейчас. Это будет уже не отнять.

— Я так долго хотела тебя, Юлий, — она провела рукой по татуированной груди. — Так чертовски долго. Я хотела не торопиться, но не думаю, что смогу.

— Келли, — простонал он. Его глаза сверкали в темноте, как призраки в сером озере. — Келли, у нас вся ночь впереди. Делай, что хочешь, детка. Делай то, что нужно.

Это было именно то, что она хотела услышать. При всем ее планировании обольщения, она не солгала. Она хотела почувствовать себя живой. Ее тело болело от необходимости быть обласканной, желанной и свободной. Это было тяжелое чувство, и она хотела его унять.

Она восстановила равновесие. Если бы она сосредоточилась, то смогла бы увидеть его глаза, эти дымчатые карие глаза, которые преследовали ее подростковые годы. Она чувствовала, как Юлий напрягся под ней. Келли откинулась назад, ощущая, как кончик его члена толкнулся в нее.

— О, да, — промурлыкала она.

Она пошевелила бедрами и задрожала. Дрожь передалась по всему ее телу. Ее киска была такой влажной, что она ощущала сочившуюся влагу на бедрах. Она чувствовала хлопковое одеяло под коленями и гладкость его кожи лодыжками. Его небольшие толчки и рваное дыхание будили в ней неистовый огонь, заставляя проводить ногтями по его груди, а кожу гореть.

Она никогда не чувствовала подобного раньше. Это потому, что она была с Юлием?

— Юлий...

— Продолжай, — уговаривал он. — Продолжай, объезди меня, Келли.

Ее колени прижались к его обнаженным бедрам. Их разгоряченные, слегка вспотевшие тела были тесно прижаты друг к другу, хриплое дыхание смешалось. Она откинулась назад, глубже насыживаясь на него. В один момент она была пуста, в следующий — наполнена им. Вес ее тела подталкивал его к самой ее глубине.

Мир исчез. Темнота в комнате сделала ощущение еще более интимным. Она едва могла его видеть, но она чувствовала его. Келли услышала, как его выдох стал голодным стоном, когда он вошел в нее полностью.

— Горячо, — простонал он, — так чертовски горячо.

Она пошевелилась, перемещая свое тело вверх и вниз, погружая его в себя снова и снова. Но этого было недостаточно, недостаточно. Ее тело просто не справляется с глубиной ее желания.

— Больше, — умоляла она. — Мне нужно больше.

— Возьмись за кровать, — прорычал он.

— Хм? — это не имело смысла. — Кровать?

Он не повторил. Юлий схватил ее руки и положил на изголовье кровати. Ее пальцы утонули в мягкой ткани подголовника. Юлий схватил ее бедра достаточно крепко, чтобы не позволять ей двигаться, сжав пальцами ягодицы. На мгновение она не поняла, что он делает, а затем он проник в нее одним мощным толчком. Кончик его члена, казалось, достиг самых глубин ее тела. Она предполагала, что это может быть больно, но нет. Это было удовольствие с прекрасной болью.

Должно быть, она издала какой-то звук, потому что он все еще оставался под ней и не двигался.

— Келли?

— Не останавливайся, — прошептала она.

Юлий послушал и начал резко вколачиваться в нее. Она ощущала каждый удар его толстого члена, поднимаясь на вершины удовольствия. Его член проникал все глубже и глубже. Она крепко вцепилась в изголовье кровати, стараясь удержать тело так, чтобы сдерживать его жесткий напор.

Затем, совершенно неожиданно, боль исчезла. Будто все ее тело приняло чувственное нападение. Его толчки стали тяжелыми, ритм сбился. Это было великолепно.

— Боже!

— Сейчас, — прорычал он. — Возьми это, Келли. Давай.

Внутри нее горел огонь. Ее кожа была слишком натянута.

— Юлий, боже, Юлий!

Пожар вспыхнул с такой силой, что на мгновение она была ослеплена им. Ее бедра двигались сами по себе, встречая каждую волну удовольствия. Она, казалось, летела, а затем поднялась еще выше. В один миг она была внутри своего тела, а затем воспарила в пламени бесконечного экстаза.

— Келли, — сдавленный звук заставил ее схватиться за него.

— Не останавливайся, — выдохнула она.

Его тело дрожало, вены на шее пульсировали, он был слишком близок к разрядке, чтобы контролировать себя. Грубые большие ладони обняли ее крепче, когда он изо всех сил пытался продлить это удовольствие. Сквозь шум собственной крови в ушах она расслышала, как он стонал и рычал ее имя вперемешку с ругательствами снова и снова, а затем его голос дрогнул. Через мгновение он дернулся и излился в нее.

Раскладная кровать была слишком маленькой для них с Юлием, но Келли было все равно, она не могла прийти в себя. В какой-то момент они включили свет, и все, что она могла видеть, было его длинное тело, распластавшееся на простынях. Это выглядело так красиво, так правильно.

— Расслабилась? — спросил он.

— Расслабляюсь, — ухмыльнулась она, погладив его по татуированной руке, которой он обнял ее.

Он лежал, вытянув одну свободную руку над головой, а второй прижимая ее к себе. Она чувствовала, как его грудь поднималась и опускалась.

— Хорошо, просто дай мне знать, когда будешь готова ко второму раунду. Я посмотрю, что смогу сделать с остальной частью твоего взвинченного напряжения.

Она рассмеялась и покачала головой. Ее палец прослеживал вдоль его ключицы, а затем по центру груди. Света от приоткрытой двери как раз хватало, чтобы рассмотреть его татуировки. Большинство из них были набиты темными чернилами, произведения искусства с оттенками серого навеки запечатленные на его коже, но некоторые из них имели яркий цвет.

— Ты знал, что в России татуировки заключенных и преступников отражают в основном их репутацию? Они отмечают на своем теле, какие преступления совершили.

Юлий поднял бровь, а ее палец задержался на самой большой из его татуировок. Это были буквы «Адские гончие», прописанные старым английским шрифтом. Она не могла не быть впечатлена этой работой.

— Аркадий Бронников подробно изучил это в период с 1960-х по 1980-е годы. Он хотел понять, почему преступники любили татуировать себя. Что было такого в чернилах на коже, которые отличали одного человека от другого, — она приняла полусидячее положение, опустив голову на ладонь одной руки, а другой продолжила исследовать его тело.

Ее глаза скользнули к его лицу. Его глаза были закрыты, но губы сложились в нежную улыбку. Локоны темных волос были более закручены, чем раньше, вероятно, от пота. Она потянулась и убрала их с его лица.

Он взглянул на нее.

— Выяснила почему? — он поднял голову так, чтобы его глаза могли следовать за ее пальцами, выписывающие название клуба, который влиял на ее жизнь с самого детства.

— Ну, нет. Но несколько социологов предположили, что это относится к культуре воинов. Многие общества, в которых воин или охотник, назови как угодно, были на вершине, использовали свои шрамы, чтобы рассказать историю. Со временем они добавили чернила к ранам, чтобы сохранить шрамы дольше. Со временем иголки и чернила заменили это. Их лучшие воины использовали это как своего рода хвастовство.

— Да, могу сказать, что преступники точно любят хвастаться, — его нежная улыбка превратилась в широкую усмешку.

Келли ухмыльнулась и полностью села, прижимая ноги к телу и с удивлением обнаруживая, что до сих пор была одета в красную ночную рубашку.

— Хочешь сказать, что преступники видят себя воинами?

Казалось, он действительно задумался об этом. Келли это понравилось. Ее палец прослеживал все его татуировки, остановившись на привлекательной женщине со струящимися волосами, частично оседлавшей байк. По крайней мере, она предположила, что это байк.

— Да, — признался он с небольшим намеком на гордость. — Большая часть клуба. Эй, я думал, что ты занимаешься, ну, наукой о животных. Почему ты изучаешь татуировки и преступников?

Она повернулась к нему лицом. Ее губы насмешливо сжалась:

— Серьезно? Я имею в виду, как странно то, что девушка, выросшая в преступной субкультуре, может быть заинтересована в ее понимании.

— Ты могла просто спросить, — он хлопнул себя по груди. — Мы бы ответили.

Она пожала плечами. Ее взгляд скользнул, чтобы сосредоточиться на совершенно неинтересной складке простыни:

— Да, но тогда мне бы пришлось признаться, что я чего-то не понимаю, а я не хотела этого. Мне нравится хвастаться тем, что я знаю, а не наоборот.

— Ты тоже любишь хвастаться, — он легонько ткнул пальцем ей в живот и пощекотал ее.

— Я дочь своего отца, — вздохнула она. — Как бы я усердно не пыталась не быть ей.

Он обнял ее за бедра:

— Расскажи мне еще о русском чуваке с фетишом по татуировкам. Арчи... Бро... как там.

— Аркадий Бронников, — рассмеялась она.

Удивительно, как Юлий это делал. Она могла бы сломаться, она могла позволить себе окунуться в свою собственную неуверенность в семье, но он помогал ей чувствовать себя лучше, он давал ей выговориться:

— У него не было фетиша, у него был интерес.

— Звучит одинаково для меня.

— Напомни мне объяснить разницу между интересом и фетишем позже, — она улыбнулась, поиграв бровями.

— Знаешь, есть что-то горячее в том, как ты говоришь все это деръмо, — его руки поднялись с ее бедер вверх, чтобы стащить атласную ткань, открывая взору ее сливочного цвета плоть. Келли смотрела на него, продолжая подталкивать ткань дальше и дальше по телу. Ее руки поднялись над головой. Ветер бы прекрасно ощущался на ее сосках.

— Что это? — спросил он.

— Что? — она попыталась казаться настолько невинной, насколько это возможно.

— У тебя есть татуировка? — его усмешка ослепляла. — Ты серьезно?

Она закатила глаза, опустив голову, когда ее щеки вспыхнули румянцем:

— Я дочь своего отца.

— Что это? — он провел пальцем по коже под грудью, отмеченную одинокой змеей, скрученной вокруг палки. И простая «V» над ним.

— Постох Асклепия (*Прим. Постох Асклепия — распространённый медицинский символ, изображающий змею, обвивающую посох (палицу).*)

— Медицинская штука?

— Да. Хорошо, что большинство людей знают кадуцей, у которого две змеи. Это общий символ людей, которые принимают клятву Гиппократа и все такое. Вы видите это во всех медицинских учреждениях и подобных местах. Жезл и змея связаны с древнегреческим богом исцеления и медицины. Двойная змея с крыльями и всем этим была сделана для Американского медицинского центра и стала очень популярной, несмотря на то, что это более исторически правильная версия.

— Почему? — спросил он. Он обнял ее и притянул к себе на колени так, чтобы она снова его оседлала. Юлий не был возбужден, атласная кожа его мускулистого пресса прижалась к ее еще влажным складочкам лона.

— Умные люди тоже ошибаются.

Он ухмыльнулся и приподнялся, оставляя поцелуй на ее татуировке.

— Мне она нравится

Девушка пошевелилась и почувствовала, что ему понравилось. Его член начал набухать под ней:

— Да неужели?

— Расскажи мне больше, — он поцеловал линию под ее грудями. — Продолжай говорить. Мне нравится, как ты говоришь обо всем этом умном деръме.

— Рассказать больше о чем? — она ахнула, когда он высунул язык, чтобы провести им по ее соску. — О татуировках?

— Мхм, — промурлыкал он, зубы царапали по нежной плоти. — Расскажи мне больше.

Келли так и сделала. Между поцелуями и облизыванием вершинок ее груди она рассказывала на выдохе о символике и криминологии, но ее тело трепетало, когда его рот обернулся вокруг ее тугого соска. Ее бедра инстинктивно сжались. Он сосал ее грудь, придерживая крепкой рукой ее спину.

— Юлий.

Она зарылась рукам в его темных волосах. Обсидиановые кудри окутали ее пальцы. Его губы сосали, пока ее не прошиб электрический разряд. Все ее тело дрожало, изгинаясь в удовольствии. В тот момент, когда удовольствие охватило слишком много, он выпустил сосок.

Юлий переходил с одной груди на другую, туда и обратно, туда и обратно, пока у нее не закружила голова от желания.

— Боже, Юлий.

— Что?

— Ты так чертовски хорош в этом.

— Я? — его глаза вспыхнули с мужским удовольствием.

Она сжала пальцы в его волосах, и он зашипел. Это не было болезненным. Она снова потянула, и он оторвался:

— Ты знаешь об этом.

— Ты такая испорченная.

— Тебе нравится это.

— Позволь показать, насколько.

Он перевернул ее на спину и прижал свой член к ее входу. Он был уже твердым, она ощущала тяжесть его бедра. Девушка издала низкий звук, когда его рот коснулся ее шеи. Это была не мягкая дегустация кожи, а разрушение нежной плоти.

— О, да, — прошептала она.

Он сел, и она наблюдала за линиями его плоского живота, когда он толкнулся в нее на один дюйм. Он вращал бедрами, двигаясь в ней. Его руки обернулись вокруг ее бедер, раздвинув ноги, пока ее колени не коснулись кровати. Она почувствовала себя настолько открытой, по-настоящему обнаженной.

Келли провела языком по губам, наблюдая, как Юлий двигается между ее бедер.

— Черт побери, ты хорошененькая, — прошептал он, глядя на нее. Ей показалось, что к ее щекам поднялся неожиданный румянец. Мужчина снова повел бедрами, и это послало искры по ее венам.

— Юлий?

— Да?

— Разрушь меня, — она подтолкнула к нему бедра. — Заставь меня забыть весь мир. Он рыкнул от удовольствия, а затем толкнулся в нее.

Если бы она была не готова, это было бы больно, но ее тело было настолько гибким для него, что все, что она чувствовала, было резким и грубым удовольствием. Руками она впилась в простыни, а он вонзил пальцы в ее плоть. Юлий держал ее полностью неподвижно, когда совершал резкие глубокие толчки. В свете, льющимся из окна, она могла видеть каждую гипнотическую игру своего тела, когда он толкал ее в нее.

— Так?

— Ох! — выдохнула она. — Сделай это снова.

Он сделал. Она чувствовала, что он сдерживает себя. Она всегда думала о грубости, как о ненужной составляющей, но она ошибалась.

Его глаза сверкнули, когда его бедра набрали скорость. Влажные шлепки их тел эхом отдавались от стен. Она чувствовала каждый неровный дюйм его члена, каждую вздувшуюся, пульсирующую венку. Она чувствовала свое тело, каждый пальчик на ногах. Под его прикосновением расцвела тупая боль. Утром будут синяки, но ей было плевать. Она чувствовала себя дико и безрассудно.

— Больше, — выдохнула девушка. — Юлий, дай мне больше.

Он упал на нее сверху, отпустив ноги и прижавшись губами к ее губам. Его язык проскользнул между ее губ. Она обернула руки вокруг его спины и ухватилась за него, впившись ногтями в его плечи.

Слой пота образовался там, где их тела соприкасались. Они скользили друг против друга со звериной мощью. Не было размеренного, осторожного ритма, как это было в первый раз, сейчас была просто отчаянная потребность чувствовать друг друга. Слишком много и все же не совсем достаточно. Келли крепко вцепилась ногтями в его кожу. Он оторвался от нее и выпустил дикий звук, который отражал и ее жажду.

— Жестче, — требовала она. — Черт тебя дери, Юлий, жестче!

Он вышел из нее, и она захныкала. Он схватил одно ее бедро и поднял к ее животу. Юлий скользнул по ее киске один раз, второй, а затем мощным толчком вернулся в нее. Ее ногти впились в простины, когда его рука скользнула по ее мокрой спине. Он накрыл ее плечи, прижимая к матрасу.

— Да! Вот так, Юлий, вот так.

— Так красиво, — застонал он, когда снова и снова входил в нее. Ее тело дрожало и дергалось от каждого движения, и ей это нравилось. Она чувствовала, как он проникает в самые глубины ее тела.

Оргазм накрыл их неожиданно. Дико и отчаянно. Это было блаженно, нестерпимо и освобождающее. Ей было все равно, она погрузилась в бурю своего экстаза, когда ошеломляющая волна их любовной игры накрыла их.

Когда все закончилось, девушка скользнула по простињам, на которых остались следы от ногтей. Келли только смутно осознавала, что это она.

Он ухмыльнулся.

— Я думаю, то же самое ты сделала и с моей спиной.

Она взглянула на него:

— Я?

Он перевернулся и показал ей красные следы, которые шли от его плеч до середины спины.

— Боже мой, прости.

— Не надо, — он обнял ее за талию и подтащил к себе. Его губы были нежными, но твердыми. — Мне понравилось.

Она улыбнулась и прислонилась лбом к нему:

— Извращенец.

Он пожал плечами и опустился на смятую постель:

— Я мог быть и хуже.

— Верно, — она уселась напротив него, положив одну ногу на его бедро. При движении чувствовалась боль. Определенно будут синяки.

— Отдохнула?

Она подумала об этом на мгновение, а затем поцеловала его в плечо:

— Да, я думаю, что да.

— Хорошо, потому что я думаю, что сегодня меня хватит только на один или два раза, и если тебе нужно больше, мне, возможно, придется размахивать белым флагом.

— Бедненький.

Он поцеловал ее:

— Нет, нет, бедная ты.

Глава 11

Всю свою жизнь Юлий совершал ошибку за ошибкой. Чаще всего он просто забывал об этом. Но он не мог этого сделать в случае с Келли. Эта сладкая маленькая умная девочка не просто подарила ему ночь страсти. Это превратилось в трехнедельный марафон обнаженных тел и потной плоти.

— Расскажешь о своем отце? — спросила она, забираясь в кровать ночью. Она была одета в одну из его футболок и ничего более. Ее волосы все еще были спутаны от последнего разрушительного сеанса секса.

Он напрягся:

— Что?

— Я просто думала о своем папе.

— Келли, если после всего, что мы с тобой только что сделали, ты все еще думаешь о своем папе, я должен сказать, что тебе нужно кое-кого увидеть.

Она засмеялась и толкнула его, касаясь его кожи холодной ногой.

Он вздрогнул и схватил ее конечность, убирай от своей кожи:

— Иисус! Ты впитала ледяную воду?

— Мне холодно, — ее голос был мягок.

Он вздохнул и обернулся вокруг нее. Заскучавший Цезарь прыгнул на кровать, чтобы поделиться своим собственным теплом. Она дотянулась до него и погладила.

— Ты украла мою собаку.

— Я этого не делала, — она повернулась к нему с ослепительной улыбкой. — Он просто чувствует хороших людей. И не думай, что я не знаю, что ты делаешь.

— Что я делаю? — он обнял ее. — Детка, тебе холодно.

— Я же сказала, — она села рядом с ним. Она пахла как зубная паста и дождь. — Ты пытаешься сменить тему. Расскажи о нем.

— Почему ты хочешь знать?

— Потому что ты украл меня, — ее голос не звучал зло, когда сказала это. Если бы она рассердилась, он, возможно, ответил бы тем же или вообще игнорировал этот вопрос.

Он укутал их одеялом плотнее:

— Он был чертовым злым пьяницей.

— Нет! Только не это. Это невозможно.

— Почему нет?

— Потому что, — она легла рядом с ним, уютно расположившись в изгибе его руки. Он мог чувствовать ее дыхание на своей оголенной коже. — Потому что мой отец был чертовым злым пьяницей, но также он был хорошим человеком. Так что твой отец должен быть кем-то больше, чем только это.

Он мог бы поспорить с этим, но какой в этом смысл. Райли был плохим, особенно когда что-то шло не по его плану. И ему нравился ликер, по крайней мере, до тех пор, пока он не начал химиотерапию. Это было не то же самое, но он понял, о чем она говорит.

— Хорошо. Он родился в бедной семье и думал, что армия — единственное место для него. По крайней мере, он так говорил. Также у него была привычка лгать о своем происхождении, но это то, о чем он говорил больше всего, так что думаю, это правда.

— Так он служил?

— Думаю, что так. Он очень умело стрелял. И ему нравилось стрелять по вещам. Он часто брал меня на охоту. Он говорил, что очень важно научиться охотиться. Не могу сказать почему, но это казалось чертовски важным для него.

— Да?

Он слышал колебания в ее голосе. Она задавала вопросы очень мягко, как будто не хотела знать ответы, но не могла перестать спрашивать об этом.

Он перевернулся и поднял плечо. Юлий не мог видеть этого, но знал, что он там — длинный шрам в форме зубчатого полумесяца. Он почувствовал легкое ощущение ее пальцев, касавшихся старой рубцовой ткани.

— Что произошло?

— Я промахнулся.

Он собирался откинуться на спину, но почувствовал, как ее гладкое тело прильнуло сзади. Ее рука обернулась вокруг его живота, а подушечка большого пальца поглаживала

его вверх и вниз. Она сдвинулась немного, и он обернулся к ней. Было комфортно чувствовать ее так близко. Он продолжил объяснять.

— Это была пума. Видела ее когда-нибудь?

— Не близко.

— Они прекрасны. Их шкура похожа на твои волосы.

— На мои волосы? — она переместилась позади него. Он мог только предположить, что она поворачивается, чтобы посмотреть на свои локоны.

— Золото, каждый его оттенок. Она просто лежала, растянувшись на этой большой скале. Скорее всего, она поела недавно. Вокруг ее рта было немного крови. Это должно было быть жутко, но нет. На человеке это было бы жутко, но ей это свойственно. Папа привел меня туда и положил пистолет в мои руки. Я не ожидал, что буду стрелять в тот день, совсем нет. Я раньше не был достаточно тих, чтобы подкрасться к кому-нибудь.

— Ты? Шумный? — подразнила она. Ее губы касались его кожи, когда она говорила.

— И неуклюжий, — он взял ее за руку. — Но да, я ненавидел саму идею стрельбы по ней. В смысле, мы не собирались ее потом есть, как делали с оленями.

— Ты можешь есть пуму, — сказала она. — Просто по вкусу это не очень.

— Ты ела пуму? — спросил он, наклоняя голову, чтобы он мог видеть ее лицо через плечо. Она ухмылялась ему.

— Нет. Но я могу сказать, что почти всех животных можно съесть. Мы просто этого не делаем.

— Почему? — спросил он заинтересованно. — Из-за вкуса?

— Частично, — она сжала свою руку вокруг его живота, касаясь пальцами его кожи.

— Но есть еще кое-что. Мы едим тех животных, которых можно одомашнить и откармливать. Пуму же очень сложно посадить в клетку.

— Дерьмо, — он подтянул ноги и перевернулся на спину. Она осталась рядом с ним, свернувшись калачиком. Он почувствовал горячую кожу рядом со своей ногой. Юлий собирался что-то сделать с этим, когда собака переместила свой груз между ногами Юлия, связывая их обоих. — Короче говоря, я не мог ее застрелить. Не мог. Не знаю почему, но это было неправильно. Мы просто собирались убить ее. Я не хотел этого. Папе это не понравилось.

— Он порезал тебя, потому что ты не смог убить кого-то? — шокировано спросила она.

— Не совсем, он бросал в меня камни. Я был неуклюжим, но и быстрым, так что получил только два удара. Один из них оставил это.

Келли обняла его настолько, насколько позволяла их нынешняя поза, и он позволил ей. Это было странно. Юлий не говорил о себе так. У нее был способ избавить его от этого. Что-то было в нежных поцелуях, которые она оставила на его коже. Лучше, чем типичное «о, бедняжка».

Он повернулся, и она поцеловала его. Все началось легко, почти дружелюбно, как девушка могла поцеловать любого, у кого был плохой день. Затем ее язык проскользнул между его губ. Она пошевелилась, собака двинулась, и она переползла ему на колени.

— Хорошо, — сказала она мягко, потянув за подол футболки. — Отложим пока вопросы об отце?

— Хорошо, — он облизнул губы, обнажая ее грудь, — если ты настаиваешь.

Это был, пожалуй, лучший марафон.

— Чувак, ты сумасшедший, — Майкл наклонился над открытым капотом «Кадиллака» клиента. На его румяном лице было масляное пятно. Сегодня было полно работы, и большинство парней метались между рабочими местами.

— О чём ты говоришь?

— Об этом, — сказал Майкл с динамометрическим ключом в направлении офиса магазина.

Через жалюзи они могли видеть, как Келли и Беверли болтали и улыбались клиентам. Они были хороши в бизнесе.

— Что насчет этого?

— Хорошо, ты не просто сумасшедший, так еще и тупой, — Майкл продолжил свою работу.

Юлий фыркнул:

— Мужик, ты собираешься объяснить мне или так и будешь оскорблять?

— Когда все началось, ты сказал, что это все для ее безопасности.

Юлий пожал плечами и отвернулся:

— Да, и?

— Запасть на нее безопасно?

— Мужик, я не запал. Она просто... не знаю.

Майкл закатил глаза:

— Без разницы.

— Тебе есть что сказать?

Майкл встал:

— Мне есть что сказать. Ты собираешься выслушать?

— Говори начистоту.

— Эта девушка была влюблена в тебя с пятнадцати лет. Я ожидал, что она покончила с тобой, черт возьми, она заслужила это. Я надеялся, что она сделает это, когда ей исполнится шестнадцать или семнадцать лет, чтобы она могла вытащить тебя из своей головы и продолжить свою проклятую жизнь.

Юлий наблюдал за ней через жалюзи. Она хорошо выглядела сегодня, даже стоя рядом с кем-то наряженным, как Беверли. Были девушки, которые тратили часы, чтобы выглядеть так хорошо, как это делала Келли, завязав волосы в хвостик и надев джинсы. Ему это нравилось.

— Ты сердишься из-за этого?

— Да, мужик.

В его тоне было что-то, что заставило Юлия оглянуться:

— Ты ревнуешь, Майк?

Майкл покачал головой и сменил инструменты, вытащил из автомобиля старую свечу зажигания и посмотрел на нее. Увидев верхушки, почти изношенные и покрытые грязью, оба знали, что они перегорели:

— Не так, как ты думаешь. Не знаю, в школе мог бы. Я пошел тогда с ней на выпускной не потому, что она была моим другом. Но сейчас Келли другая. Умная, хотя многие люди умны, но здесь нечто другое. Самые умные люди? Они измотаны тем, что слишком много знают обо всем дерьме.

— Не Келли, — Юлий понял, что защищает ее. Он протянул новую блестящую свечу.

— Не Келли, — согласился Майкл, толкая новую свечу на место. — У нее такое огромное сердце и так много любви. Да, она прячет это все под видом умной девочки, но ты можешь видеть это каждый раз, когда она гладил таких страшненьких собак, как твоя, или когда она смеется с Беверли, чтобы то ни было. Она — тот яркий луч солнца и доброй воли... ну, черт тебя возьми, Юлий, ты не такой.

— Черт, — Юлий наклонился над двигателем с Майклом. Он хотел бы разозлиться, и какая-то часть внутри него сделала это, но факт в том, что Майкл был прав. — Я не могу просто бросить ее.

— Мне смешно от того, что ты думаешь, что бросив ее, лишишься своих чувств.

— Я думал, мы говорили о Келли.

— Мы и говорим, но ты вовлечен в это. Я имею в виду, разве не ты виновен в том, что на ее лице большая улыбка?

Юлий не мог не усмехнуться, сказав:

— Да, я.

— Значит, ты сможешь бросить ее, когда все это будет сказано и сделано? Ты сможешь уйти от всего этого?

— Конечно, — сказал Юлий. Даже для него тон казался неуверенным. — Не знаю. Секс хороший.

— Как бы то ни было, мужик. Парень не смотрит на девушку так, как ты смотришь на Келли, когда дело только в сексе.

Разговор прервал звук машинного ключа. Это дало Юлию возможность подумать над тем, что сказал Майкл. Он хотел сказать, что тот ошибается, но он знал лучше. Что он мог предложить Келли? Тяжелую жизнь в преступном мире? Сейчас он мог обеспечить ей безопасность, защиту от Каина и его конченого брата, но что будет, когда все закончится? Что он ей предложит? Ничего, ни одной чертовой вещи.

Он поднял глаза и увидел, что она смотрит на него. Ее большие голубые глаза были наполнены жизнью и счастьем. Она не выглядела так с тех пор, как вернулась. Ее улыбка стала шире, когда их взгляды встретились, и он понял, что тоже улыбается. Она махнула ему рукой, он кивнул в ответ.

Осознание ударило его, как тонна кирпичей.

— Дерьмо.

— Ты знаешь, что ты должен делать, — сказал Майкл.

— Да, да, я знаю.

— Ну? — спросила Беверли, когда наплыв клиентов поутих. — Как дела?

Келли почувствовала дрожь по всему телу. Ее рот растянулся в ухмылке так сильно, что было больно:

— Хорошо.

— Хорошо? — спросила Беверли, глядя на Келли проницательным взглядом, отточенным на детях. — Милая, это не хорошее лицо. Это лицо женщины, которая увидела Бога.

— Очень много раз, — блаженно вздохнула Келли. Она рассмеялась и покачала головой, собирая все чеки за сегодняшний день в одну кучу. Было приятно делать что-то полезное. Посидеть дома было хорошо для разнообразия, но после первой недели это уже казалось пыткой. Они временно работали, пока Юлий занимался другими делами. Келли не знала и не была полностью уверена, что ей нужно. — Боже, это звучит глупо.

Беверли пожала плечами и махнула рукой:

— Милая, это все любовь. Это вино и сыр, не более.

— Вино и сыр? — фыркнула Келли.

— Ты издеваешься? Это лучшее сравнение.

— О чем ты говоришь?

Беверли вздохнула и отложила кучу документов для Кена, чтобы он посмотрел их позже. Она повернулась к Келли, положив руку на бедро:

— Хорошо, в некоторые дни, особенно в начале, любовь очень проста. Это похоже на игристое вино и кусочки острого чеддера. Бодрящая, счастливая, но не первоклассная.

Келли прислонилась к офисному столу, скрестив руки под грудью. В течение нескольких недель она узнала, что Беверли в жизни дает много советов, даже если это не требуется:

— Хорошо...

— Нет, действительно. Выслушай меня. Ты хочешь кока-колу? — она схватила свой кошелек и вытащила рулон двадцаток.

— Святое дермо, — Келли моргнула, когда подруга вытащила купюру из огромной пачки. — Бизнес, видимо, идет хорошо.

— О, дела идут замечательно, но это? — она помахала деньгами. — Это происходит от того, что в клубе есть мужчина. Ты знаешь, что они говорят: преступления окупаются.

«*Но стоило ли это того?*» — подумала Келли. Стоит ли это того, зная, что он может выйти, а его застрелят? Что он мог умереть, потому что другая группа байкеров хотела прийти и контролировать все незаконные предприятия и убедиться, что их незаконные товары продаются? Она оторвала взгляд от Беверли и вернулась к Юлию, чьи темные волосы были спрятаны под красной банданой. Неужели она никогда не видела его лицо, не прикрытое волосами?

— Кола? — предложила Беверли снова.

— «Доктор Пеппер», если есть.

— Конечно, сладенькая, — Беверли вытащила их и пробила по счету: — Что я сказала?

— Игристое вино и твердый чеддер.

— Точно! Так, это только в начале. Вся эта сладость радует. Это хорошая вещь, которая также может заставить тебя набрать пару футов, но это не так идеально. Идеальность приходит позже. Спустя какое-то время и работу. Как сыр и вино.

Беверли открутила крышку и долго пила.

— Теперь ты понимаешь. Но не пойми меня неправильно, иногда это похоже на плавленый сыр и на дешевое вино в коробках. Ты будешь употреблять это, потому что надо, а не потому, что тебе нравится.

— Ого, звучит странно, но по-философски, — Келли подняла взгляд и наблюдала, как Юлий работал вместе с Майклом. Через нее прошла волна спокойствия. Было приятно видеть его, чувствовать себя комфортно в пространстве, которое было обозначено как его.

— Не знаю, ты думаешь о таких вещах, когда твой малыш плачет в три часа ночи, — Беверли подняла бутылку. — Когда все, что ты хочешь, это капельницу внутривенно.

— Как малыш?

Беверли сразу просияла, вытащив телефон, чтобы показать кучу фотографий детей. Келли почувствовала зуд дружеской ревности в животе. Это была не злая ревность, которая превращает лучших друзей в злейших врагов, это более мягкая разновидность, из-за которой Келли жаждала того, чего у нее не было.

Она всегда хотела иметь семью. Возможно, сейчас это непопулярно, но Келли хотела иметь работу, мужа и дом с заборчиком. Может, уже прошло ее время или это лишь пустые мечты. Она не знала, и прямо сейчас, увидев, что Беверли загорелась, как новогодняя люстра, ей все равно.

— Что такое, Келли? — Беверли нежно положила свою ладонь на руку Келли.

— Хмм? — Келли поняла, что Беверли что-то спрашивала. — Извини, задумалась.

— О чем? — ее большие карие глаза были полны озорства.

— О детях.

Беверли слегка взвизгнула. Игровой блеск превратился в нечто сочувствующее:

— Боже мой, Келли, ты беременна?

— Что? Нет, конечно, нет. Мы начали заниматься сексом, ну, две недели назад.

Беверли фыркнула и вернула телефон в свой кошелек:

— Дорогая, две недели — это все, что нужно, но, эй, это не мое дело, пока ты сама не захочешь. Ты не против?

Келли покраснела и призналась:

— Не то чтобы.

— Хорошо, но тебе придется объяснить, что ты подразумеваешь под этим.

Келли вздохнула и прикрыла лицо рукой. Об этом легче было думать, чем говорить:

— Я люблю его. Я знаю, что не должна, но люблю. У него есть проблемы с отношениями. И я знаю, что мы уже говорили об этом, но каждый день я все больше ощущаю, словно нормальные отношения. Я готовила ему завтрак этим утром, и мне даже не пришлось спрашивать, какие тост и кофе он хочет.

Беверли кивнула, ее конский хвостик затанцевал:

— Итак, что ты собираешься делать?

— Что я могу сделать?

На плечи Келли легли руки:

— Ты могла бы сказать ему. Я имею в виду, я знаю, общение и бла-бла-бла. Но ты должна сказать ему, чего хочешь, иначе в конце будет больно.

— Ты замечательный друг, но иногда я думаю, что ты сумасшедшая.

— Оба варианта, — усмехнулась Беверли. — Слушай, мы с Майклом собираемся поужинать и потанцевать сегодня. У меня есть няня и все такое. Почему бы вам не присоединиться к нам?

— Как двойное свидание?

— Ну, нет. Пара ребят из клуба будет там, некоторые на свидании, так что это своего рода компания.

— Сэди идет? — спросила Келли. Она не хотела звучать горько, но это получилось непроизвольно.

— Уф, это было недоброжелательно. Что-то случилось?

— Да нет, — Келли допила свою газировку и выкинула банку в ведро. — В смысле, она постоянно звонит ему и пишет под любым предлогом. Понимаю, она хочет его. Не могу ее винить в этом. Но могу винить в том, что она преследует человека, который не отвечает взаимностью. Меня это беспокоит.

Беверли рассмеялась.

— Если бы парень делал это с девушкой, люди бы просто не обращали внимание?

— Ну, есть разница в том, дорогая, что парень вооружен.

— Может быть, я просто должна быть с ней помилее.

— Келли, милая, ты ударилась головой? — Беверли подняла волосы Келли в драматической попытке найти невидимую рану. — Мне кажется, ты сейчас сказала, что должна быть добра с женщиной, которая пытается украсть твоего мужчину.

— Он не мой мужчина, — поправила Келли. Она вздохнула и плюхнулась на офисное кресло. Солнце просвечивало через окно, окрашивая весь офис в бледно-оранжевый цвет. Она видела пылинки в воздухе. — Может, она одинока. Многие девушки ищут мужского внимания, потому что они чувствуют себя нежеланными среди своих сверстников.

— Боже, сколько ты взяла дисциплин в колледже?

— Слишком много, — рассмеялась Келли.

— Ты понимаешь, что звучишь иногда как энциклопедия?

— Мне было одиноко. Книги и животные — то, что держало меня на плаву, — ухмыльнулась она.

— Когда ты собираешься получить наследство?

— Юристы до сих пор готовят документы, но понятно, что до того, как я вернусь в колледж.

— Еще больше книжек, — Беверли толкнула Келли плечом, и обе женщины рассмеялись.

Келли ничего не смогла сказать об этом, потому что владелец «Кадиллака» вышел на своих четырехдюймовых каблуках с совершенно новой прической.

— Привет, Сэди! — Келли улыбнулась, делая все возможное, чтобы выглядеть искренне. — Как у тебя дела?

Сэди провела рукой по своим прекрасным волосам, укладывая их:

— Хорошо.

Келли и Беверли обменялись взглядами. Беверли слегка встрихнула головой:

— Эй, Сэди, послушай, Беверли и я были...

— Моя машина готова? — прервала она.

— Я... — Келли оглянулась на дверь. — Не знаю. Мне нужно будет...

— Неважно. Пойду и спрошу сама.

Сэди провальсировала к двери, прежде чем Келли смогла что-то сказать. Келли смотрела сквозь жалюзи, половина парней в мастерской перестали работать, наблюдая за длинными ногами, вышагивающими в их рабочей зоне.

— Тебе нужно ее прибить.

Келли моргнула, притворяясь, что не слышала того, что ее подруга была права:

— Насилие — это ужасный способ прояснить ситуацию.

— Ты слышала меня, эту девушку пора опустить с небес на землю. Посмотри на нее, ходит здесь, как будто владеет этим местом и всем, что в нем есть. Идеальная маленькая принцесса.

Сэди остановилась перед своим «Кадиллаком» и улыбнулась широкой ослепляющей улыбкой. Келли не могла слышать, что она сказала, но Юлий взглянул на нее и улыбнулся.

— Видишь? — спросила Беверли

— Да, — ответила Келли мягко. — Я вижу.

— Что ты собираешься с этим делать?

— Ничего, — призналась Келли. — Здесь нечего делать. Знаю, знаю. Я должна пойти туда и обозначить свою территорию. Или еще что-нибудь, о чем ты говорила. Может быть, ты и права, но, Бев, это не в моем духе. Я не хотела играть в эти игры, когда училась в школе, и сейчас не буду. Если Юлий хочет ее, пусть возьмет.

Звук, изданный Беверли, был средним между фырканьем и смехом:

— Плохой способ отступить.

— Я не отступаю. Я не хочу бороться за то, что даже не мое.

Келли смотрела на идеальную женщину, чья рука лежала на плече Юлия. На мгновение, лишь на мгновение она подумала, что видит, как он отстраняется. Ее сердце подпрыгнуло. Затем он опустил свою руку на ее плечо в ответном жесте, и ликование Келли испарилось.

— Эй, ты в порядке? — спросил Юлий вечером после ужина.

В конце концов, Келли решила не идти вместе с компанией. Она не хотела никого видеть. Вместо этого они с Юлием заказали пиццу, в то время как Келли больше не чувствовала голода. Она уставилась на свой единственный кусочек пиццы с оливками и колбасой и не почувствовала никакого желания есть это.

— Ты была довольно тихой.

— Да, — солгала она. — Я в порядке.

Он взглянул на ее нетронутую еду:

— Хорошо. Наверное, Цезарь сегодня хорошо поест.

Пес, услышав свое имя, пришел и плюхнулся на линолеум. Звук его хвоста, размахивающего назад и вперед в прожорливом ожидании, был ясно слышен. Келли оторвала кусочек корочки и бросила ему. Она знала, что кормить собаку с собственной тарелки — не самая лучшая практика, но ничего не могла с собой поделать. По крайней мере, этот пес был счастлив.

— В субботу день рождения Призрака, мы думали сделать вечеринку.

— Сколько ему? — спросила она. Она не очень хотела говорить «да» или «нет».

Опять же, Призрак спас ее от вполне реального похищения, поэтому она, конечно же, не хотела его оскорблять.

— Девятнадцать. Будет двадцать.

Она покачала головой. Как настолько молодой человек мог нарушить закон? Она взглянула на Юлия, который много лет занимался «работой» своего отца и решила не спрашивать:

— Где вы его нашли?

— Мы не искали, — сказал Юлия. Он откусил большой кусок от своей пиццы и запил глотком пива. — Он сам нашел нас. Несколько лет назад твой отец был очень зол. Он думал, что кто-то крадет еду из магазина. Ничего такого — только чипсы и содовую.

Она оторвала еще один кусочек корки и протянула его ожидающему Цезарю:

— Это был Призрак?

— Угу. Твой пapa так рассердился, что поставил скрытую камеру. Мы все обалдели, когда увидели, как этот тощий маленький ребенок пробирается сквозь окно. Он двигался, как какой-то акробат, это было какое-то сумасшествие. Он пробрался, схватил немного еды и ушел. Он ничего не оставил, даже грязного следа.

— Он был бездомным?

— Как оказалось, да. Какой-то беглый приемный ребенок. Я не знаю. Вику он понравился, он привел его домой и вымыл. Парнишка почти никогда не разговаривает.

Она вспомнила одно предложение, которое слышала, когда он помог спасти ее:

— Да, я заметила. Думаю, Призрак — это не его имя.

— Нет, думаю, он Тейлор или Тревис или что-то похожее на ковбоя.

— Призрак подходит ему лучше.

— Он только на это имя и реагирует. Вик назвал его.

Она кивнула, взяла кусочек пиццы и чуть-чуть откусила:

— Я помню Вика, когда он был моложе. Хороший парень.

Юлий кивнул:

— Да. И верный. Именно он вытащил твоего отца к врачу, когда понял, что что-то не так.

Он доел свой кусок пиццы:

— Как насчет просмотра фильмов? Это отвлечет тебя от твоих проблем, — он указал на ее едва тронутую еду.

Так они и сделали. Было легко, так легко просто свернуться рядом с ним и раствориться в фильме. В какой-то момент она поела, а позже обнаружила, что влезла к нему под руку. Она могла почти забыть, что все это было нереальным, что все было временным.

— Думаю, я пойду спать, — Келли оттолкнулась от дивана, когда пошли титры.

Татуированная мозолистая рука обернулась вокруг запястья:

— Келли, тебе не нужно разговаривать со мной. Я имею в виду, я не собираюсь вытаскивать это из тебя или что-то в этом роде, но если что-то не так...

— Ты спиши с Сэди? — слова вырвались из рта прежде, чем она смогла остановить их. Они были глупыми, и она это знала, но она не могла остановить их.

— Что? — он отпустил ее запястье.

Она покачала головой и подняла руки в капитуляции:

— Прости. Забудь, что я сказала. Не знаю, как это получилось. Не думаю, что хорошо чувствую себя сегодня.

Он встал:

— Я почти уверен, что разъяснил, что происходит между Сэди и мной. Я сказал тебе, что не сплю с ней, и даже если мы с тобой не делали то, что мы делаем, я бы все равно с ней не спал.

— Что мы делаем, Юлий? — спросила она. — В том смысле, по-честному, что это? Я не... не думаю, что это нормально.

Он сделал шаг к ней, и даже Келли увидела, что он едва сдерживает себя:

— Что в этом ненормального?

— Я хочу, чтобы ты прикасался ко мне. Я хочу касаться тебя.

— Достаточно нормально.

Она покачала головой достаточно сильно, чтобы она закружила:

— Черт возьми, если это так. Я касалась парней. Они касались меня. Время от времени все было в порядке, но это... это не так. Я просыпаюсь, и первое, что я ищу, — это ты. Я целую тебя, и как будто дышу в первый раз. И когда ты внутри меня, я чувствую себя живой. Просто... это просто смешно.

Он схватил ее и притянул к себе. Она уткнулась ему в грудь, окруженная его запахом. Она позволила себе утонуть в этом.

— Я не знаю, что делать.

Он положил руку ей на подбородок и поднял лицо. Его поцелуй был похож на крылья бабочки на губах. Язык скользнул по ее нижней губе, лаская так легко, с предложением, чтобы его впустили. Она поприветствовала это.

Ее руки скользнули по его шее, когда она поднялась на цыпочки. Ей хватило лишь почувствовать его пресс, чтобы ее кровь загудела от напряжения.

— Отнеси меня в кровать, — прошептала она.

Он подхватил ее и, вместо того чтобы отнести в ее комнату, пошел направо и отнес в свою.

Она была похожа на богиню, которая потерялась по дороге к чему-то важному и приземлилась в его постели. Ее золотистые волосы сияли на темно-синей подушке. Одеяла сбились вокруг нее.

— Прикоснись ко мне, Юлий, — умоляла она, открывая свои руки.

Боже, он собирался, он все время прикасался к ней, что она позволяла ему. Ее джинсы были лучше, чем все дорогие трусики, которые могли продаваться в дорогих магазинах.

Сегодня на ней был простой белый хлопок, и это сводило его с ума. Он видел все виды женщин во всех видах одежды, но ничто не сводило его с ума, как Келли в белых хлопковых трусиках.

Он понял, что Келли была права: это было смешно. Сумасшествие. Ее запах, когда он скользил по ее бедрам, делал его диким. Он не знал, хотел ли он владеть ей или перевернуть, чтобы она владела им. Правда, вероятно, была где-то посередине.

Было легко стянуть ее футболку. В какой-то момент она сняла свой бюстгальтер, и его взгляд опустился на мягкость ее грудей. Он знал, что погиб.

Она откинулась на матрас и раскинула руки, словно делая снежного ангела. Ее длинные ноги были вытянуты, демонстрируя изгибы. Красивые изгибы.

Он наклонился и поцеловал ее в колено, пробуя там кожу.

— У тебя отличные ноги для девчонки-ботанки.

Она закатила глаза и ткнула его в плечо большим пальцем:

— Как, по-твоему, они должны выглядеть?

Он провел языком по внутренней части ее бедра и почувствовал, как она дернулась:

— Не знаю, — признался он. — Но я знаю, что на вкус они должны быть как ты.

Он позволил себе потеряться, ощущая ее губами. Сливочный атлас ее бедер, мягкость живота. Он не торопился, когда дошел до полной налитой груди и втянул ртом напряженный сосок.

Девушка издала сладчайший звук. Ему никогда не приходилось задаваться вопросом, наслаждалась ли она собой. Это были все дышащие стоны и голодные вздохи. Каждый раз, когда он касался ее, она краснела, приветствуя его. У него никогда не было женщины, которая так бы охотно отвечала ему.

Скользнув в нее, он понял, что пропал.

Когда она заснула, свернувшись в защитной позе вокруг счастливой собаки, Юлий решил, что ему нужно что-то делать.

— Я буду там через минуту, — проговорил он в свой телефон.

— Кто это был?

— Сэди, — солгал он.

— О, ты собираешься встретиться с ней? — Келли скрестила руки под грудью. Он собирался разозлить ее. Он привык к тому, как она могла взрываться на людях. Как пламя. Вместо этого ее голос казался мягким, почти сломанным.

— Да, я имею в виду, ты же закончила со мной, верно?

— Что?

Он пожал плечами в своем кожаном жилете, сегодня он был тяжелее, чем должен:

— Ну, ты сказала, что это просто для расслабления. Мне кажется, ты достаточно расслаблена.

— Ты шутишь? — спросила она. — Я имею в виду, да, я сказала это...

— И ты же говоришь то, что думаешь, не так ли? Это то, что ты мне сказала. Ты не играешь в такие игры. Ты была в этом уверена.

— Это так несправедливо. Мы... Я думала...

— Думала, что? — его голос звучал низко и ровно. Он видел, как каждое его слово ранило ее, ударяло. Что-то внутри него сломалось. — Ты думала, что это было чем-то особенным? Что ты была особенной? Келли, я не собираюсь лгать. Ты горячая, и ты была сладким медом, но не более того.

— Лжец! — она отбросила лопатку, которой переворачивала яйца на сковороде. — Ты лжец. Я не тупая. Я знаю, что это не было... то, что произошло, было... другим.

Он рассмеялся, и даже для него это прозвучало жестоко:

— Другим? Пожалуйста. Ты была милой, но немного... Не знаю... наивной.

— Наивной? — спросила она. — Что? Это было не на одну ночь, Юлий. Это длилось несколько недель. Это было нечто другое. Не знаю, что ты делаешь здесь. Не знаю, может, ты так чертовски боишься отношений, что уходишь. Не так ли? Ты специально сейчас жесток со мной.

— Я достаточно умен для этого?

— Да, — отрезала она, оттолкнув его и направляясь в свою комнату. Она не проводила здесь много времени с момента их первой ночи вместе. Боже, он жил с ней, действительно жил с ней. — Ты отлично манипулируешь людьми, и ты пытаешься манипулировать мной. Прямо здесь и сейчас.

— Куда ты идешь?

— Какая тебе разница? — спросила она. — Если ты с Сэди, то между нами все кончено, так? Неважно, куда я иду. Тебе же все равно, правильно?

— Я должен тебя защищать.

— Тогда почему ты причиняешь мне боль?

Она открыла один из своих ящиков и свалила содержимое в сумку. Это был не ее обычный аккуратный способ упаковки вещей.

— Зачем ты это делаешь?

Ее плечи тряслись. Он хотел подойти к ней, и это разозлило его. Ей нужно было понять, что это было несерьезно, это было временным. Келли заслуживает большего.

— Я сказал тебе, чем это было, с первого дня я говорил тебе. Я не виноват, что ты увлеклась.

— Я не просто увлеклась, Юлий. Я люблю тебя.

— Что?

Она повернулась к нему. Ее глаза остекленели:

— Ты слышал меня, черт тебя бери. Я люблю тебя. Я не знаю, когда это началось или как, или даже почему, но я люблю тебя. Люблю, как ты ведешь людей, как держишь их всех на расстоянии вытянутой руки, но ты там, если они тебе нужны. Мне нравится, что ты заботился о моем отце. Мне нравится, что ты назвал свою уродливую собаку Цезарем. Я обожаю в тебе так много всего, и ты — идиот, проклятый идиот, если притворяешься, что у тебя нет чувств ко мне.

Он ничего не мог сказать, поэтому он этого не сделал. Его горло сжалось, кожа была слишком горячей. Все чесалось, как будто ложь заражала его. Он сжал кулаки и ждал, когда это пройдет. Она продолжала неотрывно смотреть на него, эта маленькая женщина, наполненная такой страстью. Она была опьяняющей.

— Я иду к Сэди. Я собираюсь ее трахнуть. Если ты скажешь, что любишь меня после этого, тогда я не идиот.

Он повернулся от нее и ушел. Последнее, что он услышал, было отчаянное рыдание, но оно не заглушило звук его собственного раненого сердца.

Глава 12

— Что он сказал? — Беверли подала Келли другой бокал вина. Это была темная жидкость, слегка пахнущая яблоками или специями, или как что-то слегка греховное. Келли сделала большой глоток, позволив аромату задержаться на ее языке. Вкус вина соответствовал гостиной Беверли. Пространство было украшено богатым темным деревом и изысканными произведениями искусства. Казалось, что это одновременно и соответствует ее другу, и нет.

— До или после того, как он сказал, что собирается переспать с Сэди? — Келли свернулась на пышном диване. Удобная подушка была прижата к ее спине. Ноги прикрывала мягкое одеяло. Все вокруг дарило комфорт, но внутри все было разбито.

Мягкий звон обручального кольца Беверли о бокал привлек внимание Келли к ее собственному обнаженному пальцу. Она мягко вздохнула. Возможно, это была какая-то глупая фантазия, мечта, которую она никогда не собиралась понимать.

— Ох, дорогая, — Беверли потянулась через пространство между ними и схватила руку Келли. — Это отстой, — волосы Беверли были накрученены на бигуди. Влажные локоны пахли каким-то химическим веществом, которое она использовала, когда она хотела придать своим волосам сексуальности. Это был не плохой запах, но он был слишком сильным.

— Ты куда-то собирались? — спросила Келли, сделав еще один глоток вина.

— Мы с Майклом собирались попытаться пойти на свидание.

Келли неожиданно почувствовала укол вины:

— Боже, мне так жаль, Беверли. Я сейчас уйду. Я не должна была... Я только...

— Сейчас ты сидишь здесь, — скомандовала Беверли. Ее большие глаза были полны беспокойства. Это почти сломало сердце Келли. — Мы с Майклом позаботимся о тебе, Келли. Ты знаешь это.

— Я знаю, но...

— Я буду звучать как моя мать, сказав «никаких но», но я все равно скажу. Никаких но. У моего друга дерзкий день, и если это означает, что я должна отложить свидание, чтобы помочь ей почувствовать себя немного лучше, то я это сделаю.

— Я не заслуживаю тебя, — улыбнулась Келли.

— Ну, как бы я ни хотела обвинить тебя в этом, тот парень, на которого ты зла, начал все это.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, он позвонил примерно за десять минут до того, как это сделала ты, и сказал Майклу встретиться с ним в «Наследии».

Келли почувствовала, как ее сердце сжалось. Он не пошел к Сэди? Или он собирался пойти к ней позже? Или нет? Почему тогда он был таким злым?

— Не понимаю, — Келли посмотрела в свой бокал. Ее угрюмое лицо отражалось в нем. Была ли она такой ужасной женщиной, раз такой человек, как он, намеренно будет так себя вести, потому что ему больше не нужно было ее видеть?

— Не понимаешь? — спросила она мягко. Ее голос был наполнен материнской заботой. — Он отталкивает тебя.

— Я уже поняла, спасибо.

— Не потому, что ему все равно, сладенькая. Ему ой как не все равно, — Беверли сделала еще один глоток, а затем отставила бокал. — Он так себя ведет, потому что боится случайно все это разрушить.

— И что? Он делает это нарочно.

— Да, — засмеялась Беверли. — Он такой парень, который любит контролировать почти все.

— Обычно да, — признала Келли. Она вспомнила пару моментов. — Он не должен всегда все держать под контролем.

Беверли издала похотливый звук:

— Да неужели? Расскажи.

— Не хочу говорить об этом сейчас.

Беверли пожала плечами:

— Давай. Это помогает.

Келли закатила глаза. Это звучало как самая большая куча... ну... что она когда-либо слышала:

— Разговор о сексе как-то должен помочь?

— Ты ничего не знаешь о расставаниях, не так ли?

Келли моргнула. Это правда. Она понятия не имела. Ближе всех к ней был Майкл, но их отношения были неловкими с самого начала. Это было благословение, когда все закончилось. После него было несколько коротких свиданий, но школа всегда была на первом месте, и ничего даже не начиналось, не говоря уже о разрывах.

— Боже, — ахнула Келли. Злость, грусть и страх взыграли у нее в груди. Ее рука начала дрожать. — Я никогда не делала этого. Я никогда не был в настоящих отношениях. Это не могло... сначала это должно было случиться, и тогда все получилось бы... о, Боже.

Дрожь усилилась. Капли вина выплеснулись из бокала. Беверли взяла бокал из ее рук. Келли подтащила одеяло на грудь. Оно грело, но не приносило никакого комфорта. Она так сильно зажала край, что ее пальцы стали белыми.

— Он порвал со мной.

Беверли обняла ее и потянула Келли вниз, пока ее голова не опустилась на ее колени. С нежной материнской заботой Беверли высвободила золотые волосы из конского хвоста, перебирая локоны. Она провела пальцами по волосам Келли и осторожно погладила ее. Эта доброта сломала Келли. Она заплакала. Ее слезы были солеными и горячими. Они лились из ее глаз по щекам так быстро, что почти причиняли боль. Она сжалась в клубок.

— Все в порядке, все хорошо, — успокаивала Беверли.

— Это не так, — всхлипнула Келли, — это совсем не хорошо!

— Будет. Обещаю.

Келли не поверила ей. Она хотела. Приятно было думать, что через некоторое количество времени и с небольшим усилием она почувствует себя лучше. Казалось, что это невозможно. Казалось, что ее сердце разбивается на сотню осколков, каждый из которых меньше последнего. Все болело.

— Это больно, — прошептала она, не зная, говорила ли она это Беверли или себе.

— Знаю.

Раздался детский плач. Келли села.

— Оставайся здесь. Я скоро вернусь.

Келли подтянула ноги на диван и положила голову на руку. Ее кости казались слишком тяжелыми, как будто она вдруг стала слишком тяжелой, чтобы сесть самостоятельно. Когда Беверли вернулась, она держала маленькую девочку. Лицо ребенка было красным от тяжелого пробуждения.

— О, божечки, посмотрите на этой сонное лицо, — Келли грустно улыбнулась, когда ребенок плюхнулся на плечо матери.

— Хочешь подержать ее? — спросила Беверли.

Келли подумала об этом. Ей нравились дети, хотя она и не была особенно близка с ними. У нее не было брата и сестры. Не было детей, блюжающих по кампусу колледжа. Тем не менее, идея подержать что-то настолько маленькое заставила ее чувствовать себя немного лучше.

— Да, да, хочу, — Келли протянулась. Беверли нежно положила ребенка на ее руки. Малышка была тяжелее, чем она могла бы подумать.

Ребенок посмотрел на нее, в темных ясных, как у матери, глазах, уже не было сонливости. В ней определенно было что-то от Майкла: нос-пуговка и то, как торчали маленькие ушки.

— Вот и мы, — сказала Беверли.

Келли почувствовала маленькую улыбку, коснувшуюся ее губ.

— Ты всегда знала, что хочешь стать матерью?

Беверли пожала плечами:

— Не совсем. Я думала, что если забеременею, то хорошо. Если нет, то это тоже хорошо, — была короткая пауза, прежде чем Беверли спросила: — Ты хочешь быть матерью?

— Да, — ответила Келли просто. — Я знаю, мы немного об этом говорили, но у меня никогда не было матери, у меня никогда не было братьев и сестер. Я всегда хотела «американскую мечту»: дом с белым заборчиком вокруг, двоих детей, собаку, уважаемую работу, которую я бы выполняла между тем, как отвезти детей на футбол и забрать с него.

— Ничего плохого в этом нет, — Беверли встала и наполнила бокалы. Она вложила один в руку Келли.

— В социальном плане, в этом все не так, — Келли сделала глоток и поправила ребенка, чтобы он лежал на коленях, а не на руке. — В прошлом году было беспрецедентное количество женщин, направлявшихся в отделение неотложной помощи из-за сердечных приступов, потому что они так сильно напрягались из-за «иметь все это».

Беверли рассмеялась:

— Милая, если ты когда-нибудь обратишься в скорую, то это определенно будет из-за стресса.

Келли рассмеялась, и, в целом, она успокоилась. Ей стало легче.

— Так, что ты собираешься делать? — спросила Беверли.

— Ну, если мы говорим о сейчас, то я планирую осушить этот бокал и убаюкать малышку, — Келли подняла бокал и весело чокнулась с Беверли.

— А потом? — Беверли провела пальцем по мягкой ноге малышки.

— Потом я останусь в доме отца на пару ночей и придумаю что-нибудь еще.

— Ты идиот, — Чарли наклонился над баром «Наследия», разливая пиво с прекрасным слоем пенки сверху. — Первоклассный идиот.

— Люди продолжают называть меня так, и это чертовски раздражает, — Юлий взял пиво и выпил. Было не так вкусно, как должно было быть. В ту ночь после стейк-хауса она пробовала пиво. Она расprobовала пиво и дикость, и даже тогда она не сказала ему. Это что-то значило для него, но он точно не знал, что именно. — Почему я идиот?

— Ты позволил ей уйти, — Кен скользнул в кресло рядом с ним. Он пожал плечами.
— Нет, ты оттолкнул ее, сломал.

— Как ты вообще узнал? — спросил Юлий.

— Беверли, — предложил Майкл, наливая себе пиво. — Келли звонила ей. Ты знаешь женщин.

— Я знаю женщин, — сказал Вик. — У меня было четыре жены. Я многое знаю о женщинах. Доверься мне. Ты сделал все правильно, лучшее, что мог, — он поднял свой напиток в приветственном жесте, несколько капель янтарной жидкости потекли по его запястью.

— Дерьмо, — Юлий стукнул стаканом, теперь наполовину пустым, по столу. Жидкость выплеснулась за край на барную стойку. — Почему мы должны говорить обо всех этих вещах?

— Это то, что делают женщины. Почему бы тебе не попробовать? — предложил Кен. Он протер тряпкой стойку и бросил ее обратно в мойку. — Это имеет терапевтический эффект.

— К черту это, — вмешался Вик, так сильно тряся головой, что его жесткая борода рассекала воздух. — Напейся, купи себе компанию, похорони себя в каких-нибудь действительно больших... — он протянул руки к своей груди и изобразил невидимую женскую грудь.

Другие смеялись или, в случае с Призраком, ничего не говорили. Юлий взял свой напиток. Он пытался задуматься о том, чтобы найти другую женщину, но все, что он мог представить, это Келли, распростертую на простынях, как приношение, ее руки, поднятые в восторженной капитуляции.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал? Она подобралась слишком близко, — он покачал головой. — Я говорил ей не делать этого.

— С каких пор женщины прислушиваются к тому, что им говорят? — спросил Вик.

— Они не слушают только тебя, — Чарли хлопнул его по спине. — Никто не слушает, когда ты говоришь, старик.

Вик пожал плечами и снова выпил.

Чарли подошел к бару, его большие ботинки топали, когда он пробирался через винные бочки. На мгновение Юлий восхитился тем, что Чарли был здесь самым высоким. Вик — старшим, ему было почти шестьдесят, но он все еще мог ездить на байке. Он пришел в клуб поздно. Где-то после того, как он потерял первую жену, и до того, как обнаружил, что младший Вик бродил, как потеряянная собака, ища стаю.

Чарли, однако, был здесь еще до того, как появился Райли. Патч на пиджаке говорил, что он «Основатель» и отмечал его как одного из первых членов клуба. Райли принадлежал ко Второму поколению. Было время, может быть, двадцать лет назад, когда Чарли мог стать Президентом, но он этого не хотел. Ему нравилось быть секретарем, следящим за всем. Это был способ Чарли помнить.

— Я знаю эту девчонку с ее рождения. Черт, ее мама и моя жена вместе взяли эти курсы Ламазе (*Прим. Дыхательные и расслабляющие методики Ламаза для подготовки к родам*). Она почти никогда не плакала, ты знал? И не пищала. Врачи сначала волновались, опасаясь, что с ней может быть что-то неладно, — Чарли жестом указал на голову. Барный стул издал звук, когда он устроился на нем.

— У нее все в порядке с головой, — фыркнул Кен.

Чарли кивнул в знак согласия:

— Черт побери, да. Умна как черт.

— Она заслуживает лучшего, — категорично заявил Юлий.

Майкл кивнул:

— У нее были мечты. Она с детства мечтала о хорошей жизни подальше от всего этого, — он обвел рукой клуб, пока драматический жест не указал на длинный гобелен с изображением «Адских гончих», который висел за стойкой.

Чарли закатил глаза:

— Вы, идиоты, не знаете деръма.

— Не стесняйся, Чарли. Расскажи нам, что ты чувствуешь, — Кен протянул другому мужчине еще один напиток.

Больше смеха и больше ликера. Всегда было больше ликера. Кто-то вытащил ведерко с арахисом.

— Итак, все согласны с тем, что Келли умна, — все согласились. Чарли кивнул головой и вскрыл арахис. Скорлупа упала на стойку бара. — Хорошо, тогда почему, черт возьми, ты не считаешь, что она достаточно умна, чтобы решить, с кем она хочет быть?

В комнате наступила тишина, звонкая и давящая. Единственный звук издавал Призрак, подметающий шелуху арахиса с пола.

— Барби, — сказал Кен через мгновение.

— Что? — спросил Юлий. — С ума сошел, Кен?

— Барби. Ну, Барбара. Это иронично, но это работает. Ее звали Барбара Лоуренс, и она была всем, — он встал и открыл крышку мусорного ведра для Призрака. — Она выглядела так, как должна выглядеть Барби: с длинными ногами и светлыми волосами, и с таким бюстом, который Вик бы оценил.

— О, да, — вздохнул Вик. — Благослови Бог отличные бюсты.

— Аминь, брат, — Чарли крепко чокнулся бокалом с Виком.

— Правда, — сказал Кен, задумчиво вздохнув. — Более того, она была богатой наследницей. У нас были планы. Мы собирались отправиться в Африку и спасти мир. Мечты Брэда и Анджелины. Мы были молоды, она была совершенна. Но я, как и многие двадцатилетние мальчики, был глуп.

— Что ты сделал? — спросил Юлий от любопытства.

— Возможно, я взял шикарную брюнетку в кровать, находясь под влиянием щедрого Джима Бима (*Прим. Jim Beam — наиболее продаваемый по всему миру бренд бурбона*), — Кен наклонил голову.

— Ты сравниваешь, как вставил свой член в брюнетку с глупостью Юлия?

— Да, — сказал Кен, — и вот почему. В жизни каждого из нас есть такая Барби.

— Хотелось бы, — пробормотал Вик.

— У всех нас есть Барби, — продолжал Кен. — Эта женщина очень хорошо могла бы обозначить разницу между тем, кто мы есть, и кем мы могли бы быть.

Наступила тишина. Юлий мог только догадываться, что все они думают о собственной Барби. Для него это была Келли? Может ли она быть разницей между тем, кем он был, и кем он мог быть? Он подумал о том, как она улыбалась ему и как чувствовала себя на его плече. Она была хорошей женщиной, хорошим человеком.

Дверь открылась, и остальная часть клуба ввалилась в бар. Юлий прочистил горло и допил свое пиво.

— Хорошо, мужики, занимайте места, — он позволил своему голосу наполнить пространство, — Призрак и Майкл проделали хорошую работу. У нас есть карта комплекса Каина.

Майкл взял большую трубку рулонной бумаги. Резким движением он раскрыл ее и положил на бильярдный стол, как скатерть. Это был план с несколькими большими пустыми неотображаемыми областями, в основном, внутри.

— Итак, Каин вложил большую часть своих денег с наркотиков в свой дом. Это как мексиканская вилла на вершине большой горы. Они просто ждут, что кто-то достаточно глупый нападет на нее. Вилла оснащена воротами, сторожевыми собаками и всем тем, что сможет это нападение сдержать.

— И аллея в парке, — фыркнул Вик.

— Да, — сказал Юлий. — Но Призрак кое-что нашел.

Все глаза устремились к тощему бледному парню. Он стоял там, как статуя, позволяя им посмотреть на него, прежде чем он продолжил подметать пол.

— Задний ход, — продолжил Майкл. Он достал вторую карту, географическую, которая показывала возвышенности. Маркером был выделен путь. — Старая фермерская дорога, она была почти забыта, как федеральная автострада, отчасти потому, что частично разрушилась. Большую часть пути мы можем преодолеть на байках, но потом будет довольно приличный отрезок дороги до места обитания Каина.

— Каин не ожидает, что кто-нибудь придет с этой стороны, не так ли?

— Нет, — сказал Майкл. — Он думает, что южная сторона его маленького комплекса совершенно безопасна. Это очень впечатляет, и это будет нелегко.

— Мальчик, — рассмеялся Вик, — мы и не подписывались на простые вещи. Теперь, что ты хочешь сделать?

— Ну, провести голосование в клубе. Каин специально нацелился на Келли и Райли, прежде чем он умер, поэтому мы полагаем, что лучше всего нанести один удар. Мы изымаем Каина, мы изымаем его кусок деръма в лице брата и позволяем остальной части его маленькой банды уничтожить себя.

— Мы не боимся мести? — спросил Кен.

— Это личное. Большинство картелей знает, что с нами лучше сотрудничать, а не наоборот. «Адские гончие» обеспечивают хорошую защиту и хороший транспорт. Они не хотят вызывать волны там, где они не нужны. Это не банда против банды, а человек против человека.

— Хорошо, так что, мы отправляем наших лучших снайперов? Это будешь ты и, может быть, Призрак.

— Хорошо, так мы собираемся... о. Какого черта? — Чарли сделал паузу. Его глаза сузились, и он потянулся за спину. Когда он вернул руку, его пальцы были покрыты кровью. Его лицо побледнело. Возрастные пятна на его руках выделялись, как пятна кофе на бумаге для копирования. — Вот деръмо.

— Папа? — Майкл привстал, и его отец упал на землю. — Папа!

Все произошло быстро. Дверь распахнулась, и четыре человека ворвались в бар и разрядили автоматы. Пули посыпались вокруг них. «Адские гончие» потянулись за своими пушками. Это было замечательно, но бессмысленно.

В этой первой волне под дождем из пуль тела рухнули на пол. Юлий не мог следить за тем, кто упал, а кто сражался. Все, что он мог чувствовать, это кровь и запах пороха.

Его первая мысль была о Келли. Она в порядке? Или уже у Каина? В момент колебания пуля задела его плечо. Боль, резкая и горячая, запульсировала в его бедре.

— Пригнись! — крикнул ему кто-то.

Юлий укрылся за тяжелым деревянным бильярдным столом. Кусочки дуба и зеленого бархата наполнили воздух. Звук криков людей был вторым после оглушительной стрельбы. Инстинктивно Юлий потянулся за своим оружием. Холодный тяжелый вес придал ему сил.

Лучше бы у него была винтовка. Он был хорош с винтовкой. Это была единственная хорошая вещь, которую сделал для него отец. На мгновение все, о чем он мог думать, была пuma, греющаяся на солнце на вершине горы, ее большие глаза медленно моргали.

Он повернулся, ударившись плечом о землю. Он попытался не думать о том, что под его плечом была лужа темной крови, когда нацелил пистолет и выстрелил. Первая пуля не была предназначена для одного из стрелков, это было для люминесцентных ламп над ними. Вторая — для окон. Стрелки вздрогнули, когда вокруг них упали осколки стекла. Не так много, но этого было достаточно, чтобы его люди могли ответить.

Он сделал еще один выстрел. Пистолет дернулся, и он увидел, как на рубашке одного из мужчин расцветает кровь. Его глаза широко раскрылись за солнцезащитными очками. Он снова выстрелил, и голова мужчины откинулась назад.

Дикие ругательства привлекли внимание Юлия. Он посмотрел влево. Вику удалось зайти за бар, где было все оружие. Его огромные руки подняли двуствольный дробовик. Кровь текла по одной стороне его лица и сверкала в серой полоске бороды. Контрольный

звук спускового крючка, казалось, отражался через шум. Вспышка была похожа на фейерверк. Выстрел потряс комнату, и в ушах Юлия начало звенеть.

Второй стрелок отлетел назад. Вик снова выстрелил. Тело еще одного нападавшего плюхнулось назад. Сам Вик чуть не дернулся отдачи выстрелов, но его рука задержалась на спусковом крючке, и новая волна пуль разрезала воздух.

Еще больше стекол разбилось, когда пушка мертвеца уничтожила барную стойку. Тяжелый аромат алкоголя смешался с мускусом огня и смерти. Тело Вика упало. Кровь пробивалась сквозь воздух, окрашивая бар.

Дробовик продолжал стрелять, пока не закончились пули. Это продолжалось не более нескольких секунд, но казалось, что вечность. Юлий не был уверен, что он выживет, что любой из них выживет, но все, о чем он мог думать, это о Келли.

Она будет скорбеть? Будет ли плакать на его похоронах, как плакала на похоронах отца? Нет, вероятно, нет. Скорее, она плюнет на его гроб за все те вещи, которые он сказал ей. Чарли был прав. Юлий был идиотом из-за того, что оттолкнул ее. Он больше никогда не найдет кого-то, похожего на нее. Каин доберется до нее.

Эта мысль потрясла его. Бильярдный стол рухнул, и рядом с ним покатились шары. Их холодное прикосновение к его руке ощущалось нереальным. Может ли быть холодно в жару битвы?

— Отец! Папа!

Голос Майкла был первым, что услышал Юлий, когда перестало звенеть в ушах. Майкл нырнул рядом с телом Чарли.

Существовала огромная разница в том, мертвое ли тело неподвижно лежало на земле или же живое. Мертвое тело было расслабленно, спокойно. Когда кто-то был мертв, действительно мертв, ничего не было. Ничего, чтобы удерживало каждый дюйм плоти в напряжении.

Юлию не надо было проверять, чтобы убедиться в том, что Чарли мертв. Он был не единственным. Не многие выжили после первого залпа пуль. Еще меньше увидели конец. Вик был обнаружен в луже ликера и крови. Его лицо было серым, глаза закатились, став белыми.

— Дерьмо, — выругался Юлий. — Кен.

Казалось неправильным найти Кена, прижатого спиной к стене с парой пистолетов в руках. Чарли и Вик прожили свое время и уже давно считали, что жизнь скоро потребует свое. Кен — другое дело. Он был бизнес-мальчиком, играющим в преступления. Юлий всегда полагал, что он поползет обратно к своему богатому папе или этой наследнице.

Его живот представлял собой кровавое месиво из пуль, крови и внутренностей. Юлий помнил достаточно об охоте, чтобы знать, что это не хорошая смерть. Она была долгой и затяжной, когда собственная желчь медленно отравляла человека.

— Юлий, — прокашлял Кен. Кровь брызнула ему на губы. — Мы сделали их?

Юлий оглянулся через плечо:

— Да, дружище, сделали.

Кен протянул руку. Юлий взял ее. Рука была сильнее, чем он ожидал. Под слоем крови не было даже мозолей.

— Хорошо, — кивнул он. — Отлично.

Он поднял плечо. Ружье в другой руке коснулось земли. Он полез в куртку и достал кошелек. Потребовалось больше усилий, чтобы открыть его и вытряхнуть изображение из кармана. Это была женщина, и Юлию не нужно было подсказок, чтобы понять, что это Барби.

— Ее адрес находится на обратной стороне. Отправь ей письмо для меня. Скажи ей, что я сожалею и прошу прощения за все.

Юлий не мог говорить. У него в горле встал ком. Он просто кивнул и засунул фото в карман:

— Я сделаю это.

— Не отпускай ее, — сказал Кен. — Не смей.

Они оба знали, что на этот раз Кен говорил не о Барби.

Его лицо мальчика с обложки GQ замерло. Серый оттенок начал расползаться по его шее. Он снова кашлянул. Его живот дернулся от движения, и Кен затрясся.

— Мне нужно, чтобы ты оказал мне еще одну услугу.

— Ты много просишь, — Юлий попытался сохранить свой голос веселым. Это не сработало.

— Выстрели в меня.

Сначала Юлий подумал, что Кен шутит. Только когда друг не начал смеяться, он понял, что Кен серьезно.

— О, мужик, — Юлий опустил глаза. — Я не...

— Что ты собираешься делать, босс? — спросил он, слегка указывая на живот. — Отвезешь меня в больницу?

— Возможно, они бы...

Кен испустил смешок, лишенный юмора. Было только осознание.

— Если ты этого не сделаешь, сделаю я, и никто не захочет видеть это.

Кен подтолкнул одно из своих орудий в руку Юлию. Он ощущался тяжелее, чем должен был, как будто он был сделан из чего-то еще, кроме металла.

— Только не в лицо, — Кен ухмыльнулся.

— Как скажешь, красавчик.

Он провел пальцем по спусковому крючку и указал на сердце Кена. Его рука слегка дрогнула, когда он сделал выстрел. Кен внезапно вздрогнул, почти опрокинувшись на землю. Его рука сжала руку Юлия. Он почувствовал, как его кости сжались вместе, когда смертельный спазм пронзил тело Кена. Затем Кен упал на землю. Его ноги дрожали, когда его тело изо всех сил пыталось оставаться в живых на несколько секунд дольше.

Юлий не знал, как долго смотрел на мертвое тело Кена, когда бледная рука охватила его плечо. Очень много крови было на рубашке Призрака, но, как мог видеть Юлий, она не принадлежала мальчишке. Он молча стоял. Идеальный солдат, ждущий приказа.

— Кто выжил? — спросил Юлий.

— Майкл, — сказал тот, — и я.

Двадцать минут назад в этой комнате было пятнадцать человек. Пятнадцать мужчин, с которыми Юлий смеялся, пил и разговаривал. Теперь большинство из них были мертвы.

Юлий вытащил свой телефон. Батарея мигала красным. Он сунул его обратно в карман.

— Майкл, позвони Келли. Узнай, все ли с ней в порядке, — Юлий встал. — Призрак, достань все оружие, которое сможешь, и заполни грузовик. Нам нужно как можно скорее выбраться отсюда. Скоро будут полицейские, и нам нужно уходить.

Двое из них подпрыгнули, чтобы выполнить приказ. Юлий мучился, пытаясь решить, что делать дальше. Первая мысль, которая возникла у него в голове, была простой и жестокой. Он хотел убить Каина. Он хотел взорвать этот маленький особняк в горах на куски и заставить Каина пройти сквозь тела и кровь людей, которым он доверял больше всего. Это была не очень хорошая мысль, но именно это заставляло его дышать.

Через несколько минут вернулся Майкл:

— Келли не берет трубку. Я связался с Беверли. Видимо, она поехала в дом отца.

— Почему? — спросил Юлий. — Зачем она туда поехала?

Майкл не мог встретиться глазами с Юлием:

— Она сказала, что вы поссорились, что ей нужно какое-то место, чтобы разобраться. Беверли сейчас пытается связаться с ней.

— Каин следит за этим местом, — сказал Призрак.

— Она знает об этом? — спросил Майкл.

Юлий почувствовал, как через него проходит волна холодной ненависти, когда он произнес:

— Нет.

Глава 13

Покинув дом Беверли, Келли остановилась у Юлия, чтобы собрать вещи, которые могли ей понадобиться. Она забрала собаку с собой. Отчасти она сделала это, потому что не знала, надолго ли ушел Юлий, отчасти — она просто ощущала себя мелочкой. Цезарь был прекрасной собакой, и он заслуживал лучшего отношения. Юлий понятия не имел, как заботиться о ком-то. Было ужасно оставлять собаку в жизни такого приурка.

— Пошли, здоровяк, — сказала она, закрывая дверь в дом своего отца. Звук эхом отражался в гостиной. В одной руке у нее была продуктовая сумка, а в другой — поводок. Она отпустила поводок.

— Давай покормим тебя.

В доме кто-то убрался. Здесь больше не пахло сигаретами и больницей. Он пах лимонами и аммиаком. Цезаря это раздражало, и он сопел, обнюхивая ковер, ища место, которое пахло, как он. Его поводок тянулся за ним, как толстая лента темно-красного цвета.

Келли позволила ему все исследовать и направилась на кухню. Она поставила большой бумажный пакет на кухонную стойку и открыла холодильник. Он был полностью очищен. На самой нижней полке не было даже кольца, где ее отец держал свое любимое пиво. По какой-то причине это казалось неправильным. Она закрыла дверь. Дом теперь принадлежит ей, а не отцу. Она могла продать его или передать. Что угодно. Но в данный момент, все, что она хотела сделать, это поужинать и лечь спать. Ее глаза болели от слез.

Не то чтобы Юлий заслуживал ее слез. О нет. У нее была уйма причин для них. Сломанный ноготь стоил больше слез, чем этот мудак.

Зазвонил телефон. Она посмотрела и увидела, что это Беверли.

— Эй, детка.

— Привет, умница, ты добралась до дома отца?

— Я только зашла. И не разбила свою машину. Я же сказала, что не разбью. Всего два бокала вина, — Келли сделала паузу. — Подожди, если я умница, то ты...?

— Красотка, конечно, — подразнила Беверли.

Келли ухмыльнулась. Было приятно улыбаться:

— Вот как, благодарю.

— Ты захватила кучу ужасных неполезных вещей, чтобы поесть?

Келли вытащила продукты из сумки на стойку:

— У меня есть коробка конфет, мороженое с шоколадной стружкой и мятое, пиво и несколько замороженных пицц.

— О, здорово.

— Еще я остановилась в прокате и взяла парочку фильмов.

Она вытащила еще одну коробку из сумки, но не потрудилась передать ее содержимое. Были некоторые вещи, о которых Беверли действительно не нужно было знать.

— Девчачьи?

Келли фыркнула:

— Я взяла «Техасская резня бензопилой», ремейк, конечно. «Заклятие». И что-то, что называется «Девушки-вампиры». Надеюсь, последний будет действительно ужасным.

— Ужастики? — Беверли была в замешательстве. — Ты взяла кучу ужастиков?

Келли начала разогревать духовку:

— Да, они заставляют меня чувствовать себя лучше.

Вся жизнь ее отца была упакована в картонные коробки и контейнеры, достаточно большие, что поместить тело. Кто-то, вероятно, Беверли, оставил крышки открытыми, чтобы Келли могла пройти через воспоминания и решить, какие из них она хочет сохранить, а какие отнести в магазин благотворительности. Она раскрыла одну из них в поисках стакана.

— Сладкая, это странно.

Келли рассмеялась:

— Почему? Потому что я предпочитаю увидеть, как кучку идиотов рубят на куски, чем смотреть, как какой-то симпатичный мальчик лжет о том, что влюблен в красивую девушку?

Беверли замолчала на мгновение:

— Хорошо, у тебя может быть своя точка зрения.

— Кроме того, не похоже на то, что у меня нет большой сторожевой собаки для компании, — Келли плюхнула стакан на стойку, наполнила его льдом из автоматического дозатора и налила содержимое коричневой бутылки в кружку.

— Святое дермо, ты забрала Цезаря?

Келли посмотрела в коробки, которые стояли на столе в столовой. Через мгновение она нашла противень. Он была почти таким же старым, как и она. В одном углу было одно черное пятно от подгоревшего арахисового масла. Она сделала его еще в детстве, готовя кушать. Келли провела пальцем по нему:

— Я его не брала. Я за ним присматриваю. Я отвезу его обратно, когда узнаю, что Юлий перестал быть мудаком.

— Мудаком? В самом деле? Дорогая, я знаю, что ты умеешь проклинать лучше в своей жизни.

— Он не заслуживает лучшего, — прорычала Келли. Цезарь взглянул на нее.

— Bay, он действительно разозлил тебя, — в голосе Беверли звучало сочувствие. — Я знаю, что ты заботишься о нем.

— Я люблю его. Черт, я не имела в виду, что люблю его. Я просто...

— Я знаю. Что собираешься делать с этим?

Келли подняла коробку и уставилась на нее:

— Я не знаю, Бев. Правда, не знаю.

Беверли сочувственно выдохнула:

— Ты не должна решать это прямо сейчас, Келли. Отдохни эту ночь. Или несколько. Насладись своими кровавыми фильмами, вредной едой и собакой. Не беспокойся о нем.

— Так и сделаю.

— Хочешь, чтобы я приехала?

Келли покачала головой, хотя Беверли не могла этого видеть:

— Не сегодня. Но, может быть, завтра мы поедем за покупками? Папины средства теперь у меня. Я могла бы раскошелиться и сделать прическу, а также найти сексуальное платье.

— О, вот это настрой, — рассмеялась Беверли. — В половину второго? Я могу оставить малышей у сестры, и мы даже посмотрим фильм и организуем поздний обед или ранний ужин. Что угодно с «Маргаритой».

— Звучит идеально. Наденем удобную обувь. Я планирую потратиться.

Беверли издала хриплый звук:

— Мне нравится, когда женщина говорит о возможности спустить немного денег.

Келли засмеялась. Таймер предварительного нагрева на духовке отщелкнул:

— Хорошо, я собираюсь слиться с нездоровой пищей в единое целое.

— Хорошо, позвони мне, если тебе что-нибудь понадобится.

— Хорошо. Спокойной ночи.

— Спокойной.

Келли повесила трубку, выложила пиццу на поднос и поставила ее в духовку. Она позволила Цезарю выйти на задний двор, чтобы он немного побегал. Затем вытащила свою последнюю покупку и уставилась на нее.

Простая белая коробка чуть длиннее ее ладони. Один угол с положительным знаком, другой — отрицательным, а посередине слова: «Тест на беременность на ранних сроках». И ниже: «Может использоваться после трех дней задержки».

Келли сделала глубокий вздох. У нее уже была задержка больше трех дней. Шел девятый. Дело не в том, что у нее никогда не было задержек. Случалось. В основном, в экзаменационные недели, но сейчас все по-другому. Она никогда не спала ни с кем в течение месяцев до последней недели. Она знала, что, если она не носит следующего младенца Иисуса, то ее задержка — лишь следствие стресса, а не беременность. Возможно, она слишком беспокоилась об этом. У Келли были все основания для стресса.

Она также знала, что последние несколько недель были заполнены дикой любовью. Вырвав пластик из коробки, девушка направилась к ванной. Она и не догадывалась, что десять минут могут длиться так чертовски долго. Пицца должна была готовиться дольше. Келли обходила по периметру свою небольшую ванную комнату и ждала.

Что она будет делать, если беременна? Она все быстро посчитала в голове. К выпуску в колледже она уже будет приблизительно на двадцать восьмой неделе. Среднестатистическая беременность длится от тридцати семи до сорока недель. Если ей удастся окончить колледж, она могла бы родить и откладывать свои ссуды в течение нескольких лет, чтобы заботиться о ребенке. Деньги отца помогут. Кредит за дом уже был погашен. Она может устроиться на временную подработку, и Беверли, возможно, поможет с этим. Эта женщина знала нужных людей.

Лицо Юлия всплыло у нее в голове. Как бы он почувствовал себя, узнав, что у него будет ребенок. Ну, она знала, что он не был бы счастлив. Разозлился бы на нее? Подумал бы, что она сделала это специально? Может, она бы и не сказала ему. Это казалось лучшей идеей. Она не хотела, чтобы он чувствовал себя обязанным.

Не говорить ему тоже было неправильным. Если ребенок действительно будет, то Юлий тоже участвовал в его зачатии. Юлий имел право знать о ребенке. Она представила, на что будет похож разговор. Вначале ей привиделось, как он захватывает ее в объятия, целует и говорит, что все замечательно. Она знала, что это бред. Мечта разваливалась по кусочкам. Его улыбка стала насмешкой, он кричал на нее, обзывал и обвинял.

Ничто из этого не казалось правильным, но ее мозг не хотел придумывать другие возможные сценарии.

— Да уж, от тебя много помохи, — сказала она своему воображению.

Позвонили в дверь.

Она вздохнула. Вероятно, это Юлий. Наверное, он приехал домой и увидел, что дома нет ни собаки, ни Келли. Она взглянула на таймер на своем мобильном телефоне. У нее осталось две минуты. Она переключилась в режим ожидания. Мокрой рукой она случайно задела телефон и скинула его за унитаз.

— Дерьмо.

В дверь снова позвонили.

— Хорошо, хорошо, иду, — пробормотала Келли. Она открыла дверь в ванную.

Цезарь царапал заднюю дверь. Она впустила его, и он потрусил впереди. Звонок зазвенел в третий раз. У кого-то было паршивое настроение.

— Мне все равно, если это Юлий, — раздраженно сказала она. — У него нет пиццы.

Цезарь завыл. Он обнюхал парадную дверь, а затем зарычал. Келли остановилась, положив руку на дверную ручку и посмотрев в глазок. На пороге стоял Каин, его жуткий брат находился позади него слева, другой мужчина, которого она не знала, стоял справа. Она закрыла ладонью рот, чтобы не закричать.

— Привет, гринга (*Прим. обозначение иностранца, чаще всего белого, а еще чаще — североамериканца*), — послышался голос Каина. Древесина не казалась такой уж толстой или безопасной, как следовало бы. — Впусти нас. Нам не нужно все это усложнять.

Почему они здесь? Ее отец мертв. Она ничего не могла решить, что бы между ними не произошло. Действительно ли это имело значение в данный момент?

Келли отступила. Она старалась сохранять спокойствие, насколько это было возможно. Ее глупая часть надеялась, что они просто уйдут, если решат, что ее там нет.

— Ну же, детка, — позвал Авель. Он громко причмокнул губами. — Мы хорошо проведем время.

— Мы знаем, что ты там. Мы видели твою машину. Думала, что если спрячешь ее в гараже, то это поможет?

Вообще-то, думала. Она не ожидала, что кто-то пойдет туда. Прошли недели, когда в последний раз заходили в гараж. Келли до сих пор держала рот закрытым. Она отступила еще на один маленький шаг. Цезарь залаял.

— Хорошо, — сказал Каин. — Сделаем по-твоему, белая сучка, — громкий удар последовал за словами. Кто-то сапогом пнул по двери. Она увидела деревянную скобу и услышала звук скрежета.

Она схватила Цезаря и побежала. Она успела сделать всего пару шагов, когда они сломали дверь. Но девушка продолжала бежать. Ей оставалось только дойти до телефона и позвонить в полицию. Где она оставила его? Она влетела на кухню. Ее кошелек был там.

Цезарь сжался в ее объятиях и выскользнул из рук. Она почувствовала, как чья-то рука обхватила ее локоть. Владение боевыми искусствами заставило ее извиваться и выдергивать руку, чтобы выйти из зоны досягаемости нападавшего. Схватив свой кошелек, она услышала, как человек крикнул, а затем звук сапога, ударающего плоть.

Она услышала скрежет Цезаря, наполненный болью. Она обернулась.

— Оставьте мою собаку в покое!

Кайн и Авель стояли по обе стороны в проходе. Каин выглядел холодным, сердитым и расчетливым. Его брат выглядел так, как будто действительно наслаждался собой. Он схватил собаку и взял одну лапу в руку. Он скривился. Звук ломающейся кости смешался с болезненными криками собаки. Авель облизнул губы.

— Прекратите!

Глаза Авеля загорелись, когда он схватил собаку за глотку.

— Идем с нами, и мы не тронем собаку, — предложил Каин. — Не усложняй.

Келли наблюдала, как Авель взял еще одну лапу. Она вздрогнула от предчувствия.

— Хорошо, хорошо, позволь мне позаботиться о нем.

Кайн покачал головой:

— У нас нет на это времени. Кто-то, вероятно, уже вызвал копов, кто-то вроде хороших соседей? Они будут здесь с минуты на минуту. Независимо от того, что твой отец был преступником.

Келли не знала, что сказать:

— Могу я принести лекарство?

— Какое?

Она придумала ложь так же быстро, как слова вылетали у нее изо рта:

— У меня проблемы с сердцем. Мне нужны лекарства.

Казалось, он обдумывал ее слова:

— Где они?

Она поняла, что он собирается позволить ей принимать мнимые лекарства. Значит ли это, что он хотел сохранить ее жизнь на некоторое время? Это было хорошо? Она посмотрела на яркие глаза и мокрые губы Авеля. Она не была уверена, что быть живой, в конечном счете, хорошая идея.

— В ванной.

— Карлос может принести.

Она покачала головой:

— Там много всего. Помнишь, мой папа умирал? Если вы действительно хотите уйти отсюда до полицейских, мне нужно их взять.

Карлос ухмыльнулся:

— Да, твой папаша убил себя сигарами, прежде чем я смог сделать это с помощью своего пистолета. Позор. Хорошо, Карлос, иди с девушкой. Авель, ты смотришь за собакой. Если она попробует сделать что-нибудь глупое, убей его.

Авель издал небольшой звук, из-за которого желудок Келли сжался. Она вздрогнула и сделала один осторожный шаг в сторону Каина, а затем еще один, пока не обошла его. Он не стал останавливать ее. Другой человек, Карлос, ждал ее возле прихожей, когда она вышла из кухни.

Она открыла шкафчик с лекарствами. Ее пальцы дрожали, когда она просматривала бутылки. Никто не побеспокоился о том, чтобы выкинуть их.

— Что это? — спросил Карлос, глядя на пластиковую палочку на столешнице.

Келли не видела причины лгать. Разве в католичестве жизнь не священна? Может быть, они не причинят ей вреда. Опять же, они стреляли в людей, поэтому, возможно, они не держались рядом с жильцами веры:

— Тест на беременность.

— Ты беременна?

— Еще не знаю.

Он взглянул на тест:

— Хочешь узнать?

Она кивнула, продолжая перебирать лекарства.

— Смотри тогда.

Она подняла тест и посмотрела на значки.

— Ну и?

— Нет, — она бросила тест в мусорное ведро. — Не беременна.

— Может, в следующий раз.

Возможно, это был самый странный разговор в ее жизни:

— Да, может, в следующий раз.

Было около двенадцати оранжевых бутылок, стоявших на полке. Она поочередно взглянула на каждую и нашла ту, у которой была самая изношенная этикетка. Имя ее отца на этикетке было не разобрать. Она взяла ее, чтобы Карлос увидел, а затем попыталась засунуть в карман, но бутылочка выпала из рук.

— Дерьмо.

Карлос выглядел расстроенным:

— Поторопись.

— Ладно, — сказала она, поднимая руки, пытаясь выглядеть как можно более невинно. — Не проблема.

Она наклонилась так, чтобы он обязательно обратил внимание на ее задницу, чтобы она смогла спрятать телефон. Она спрятала его на груди и встала, подняв бутылочку.

— Взяла.

— Пойдем, — он схватил ее за запястье и потащил за собой. Она уже почти не сопротивлялась.

— Идем, — приказал Каин.

— Куда мы идем? — спросила Келли.

— На мою территорию.

— Я не знаю, где это.

Он вытащил из заднего кармана черный пакет:

— И не узнаешь.

Келли не знала, чего ожидать. Она не знала, почему мысль о том, чтобы сидеть с черным пакетом на голове в течение неопределенного промежутка времени, заставила ее дрожать, но это произошло.

— Могу... могу я помочь собаке?

— Нет, — ответил Каин и приказал Авелью. — Убей собаку, давай.

— Нет! — она кинулась к Цезарю, прежде чем поняла, что делает. Карлос схватил ее за талию и потащил обратно. Она боролась, пока оба не упали на пол. — Не надо!

Руками Авель душил собаку. Цезарь пытался выбраться из хватки убийцы. Однако Авель не смотрел на собаку. Он наблюдал за ней. Она посмотрела ему в лицо. Его темные глаза были яркими. У них был тот мягкий свет, который бывает у человека, когда он смотрит на то, что жаждет получить. Она видела, как сухожилия Цезаря напряглись, когда он попытался залаять.

— Пожалуйста, пожалуйста, остановись, — умоляла она.

Никто ей ничего не ответил. Цезарь продолжал брыкаться. Его задняя нога зацепила руку Авеля. Авель ругнулся на своем родном языке и швырнул Цезаря через всю комнату. Цезарь упал на пол и не двигался.

— Нет! — закричала она, пытаясь выбраться, что помочь псу. Карлос схватил ее. Она ударила его ногой по лицу и почувствовала, как его нос хрустнул под ее пяткой. Он зарычал.

Рукой он вцепился ей в волосы и толкнул в спину. Она подняла глаза и посмотрела в темные глаза Каина. Они были странно красивы. Они были не просто карими. Они были цвета виски, меди и земли и выделялись на угловатом лице с высокими скулами и полными губами. В другое время, в другом месте он мог быть красивым, но его черты были искажены холодным гневом. Он выглядел жестким.

— Остановись, — это не звучало как просьба. Он сжал ее волосы сильнее. Она почувствовала резкую боль. — Перестань двигаться, или я застрелю тебя прямо здесь.

Она не слушала, пытаясь высвободиться из его хватки. Она дотянулась до его руки и ухватилась за нее, впиваясь ногтями в запястье. Он зарычал и ударил ее с такой силой, что в голове у нее зазвенело.

В этот момент завибрировал сотовый телефон. Экран засветился под тканью блузки, а затем раздался звонок.

Все трое мужчин затихли.

Каин просунул руку в рубашку. Он не трогал ее. Он не мог сдержать ярость, доставая телефон. Она смогла увидеть имя Майкла на экране. Келли больше не сражалась.

— Загрузи ее в машину.

Они закинули Келли на заднее сиденье, а затем надели ей на голову черный мешок. Кто-то пристегнул ее ремнем безопасности. Это почти заставило ее рассмеяться. Они были готовы вторгнуться в ее дом, навредить собаке и избить ее, но оставлять ее не пристегнутой было слишком противозаконно. Она фыркнула от смеха.

— Что такого смешного, сука? — должно быть, это был Карлос.

— Зачем мне нужен ремень безопасности? — спросила она.

— Чтобы защитить товар, — на этот раз это был Авель. Она узнала этот голос. Его рука похлопала ее по бедрам. Келли вздрогнула.

Каин что-то сказал по-испански. Авель ответил. Его интонация напоминала нытье. Когда Каин отдал ему приказ, его рука поднялась с ее бедра. Очевидно, ее не собирались насиловать в машине.

Пусть это была и короткая передышка, но ей это было необходимо.

Глава 14

Когда Юлий вывернулся к дому Райли Форстера, копы и пожарные уже были на улице. Если бы он соображал нормально, то сразу бы развернулся, как только увидел мигающие огни, но он был охвачен страхом за Келли. Он уже припарковался и пробирался через скопление людей в форме, когда сильные руки оттащили его назад.

Дом был в огне. Воздух заполнили большие облака темного дыма.

— Келли! — выкрикивал он. — Келли!

— Сэр! — кто-то настойчиво повторял.

Он повернулся к голосу:

— Что? — прорычал он.

— Это ваш дом? — полицейский был высоким и хорошо сложенным, но это не тот человек, который держал его. Юлий снова повернулся и оказался лицом к Майклу, который все еще крепко держал его за плечо.

— Отпусти меня, мужик, — Юлий толкнул Майкла.

— Нет, — сказал Майкл. — Ты ничего не можешь сделать, Юлий. Позволь им работать. Ты должен позволить им что-то сделать.

Он покачал головой. Он не хотел позволять им выполнять свою работу. Он хотел найти Келли. Она была там? Она умерла?

— Я должен помочь Келли.

— Ты не можешь, — Майкл встряхнул его. — Юлий, послушай меня, ты не можешь.

— Почему?

— Оглянись!

Юлий моргнул и попытался осмотреться. Его собственное дыхание отдавало грохотом в ушах. Полдюжины пожарных сбрасывали шланги через крышу дома. Кажется, что вода испарялась, прежде чем достигала огня. Некоторые полицейские блуждали по лужайке. Несколько человек разговаривали с парой, в которых Юлий узнал соседей. Они двигались к дому, а затем к дороге.

— Сэр, — повторил офицер. Одна из его рук оказалась на плече Юлия, что разозлило его. Глаза офицера смотрели не на лицо Юлия, а на его жилет и патчи, которые он носил. — Это ваш дом?

— Нет, — огрызнулся он. — Это дом моей жены.

Эти слова ощущались странно на его языке. Он не думал, что когда-либо называл так Келли. Они были женаты в течение месяца и спали вместе большую часть этого времени. Он должен был называть ее женой раньше. Он должен был сказать еще сотни других вещей. Что, если она умерла? Что, если он никогда не скажет ей?

— Вы не живете со своей женой?

— Это был дом ее отца. Он умер пару недель назад от рака. Теперь дом ее, — объяснил Майкл.

— Она была здесь?

Юлий покачал головой:

— Я не знаю. Думаю, что да. Мы поссорились.

— Почему вы поругались? — он достал из переднего кармана блокнот и ручку. Юлий осознал, что это полицейский, и все, что будет сказано и сделано, может быть использовано в суде. Он был почти уверен, что не попадет в тюрьму за подожженный дом, но не думал, что это нельзя использовать против него.

Юлий хотел спросить, почему это важно, почему все это имело значение, но не стал это делать.

— Из-за детей, — это было достаточно близко к истине.

Офицер кивнул в притворном сочувствии. Юлий хотел ударить его. Только холодная рука Майкла на его плече не давала ему сделать это.

— Так вы, ребята, поругались, она ушла, и вы думаете, что она пришла сюда?

— Я ушел, — исправил Юлий. — Я был зол, поэтому и ушел. Я не хотел с ней больше говорить. Я не знаю, куда она пошла или что делала. Я не разговаривал с ней с тех самых пор, как мы разругались.

— Была ли у нее привычка сбегать после ваших ссор?

Юлий запустил руку в волосы:

— Я не знаю. Я... Мы женаты только месяц.

— Ужессоритесь? — офицер во все глаза уставился на Юлия.

— Какая к черту разница? Она там?

— Мы еще не знаем.

Что-то изменилось. Раздались голоса. Юлий смутно услышал «живой» и «раненый». Из парадной двери вышел пожарный, одетый в ярко-желтый костюм. На его руках была собака.

— Цезарь!

Он сделал еще один шаг вперед. Офицер последовал за ним:

— Это ваша собака?

— Да, — сказал он. — Он мертв?

Пожарный покачал головой:

— Сильные повреждения.

— Келли — ветеринар, — сказал он глупо. Юлий протянул руку и коснулся собаки. Он почувствовал тепло. Грудь поднялась и медленно упала. — Почти ветеринар. У нее оставался последний семестр в колледже.

Это не имело значения, но он все равно об этом говорил. Офицер записал это. Видимо, это имело какое-то значение.

— Она бы не оставила его одного. Ей это не нравится. Она всегда говорила мне, что собаки нуждаются в компании. Они не понимают, почему люди уходят.

Офицер снова кивнул и продолжал писать.

— Она там?

Полицейский и пожарный обменялись взглядами. Юлию не нужно было слышать, что они скажут. Никого внутри не было. Юлий сел на землю:

— Она не оставила бы его.

— Даже если бы она злилась на вас?

Юлий посмотрел на офицера:

— Как думаешь, что произошло? Думаешь, моя жена так злилась из-за отсутствия детей, что привезла собаку в дом своего отца и подожгла?

— Вы так думаете?

Юлий дернулся головой в сторону:

— Нет. Конечно, нет. Если бы Келли была такой безумной, она бы просто взяла собаку и перестала разговаривать со мной, — он фыркнул и обнаружил, что может снова встать.

Офицер задал еще больше вопросов. Майкл ответил на большинство из них. Призрак не произнес ни слова. Юлий был слишком занят, решая, что делать, когда он доберется до Каина. Он не сомневался, что у наркоторговца была информация, связанная с исчезновением Келли. Юлий уже задолжал ему за то, что он отправил людей, чтобы расстрелять клуб.

Пожарный дал Юлию небольшой насос и маску для собаки. Тот наклонился к Цезарю. Что-то не так с дворняжкой. Он не просто надышался угарным газом. Его нога висела под неправильным углом, и он не очень сильно поднимал голову. Хотя смог проскулить, когда Юлий спросил его, все ли с ним в порядке.

— Вы слышали, что я сказал, сэр?

Юлий поднял глаза:

— Нет, — признался он.

— Я спросил, знаете ли вы, есть ли у кого-то причина напасть на вашу жену.

Юлий сохранил бесстрастное выражение лица, когда произнес:

— Нет.

Офицер, очевидно, не поверил ему.

— Почему вы спрашиваете? — спросил Майлз.

— По-видимому, некоторые соседи услышали шум до начала пожара. Дверь была взломана.

Юлий провел языком по губам.

— Мне нужно идти.

— Вы никуда не пойдете.

Юлий продолжил идти:

— Ты не можешь меня остановить.

— Черт возьми, я не могу отпустить вас.

— Почему?

— Вы признались, что поругались с женой, и теперь кажется, что она пропала без вести. Это делает вас подозреваемым.

Юлий фыркнул:

— Быть подозреваемым — это не то же самое, что взять меня под стражу. У тебя нет права на это.

Юлий сел на свой байк и завел его. Он не слышал, что сказал полицейский, когда заревел двигатель. Ничего не имело значения. Он знал, где Келли, и он собирался забрать ее. Он услышал, как Призрак и Майлз завели свои байки. Им не потребовалось много времени, чтобы выяснить, куда Юлий направлялся.

Глава 15

У Келли не было возможности видеть, пока машина ехала по извилистой дороге. Ее тошнило. Может быть, из-за удара по голове. Сильная рана головы приводит к таким последствиям. Она не знала, насколько это серьезно (мешала окружающая темнота), но она была уверена, что у нее было небольшое сотрясение мозга.

— Долго еще? — спросила она.

Сначала ей никто не ответил. Они разговаривали, но большую часть времени на испанском. Она же знала только парочку базовых слов, вроде «девочка» и «дом». Эти слова достаточно часто повторялись, так что она поняла, что говорили о ней.

Она отвлеклась, сосредоточившись на линии видимости на самом краю пакета. Келли могла разглядеть свои большие пальцы и линию колен, но ничего больше. По крайней мере, это было чем-то, на чем она могла сосредоточиться, когда узнала, что мир не поглощен темной материей.

— Серьезно, — сказала она, — меня сейчас вырвет.

— Лучше проглоти, — рыкнул Каин.

Она задавалась вопросом, мог ли Каин просто разговаривать, не рыча по каждому поводу, или всегда только в приказной манере? Она вспомнила, что люди, которые чувствуют себя слишком комфортно, приказывая людям, чаще всего оказываются социопатами. Это была неприятная мысль. Она исчезла, когда машина круто повернула, и девушка почувствовала жгучий вкус желчи в горле.

Авель пошумел, и все взорвались смехом. После очередного поворота машина остановилась. Келли оставалась спокойной, пока двери не открылись. Сильные руки вытащили ее из машины. Она ударила головой о дверную раму, и ей стало еще хуже.

Черный пакет оставался на ней, когда ее вели по подъездной дорожке, вроде бы вымощенной измельченными ракушками, и подняли на белую лестницу, которая блестела под ее ногами. Она слышала больше голосов, говорящих по-испански. Доминирующий

тон Каина был легко различим и довольно понятен. Удивительно, насколько вопрос звучал как вопрос, независимо от того, на каком языке он был сказан.

Она пыталась сконцентрироваться на каждом звуке, который слышала, на каждом ощущении, которое чувствовала. Звук раздвижной стеклянной двери, запах хлорированной воды и ощущение кондиционированного воздуха. Жар солнечного света касался спины. Ее босые ноги переступали по дорогим полам. Она все это чувствовала.

Ее повели по винтовой лестнице подальше от солнечного тепла. Когда пакет, наконец, сорвали с ее головы, девушку запихнули в комнату без окон. Там должно было быть темно, но три невероятно яркие лампочки были закреплены в потолке. Слишком ярко. Единственной мебелью был дешевый пластиковый стул, подобный тем, которые ставят возле красочного детского бассейна. Не было даже ведра, чтобы справить свои дела. Не то чтобы она все равно могла это сделать.

Она села на стул и схватилась за голову. Удар был настолько болезненным, что было ощущение, что ее голова просто-напросто пробита. Тепло от лампочек не помогало. Комната как будто вращалась. Ноги были свинцовыми. Она попыталась встать. Ее пульс участился. Все, что она хотела сделать, это свернуться и лечь спать. Келли опустила веки, но перед глазами все равно мелькали яркие пятна.

У нее определенно было сотрясение мозга. Она помнила из книги по анатомии, что концентрация помогала при сотрясении, поэтому она покопалась в своем багаже знаний и начала шепотом бормотать имена.

Чуть позже открылась дверь, и вошел Каин.

— Что делаешь, гринга? — звук закрывающейся двери был слишком громким. Она вздрогнула.

— Повторяю президентов, — ответила Келли. — Кажется, у меня сотрясение.

Он кивнул и открыл дверь. Она не слышала, что он сказал, но через несколько минут он протянул ей пакет со льдом.

Глядя с подозрением, она взяла его и осторожно приложила холод к ушибу на голове, частично облегчая боль. Через мгновение он протянул ей бутылку воды и пару таблеток «Парацетамола».

— Почему ты любезничашь сейчас?

— У меня есть причины, — сказал он и небрежно прислонился к двери. — Принести тебе что-нибудь? Может быть, поесть?

Она покачала головой, и все снова завертелось:

— Нет, спасибо.

Его глаза были темными и блестящими. Он шарил по ней взглядом, когда она принимала лекарство, следил за каждым глотком воды, что она пила. Келли чувствовала себя почти голой в майке и пижамных шортах, поэтому она подтянула ноги поближе.

— Предполагаю, что ты знаешь, кто я.

Келли моргнула. Начало было плохим:

— Каин.

— Верно. Твой папочка рассказывал обо мне?

Она выпрямилась настолько, насколько могла. Было не очень хорошо, но это лучше, чем сидеть как побитая собака:

— После того, как твой брат напал на меня, да.

— Ага-ага. Это Авель. Между нами, у него проблемы, знаешь? Здесь, — он постучал по голове и развел руками, как будто ничего не мог сказать или сделать по этому поводу. Келли не очень ему верила. — У него эти мысли в голове, и он не может ничего с ними сделать. Я имею в виду, что мы выросли в этом дерьяловом городе недалеко от Невады. Дрянное место. Вечные проблемы с мышами. Так что у большинства людей были кошки. Но не у нас. Моя мать ненавидела кошек, поэтому она взяла ту уродливую собаку-терьера. Чертова псина охотилась как кошка.

— Терьеры — хорошие охотники на крыс.

Его улыбка была большой и искренней:

— Так и есть. Мы назвали собаку Фэтч (*Прим. в переводе – «приносить дичь»*). Это казалось хорошей идеей. В любом случае, Фэтч делал то, что делают собаки, и выкопал под куском покосившегося забора ямку между нашим задним двором и соседским. Тот парень, наш сосед, был настоящим безумцем. Знаешь, он был кошатником? У него было три кошки. Он выстрелил в Фэтча.

— Мне жаль, — сказала Келли с сочувствием. Ее мысли вернулись к Цезарю. Она действительно надеялась, что собака в порядке. Он был отличным четвероногим другом.

— Да, мне тоже. Но, видишь ли, Авель действительно разозлился. Так бывает. Кто-то что-то делает, и это просто одолевает его. Он не может остановиться, пока не сделает что-то в отместку. Он был три недели одержим этим мудаком, который выстрелил в нашу собаку. Авель сказал, что собирается что-то сделать. Я имею в виду, что я ему не поверил. Дети часто говорят, что собираются делать всевозможные вещи, например, рыть тоннель до Китая или лететь на Луну. Затем, однажды, он принес мне маленькую коробку и сказал мне открыть ее. Угадай, что было внутри?

От догадки Келли снова стало плохо. Она покачала головой и сказала:

— Не знаю.

— Четыре кошачьи ноги. Все они принадлежали кошкам того парня. И Авель пошел и бросил эту коробку на крыльце того чувака.

— О, мой Бог.

— Верно! — Каин хлопнул по своей ноге. — Он был серьезно настроен отомстить тому парню. И знаешь, что было действительно забавно? Остальные части кошек он принес маме, чтобы показать ей, что он сделал. Знаешь, что сделала она? А? Я скажу тебе. Она приготовила их. Насколько это ненормально?

— Почему ты рассказываешь мне все это? — спросила Келли.

— Думаю, что ты должна знать, что моя семья очень серьезно относится к врагам. Только посмотри, что произошло, когда нашу собаку подстрелили. Можешь представить, что будет, если исчезнут наркотики на несколько миллионов долларов?

Келли поперхнулась:

— Что?

Он приподнял бровь и скрестил руки на груди:

— Ты не знала, не так ли?

— Нет! Боже, я не знала.

— Твой отец никогда не давал тебе эти деньги?

Она медленно покачала головой, стараясь не провоцировать головную боль, которая стучала в ее висках:

— Я работаю больше тридцати часов в неделю, чтобы просто закончить колледж, не набирая долгов. Думаешь, я бы делала это, если бы мой папа дал мне хотя бы процент от этих миллионов?

Он провел языком за щекой. Видимо, она сказала то, что позабавило его, но у нее не было ни малейшего понятия, что именно его рассмешило:

— Он дал тебе мужчину.

Она закатила глаза:

— Он думал, что Юлий спасет меня.

— Спас?

Келли оглядела пустую комнату:

— Еще нет.

Каин цыкнул и покачал головой. Его волосы шевелились при каждом движении:

— Ты забавная девочка. Смешная. Тебе не нужно бояться меня, малышка.

Она подняла глаза на него:

— Хм, я думаю, что если бы ты захотел, то мог бы мне навредить.

Он рассмеялся. Это был удивительно привлекательный звук, богатый и теплый. Опять ее поразило то, что она считала бы его симпатичным в другое время или в другом месте. Он нагнулся к ней:

— Я не хочу причинять тебе боль.

— Поэтому похитил меня? Ты ненавидел моего отца. Отлично, я поняла. Большую часть времени я тоже его ненавидела. Но он мертв.

Каин кивнул, все еще сидя перед ней. Было что-то примитивное в том, как он двигался, он был изящным и грациозным, как будто он думал о каждом своем движении. То, как его мышцы перекатывались под кожей, заставляло ее думать о животном, которое крутилось возле легкой добычи.

— Дело не в твоем отце, малышка. В смысле, это началось с него, конечно. Твой отец украл то, что принадлежало мне. Я думал, что страх его маленькой девочки даст желаемый эффект.

— И как? — спросила она.

Он покачал головой и смущенно улыбнулся:

— Не дало. Твой отец был упрямым человеком.

Смех, который вырвался из ее горла, был темным и сердитым, полным разочарования:

— Да, он таким и был.

— Он выдал тебя замуж за своего мальчугана, думая, что это тебя спасет.

— Видишь, — она сделала глоток воды, — поэтому я не чувствую себя комфортно в твоем присутствии.

Он медленно кивнул:

— Понимаю. Ты и не должна. Но тебе не надо меня бояться.

Эти слова не имели для нее никакого смысла. Может, дело было в том, что у нее сотрясение, или в том, что английский был его вторым языком. Может, он просто пытался запугать ее. Неважно что, Келли почувствовала желание отсесть от него.

Когда он вошел, свет не притушили. Лампы все еще ярко пылали на потолке, как трио летних солнц. На ее верхней губе и спине проступил пот. Может быть, это было частью его плана — зажарить ее до смерти?

— Ты меня убьешь?

Он вяло покачал головой:

— Нет, я не собираюсь тебя убивать. Я потерял много денег из-за твоего папочки и планирую вернуть их.

— Я же сказала, мой отец мертв.

— Да, сказала. И я верю тебе. Я видел похороны. Много людей там было. Так трогательно, — его слова не соответствовали тону. Он сказал это так, как будто читал очень скучный сценарий или еще более скучную книгу. Он поднялся на ноги. — Знаешь, должно быть, это стоило тебе больших денег, чтобы организовать эти похороны. Деньги, которые должны были быть у меня.

Она отодвинулась, садясь глубже на стуле:

— Прости, я не знала.

— Может быть, знала, а может, и нет, малышка. Но это не имеет большого значения, не так ли? Твой мужчина знал. Он был не просто еще одним членом банды твоего отца, не так ли? Он был его правой рукой, его наследником, его маленькой сосущей сучкой. Он знал, что мне было нужно, и вместо того, чтобы заплатить, он женился на тебе. Ему приходилось держать твою красивую блондинистую головку при себе каждую ночь.

Келли сглотнула. Каин тоже сохранял свой тон ровным, но его глаза сверкали от гнева. Если бы она не знала о причинах его ненависти, она бы сказала, что Каин заревновал, но вряд ли это было так.

— Что ты собираешься делать?

— Получить от тебя свои деньги.

Она почувствовала, как пот течет по ее вискам, горячая капля на еще более горячей коже. Она испарилась, не достигнув подбородка. Ее волосы были тяжелыми, такими тяжелыми на голове...

— Как? Ты собираешься требовать выкуп за меня?

Он усмехнулся, и это был нехороший звук:

— У кого?

— Я...

Он поднял палец, прерывая ее. Каин полез в задний карман и достал телефон. Он повернул его к ней. Начала проигрываться видеозапись: перед экраном застыла красивая женщина с микрофоном в руке. Келли заколебалась. За плечом репортерши она увидела знакомые очертания «Наследия». Столб неподвижного дыма был виден за другим плечом.

— О, Боже, — задохнулась Келли. — Что ты сделал?

Он ничего не сказал. Келли действительно не слышала слов. Они просто протекали через нее. Через мгновение она знала, что в баре, который был известен связями с бандой, разразилась бойня. Неизвестно, сколько было мертвых, но в этот момент считалось, что выживших нет.

— Боже, — повторила Келли. — Зачем? Зачем ты поступил так? Они ничего тебе не сделали.

Он вырвал телефон из ее рук и преодолел расстояние между ними. Его лицо приблизилось к ней, темные глаза почти пылали:

— Ты не знаешь, что *они* со мной сделали. Ты хоть имеешь представление, что сделает картель, если я не верну им деньги? Они должны были знать, каждый должен был знать, что никто не уйдет от меня.

— Я не крала у тебя, — тихо сказала она. — Я ничего не делала.

— Очень жаль.

Он сделал один шаг назад — этого было недостаточно, чтобы заставить ее чувствовать себя лучше, но этого было достаточно, чтобы она могла дышать:

— Я...

— Сука, мне надоело слышать, как ты постоянно говоришь только о себе. Я думаю, тебе пора понять кое-что.

Она затахла. Пульс отбивался молотом в ушах. Она так хотела выключить свет и лечь, но ничего не сказала. Этот разговор длился слишком долго.

— Кроме того, что ваша семья очень мстительна и ест кошек?

— О да, кроме того. Видишь ли, потребовалось много сил и времени, чтобы нежеланные дети рабочих-мигрантов смогли пробиться в этот мир. Потребовалось... как вы это называете? Расти. Мы должны были совершенствоваться, чтобы с нами считались.

— Как изменение имени?

Он кивнул:

— Да, как изменение нашего имени. Я имею в виду, что наши родители не были настолько сумасшедшими, чтобы на самом деле написать Каин и Аевель на свидетельствах о рождении. Мы сменили имена сами, но это только часть пути. Мы должны были убедиться, что нас уважают и боятся. Поэтому мы должны были обстрелять бар твоего отца, и именно поэтому я собираюсь использовать тебя, чтобы получить свои деньги обратно.

— Ты все еще не сказал мне, как это сделать.

Он протянул руку и провел сквозь ее золотые волосы. Его голос был низким и угрожающим:

— Есть определенные люди, которые будут платить хорошие деньги за белую девушку, которая будет делать то, что они говорят.

— Собираешься продать меня?

— Что? После истории с кошками тебя это удивляет? — он отпустил ее волосы и отошел от нее. — Я думал, ты умнее.

— Как долго ты собираешься держать меня здесь?

— Все зависит... — он открыл дверь, и желанный холодный воздух проник в комнату, немного облегчая ее жар.

— От чего?

— Как долго мой брат будет хотеть тебя.

Дверь закрылась с мягким щелчком.

Глава 16

Дорога была старой и запущенной. В некоторых местах был щебень вперемешку с сухой землей, в других — больше похоже на песок. Юлий чувствовал все это под колесами своего байка, когда сворачивал. Солнце скрылось за горами, подул прохладный ветер. Обычно такие поездки приносили ему некоторый комфорт. Ощущение, что ты являешься частью мира, отделенной только кожей и джинсой. Но не сегодня. Все, что он мог делать, — это чувствовать, как его сердце колотится в ушах, и то, как его джинсы цепляются за липкую рану на бедре.

Все, о чем он мог думать, — Келли.

Келли с ее светлыми волосами, с которыми она ничего не пыталась сделать. Келли с ее голубыми глазами, взгляд которых мог, как в дикой карусели, из счастливого мгновенно превратиться в задумчивый. Образ ее бледных рук на его груди и ее слез на щеках разрывал его.

Юлий изогнулся, запястье и почувствовал, как байк смешился под ним. Знакомый гул двигателя у его ног был единственным комфортом, который он мог найти, и только потому, что это приближало его к ней. Деревья сливались на скорости сто двадцать миль в час, восемьдесят, когда они поворачивали, и это все еще было недостаточно быстро. Это было опасно, но Юлий не мог успокоиться. Ему просто нужно было добраться до Келли.

Они ненадолго остановились у Майкла, чтобы оставить Цезаря у Беверли, захватить побольше оружия и обеспечить себе алиби в том, где они были, когда клуб был атакован. Затем они оставили цивилизацию, чтобы использовать давно забытую дорогу.

Он последовал за бледной спиной Призрака, который больше не носил патч. Он протянул руку, почти такого же цвета, как луна на небе, и все трое остановили свои байки. Он слышал угасающее эхо их двигателей через долину.

— Что случилось? — спросил Юлий.

Призрак указал прямо. Юлий последовал за его рукой и выругался. Дороги не было из-за недавно прошедшего дождя. Лента реки скользила по скалам в деревья. Она не была особенно широкой, но достаточно, чтобы они не могли пересечь ее на своих байках. Юлий снова выругался.

— Нам нужно идти, — Майкл хлопнул ладонью по плечу Юлия. Он слез с байка и отвез его к темной линии деревьев, не пытаясь прикрыть. Маловероятно, что кто-то собирался пользоваться этой дорогой, и даже если бы они это сделали, вряд ли они украли бы кучу байков. Юлию было все равно. Он бросил бы каждый байк, который он когда-либо имел, если бы это означало добраться до Келли вовремя.

Вовремя? Что, если она уже мертва?

— Каков план, През? — спросил Майкл, после того как байки были убраны. Он раздал мешки с оружием. Каждый из них весил не меньше тридцати килограммов. Юлий едва почувствовал это.

— Мы идем за Келли, — ответил Юлий. — Убиваем Каина и его сумасшедшего брата и забираем Келли.

Они осторожно пробирались по неосвещенной дороге. Их сапоги скользили по влажной грязи и илу. Запах мокрых животных и сосны доносился до них. Они были

вынуждены идти медленнее. Медленнее, чем хотел Юлий. Их обувь не была предназначена для прогулок по грязной земле.

— Как? — уточнил Призрак.

Юлий почувствовал неожиданный выстрел гнева, прошедший сквозь его тело. Он сделал еще один шаг и чуть не упал:

— Мы убиваем их и забираем ее.

Майкл сжал его локоть. Юлий попытался вырваться. Он споткнулся, и оба мужчины упали в грязь. Это не пахло, как чистая грязь, которую вы могли бы найти на детской площадке или даже на заднем дворе. Это была грязь с запахом сгнивших деревьев и, возможно, животных. Юлий упал лицом.

Злость разгорелась огнем, и он покачнулся. Его кулак встретился с лицом Майкла. Тот откинулся назад и схватил Юлия за раненое бедро. Затем они перестали качаться. Их тела боролись, ветви трещали, грязь обляпала волосы и кожу.

Юлий знал, что у него неприятности. Майкл был большим мужчиной, сильным, и он вырос с отцом, который любил реслинг. С отцом, которого Майкл потерял под градом пуль.

У этого человека был хороший замах, опыт и гнев также были его преимуществом. Но у Юлия была Келли.

— Убирайся от меня! — сказал Юлий. — Просто отвали!

Майкл завыл, низко и сердито. Его лицо было искривлено от эмоций так, что Юлий не узнал в нем человека. Майкл мог быть серьезным, но редко бывал злым. Сейчас это была злость. Это было чудовище, вырвавшееся на поверхность из доброго человека. Юлию было все равно. Это была его вина.

Майкл повалил его на землю, и весь воздух вышибло из его легких. Юлий протянул руку и обхватил горло Майкла. Он так сильно сжал, что Майкл закашлял, но ни один из них не сдался. Майкл ударял его снова и снова, пока Юлий не почувствовал, как резкая боль пронзила его спину.

— Это твоя вина! — закричал Юлий, когда он ударил кулаком Майкла, нацелившись на почку. Должно быть, он попал или, по крайней мере, был близко, потому что мужчина резко дернулся на нем.

Раздался выстрел. Двоих мужчин замерли. Они оба оглянулись на звук выстрела. Призрак стоял с большой винтовкой, которую использовал Вик в баре, ее ствол дымился в прохладном ночном воздухе. Он снова взвел курок.

— Остановитесь, — единственное слово прозвучало низко и четко.

— Мужик, какого черта ты делаешь? — спросил Юлий.

— У нас нет времени, — Призрак навел на них оружие. — Поднимайтесь. Сейчас же, — добавил он, когда они засомневались.

Майкл и Юлий помогли друг другу подняться. Майкл поднялся первым и протянул грязную руку Юлию.

— Келли нуждается в нас.

— Она бы не нуждалась, если бы не он, — выплюнул он. Он даже не знал, что был зол из-за этого, пока эти слова не вырвались из его рта.

— Какого черта ты говоришь? — спросил Майкл. — Каин забрал ее. Не я.

— Где она была, Майкл? — спросил Юлий. — Почему не у меня?

Майкл не отвечал в течение минуты. Он сжимал и разжимал кулаки. Юлий знал, что тот подумывает об ударе.

— Проехали, — огрызнулся он.

— Я не знал, что она убежит, — прорычал Майкл.

— Я думал, ты знаешь ее. Думал, что вы двое близки и все такое, ведь она проводила столько времени с твоей семьей. В смысле, эй, догадываюсь, это не твоя вина. Не то чтобы она постоянно сбегала от проблем... ой, подожди. Это именно то, что она делала, —

Юлий откинулся назад. Он подошел, вытягивая подбородок, чтобы он мог видеть лицо Майлса, а не шею. — Она бежит, когда больше не может терпеть.

— Тебе не нужно было делать то, что я сказал.

Юлий не мог возразить:

— Ты прав, не должен был. И это делает меня виноватым тоже. Я был настолько глуп, думая, что ты знаешь ее лучше, чем я. Я имею в виду, черт, я разговаривал с ней месяц? Может, шесть недель? Я даже не знаю.

Майлс провел грязной рукой по самой чистой части своих джинсов, а затем по лицу, отчистив его от большой части грязи. Троє мужчин стояли там в тишине.

— Ты любишь ее?

Юлий вздохнул:

— Я не...

— Мужик, не е*и мозги, ты любишь ее? Ты собираешься напасть в ночи, имея только пушку и трех мужчин. Это не похоже на действия человека, который не любит.

Юлий понимал, что он прав:

— Да, наверное, да.

— Тогда давайте выясним, как мы это сделаем, потому что если мы умрем, это не поможет Келли.

Призрак опустился на влажную грязь и нарисовал карту. Следующие тридцать минут они разрабатывали план атаки. Юлий использовал свою бандану, чтобы вытереть грязь с лица и после перераспределил оружие, чтобы у каждого были запасы.

— Как долго вы думаете нам идти? — спросил Юлий. Уже потемнело. Это было бы небольшим фактором в их пользу, когда они доберутся до поместья Каина.

Призрак посмотрел через плечо на путь, который только он мог видеть:

— Три часа, может, четыре.

— Девять, — сказал Юлий. — Когда мы доберемся до места, Келли уже будет там девять часов.

Майлс поднялся:

— Если бы он хотел убить ее, он бы оставил ее в горящем доме. Она жива. И, вероятно, будет живой какое-то время. Все, что нам надо, — поторопиться.

— И перестать бить друг друга в лицо, — предложил Юлий.

— И перестать бить друг друга в лицо, — Майлс кивнул. — Для справки: у тебя ужасный хук справа.

— Пофиг, — Юлий последовал за ним. — У тебя широкое лицо.

Маленькая группа мужчин ступала друг за другом, поднимаясь в гору. Это был изнурительный поход. Нога Юлия уже была повреждена, и его плечо болело под повязками. Добавьте к этому тридцать лишних килограммов оружия, крутой уклон и чистое неподдельное истощение, и это будет четыре часа ада.

Он старался не думать, сколько еще шагов надо сделать, сколько минут потребуется, чтобы дойти. Он думал о Келли.

Он бы отправил ее на учебу, когда придет осень. Она могла бы пойти и выучить все о животных всего мира и узнать, как их лечить. Она бы не работала во время учебы, он бы позаботился об этом. Если бы он мог, он бы сделал все, чтобы ей не пришлось заботиться о соседях и всех их вещах. Может, он дал бы ей питомца для компании. Не Цезаря. Этот парень везде лезет. Может быть, что-то маленькое, как песчанка или что-то в этом роде (*Прим. маленький грызун из семейства мышиных*). Она любит песчанок? Он не мог представить, чтобы Келли не любила какое-либо животное.

Его мысли вернулись к разговорам, которые они вели в перерывах между сексом. Ей всегда нравилось говорить, пока они отдыхали.

— Я хочу всего по чуть-чуть, — сказала она, ее кремовые бедра все еще касались его. Его руки танцевали по ее телу, все еще желая почувствовать вес ее груди в ладонях.

— Всего? — спросил он ее. — Например? Половина Ноева ковчега?

Ее смех был таким ярким, таким живым и блестящим. Прелестный носик сморшился, а грудь подпрыгнула в его руках:

— Полагаю, что так.

— Не знаю, — его руки прошлись по ее соскам, заставляя ее бедра качнуться в ответ. — Кит займет много места. Мне бы не хотелось чистить этот танк.

Затем она перекатилась и посмотрела на него. Именно в этот момент он понял, насколько она прекрасна. Не просто горячая. Она была такой с шестнадцати лет, нет, она действительно была красива. Это была красота, которую не может запечатлеть фотография — она идет из сердца.

— Хорошо, по правде, я бы хотела иметь небольшой зоопарк. Собака, кошка, птица, змей.

— Любишь змей?

Она кивнула:

— Я люблю животных.

— Не против кормить их этими маленькими мышками?

Она ухмыльнулась:

— Я работаю в ветеринарной клинике. Я и раньше кормила больших змей мышами. Он перекатился на нее, жадно накрывая ее тело:

— Это горячо.

Еще один яркий смешок:

— Я не вникаю в психологию.

Его губы скривились в улыбке, как будто он уже поднялся по склону горы. Он не лгал, когда сказал Майклу, что любит ее. Это было связано не только с тем, как хорошо она чувствовалась, когда он скользил в ней, не с ее стонами или ругательствами, которые вылетали из ее симпатичного рта. Он любил ее.

И Каин забрал ее. Кто знал, что сейчас делают он или его жуткий младший брат. Юлий вспомнил, как Авель наблюдал за ней во время свадьбы. Это был нехороший взгляд. Это был тот же больной взгляд, которым его отец смотрел на пуму.

Ноги Юлия не могли нести его достаточно быстро.

Глава 17

Прошли часы. Или минуты. Невозможно было сказать из-за света ламп. Ее бледная кожа уже давно покраснела, а затем сгорела под ультрафиолетом. Бутылка с водой была уже пустой, и все, что она могла делать, — прижаться к земле так, чтобы голова была в той небольшой тени, которую отбрасывал пластиковый стул.

Келли не вздрогнула, когда дверь открылась. Она просто лежала и ждала, что будет дальше.

Юлий был мертв. Больше ничего не имело значения. Он не придет за ней. Не будет ни белого коня, ни прибывшей в последнюю минуту кавалерии байкеров. Слезы давно высохли, оставив полосы на ее лице. Он был в клубе, и там не осталось выживших после перестрелки.

Погиб Чарли. Она как будто потеряла второго отца: это высокого парня с густой бородой и добрыми словами. Майкл — ее суррогатный братец и друг, с которым она дружила многие годы; Вик, который научил ее драться. Красавчик Кен и даже спокойный Призрак. Они мертвы, все мертвы. Была ли там Беверли? Сэди? Было слишком легко представить, как длинноногая девушка забежала туда, чтобы встретиться с Юлием и получила пулю.

Эта мысль не принесла Келли утешения Ей, возможно, не нравилась эта женщина, но она не хотела, чтобы ей было больно. Все, чего хотела Келли, это вернуться вовремя и сказать Юлию заткнуться и удержать ее. Может быть, тогда он не был бы в клубе, может

быть, он был бы дома в безопасности, в ее руках. Юлий никогда больше не будет в ее руках. Если бы жара не украла ее слезы, она бы снова закричала. Как она могла быть такой глупой? Она знала, что Каин искал ее.

Послышался звук каблуков, и Келли, наконец, подняла глаза. Первое, что она увидела, были ноги. Длинные, гладкие, идеальные ноги. Сердце Келли застучало сильнее. Она села и увидела остальную часть женщины.

— Сэди? — Келли изо всех сил попыталась встать, но голова закружилась, и девушка присела на стул. Он был мягким, слишком мягким под ее телом, словно медленно таял. Может быть, так оно и было. — Что ты здесь делаешь?

— Боже, я думала, ты умнее, — горечь была достаточно густой, чтобы ее почувствовать.

Голова Келли закружилась. Она не знала, что об этом думать:

— Я не понимаю.

— Да? — Сэди сделала небольшой круг вокруг стула. — Боже, здесь жарко. Я не знаю, как ты выносишь это.

Келли моргнула. Она не могла выносить это. Ей просто не давали выбора.

Сэди провальсировала к двери, звук ее каблуков эхом отражался в голове Келли. Ее ухоженная рука постучала в дверь. Та распахнулась:

— Эй, можем ли мы выключить свет? Я имею в виду, я люблю загар, как и любая девушка, но это довольно смешно.

Спустя мгновение свет выключили. Келли с облегчением хныкнула. Без жары, давящей на нее, она начала думать.

— Ты... — ее горло было сухим и колючим. Она сглотнула и снова попыталась. — Ты работаешь с ними?

— Бинго, — Сэди махнула рукой, на ее пальцах сверкнуло несколько дорогих колец.

— В смысле, чего ты ожидала? Что я буду ждать идиота Юлия? О, пожалуйста. Я знаю себе цену.

Келли не была уверена в этом, но у нее не было сил спорить:

— Что случилось?

— Что случилось? Я стала играть за другую команду. О, никаких девчонок, прости, сладкая. Речь не о той команде, о которой ты могла подумать. Но на его месте я бы пошла за кем-то более симпатичным.

Сэди немного наклонилась и содрала кусочек кожи с лица Келли. Келли поморщилась. Она чувствовала липкую жидкость, стекающую вниз по подбородку — кровь.

— В смысле, взгляни на себя, — продолжила она, — ты просто... здесь. Ок, ладно, ты ходила в колледж. Ну и что? С деньгами это может сделать кто угодно. Абсолютно любо й. Но вернемся к тебе. На вашей свадьбе мне в голову пришла идея. Там была ты, одетая в какое-то устаревшее платье, с дурацкой прической. Что я должна была делать, когда Юлий действительно захотел взять тебя в жены? Я пыталась, не пойми меня неправильно. Я действительно пробовала. Я предложила ему все, что ты не хотела делать, но думаю, что ты все-таки сделала практически все.

Боль в щеке заставила Келли мыслить:

— Ты не просто так рассказала моей маме о похоронах, не так ли?

— Может, ты и умная, — скривилась Сэди. — Все пошло не так, как планировалось. Ты должна была убежать от своей мамы в ожидающие руки парней Каина. Но нет, тебе нужно было делать то, что ты всегда делаешь — все усложнить, не так ли? Но я быстро сообразила и заставила Рамона прийти за тобой. Это почти сработало, но нет, этот жуткий Призрак за всем присматривал. Боже, мне жаль, что меня не было там, чтобы пристрелить его. Он все испортил.

Келли закрыла глаза и собрала все мысли в кучу. Ее голова уже не так болела. Это хороший знак, так?

— Что еще ты сделала, Сэди?

Это была легкая приманка, и Сэди купилась:

— О, я начала рассказывать Каину обо всех встречах. Каждый раз, когда клуб собирался вместе. Эта перестрелка должна была произойти несколько недель назад, но Юлию нездоровилось, — она ухмыльнулась, пока ее красивое лицо не исказилось. Или, может быть, это была настоящая Сэди.

— Но ты не получишь Юлия, — сказала Келли. — Он мертв.

— Думаешь, мне нужны твои объедки? Нет, это больше связано с местью, понимаешь? Я имею в виду, я хотела Юлия годами, черт возьми, годами, и что происходит? Появляешься ты со своим разбитым лицом и рассказываешь о том, что на тебя напал Авель. Боже, разве ты не знаешь, как быть независимой женщиной? Тебе действительно надо было выйти замуж, чтобы большой сильный мужик позабочился о тебе? Спасибо, что все испортила, милая.

— Я не...

— Да! — огрызнулась Сэди. — О, да, ты сделала это, сучка. Ты использовала свои большие голубые глаза, чтобы увести его подальше от меня! Я заполучила его, черт возьми, почти заполучила!

Келли сглотнула и подняла подбородок:

— Он говорил о тебе, знаешь.

Ее отчаянная надежда была почти ощутимой:

— Что он сказал?

— Что ты был хороша собой, или, может быть, он сказал, что ты горячая, я не помню, что конкретно. Но он думал, что на тебя приятно смотреть.

Сэди выпрямилась. Ее рука упала на гладкое бедро:

— Готова поспорить, что так он и сказал. Я хорошо выгляжу. Лучше, чем ты, по крайней мере. Я стараюсь.

— Да, он сказал, что ты хорошенъкая, но он бы никогда к тебе не прикоснулся.

Лицо Сэди окаменело. Она набросилась и сильно ударила Келли по лицу. Ее уже сожженная кожа горела в агонии от удара:

— Лгунья! — закричала Сэди и снова ударила ее. — Не лги мне!

— И он слышал от других ребят, что ты бревно. Просто лежала там, не предлагая ничего взамен. Разве ты не знаешь, Сэди? Если бы парень хотел лечь с тем, кто ему не отвечает, он бы просто взял резиновую куклу.

Сэди снова ударила ее. Вероятно, Келли не стоило ее злить, у этой стервы, кажется, началась истерика.

— Закрой свой рот! — закричала Сэди. — Сейчас же!

Келли почувствовала большой азарт, когда выплюнула:

— Он назвал тебя токсичной. Сказал, что даже если бы не было меня, то он никогда бы не прикоснулся к тебе. Ты, возможно, заразная. Мужики тобой пользовались и шли дальше.

Сэди издала опасный крик и прыгнула на Келли. Она могла сделать, что угодно, но ее прервал звук открывающейся двери. Двое мужчин вытащили ее из комнаты. Один из ее каблуков зацепился и слетел у двери, оставив Келли дюйм свободы.

Ей нужно было двигаться, ей нужно было выбираться отсюда прямо сейчас. Прежде чем она даже успела додумать мысль, Келли бросилась к выходу. Ее пальцы обвились вокруг тяжелой двери. Она была сделана не из дерева, а из металла. У кого, черт возьми, были металлические двери в доме? Она надавила, и дверь открылась. Холодный воздух наполнял пространство, мчась по ее телу. Энергия разлилась по ее мышцам.

— Эй! — раздался голос. — Эй!

Она не слушала, просто бежала и бежала подальше от голоса. Она не знала, где она, но было похоже, что где-то сверху. Выход должен был быть внизу. В холле было много красных ковров и больших картин на стенах. Большинство из них были массивными

фотографиями модных автомобилей, но некоторые из них были именно картинами. Станный микс стилей, но все цвета были связаны друг с другом.

Ее босые ноги издавали очень мало звука, когда она неслась по коридору. Было так много дверей, шесть с одной стороны, пять с другой, все они были закрыты. Она слышала, как за ней бегут. Она выругалась и открыла первую дверь, закрыв ее за собой. Она закрыла глаза и помолилась, чтобы они ее не нашли. Тяжелые шаги прозвучали мимо нее, и Келли выпустила воздух из легких.

— Эй, чика. Зашла поздороваться?

Кровь Келли застыла в жилах. Она не хотела смотреть, но не могла себя остановить. Это была спальня, с той же пышной красной дорожкой, что и в коридоре. Стены были окрашены в глубокий черный цвет. Она медленно повернулась, чувствуя твердую поверхность двери за спиной.

Авель сидел на двуспальной кровати. На нем были шелковые пижамные штаны. На его обнаженной груди было больше татуировок, чем самой кожи. Единственное окно в комнате было скрыто каким-то пластиком так, что внутрь не попадал солнечный свет. Было темно.

Но не достаточно темно, чтобы скрыть мерцание металла на краю простыни. Она увидела, как под матрасом выглядывает какая-то система креплений. Ее разум представил ужасные образы того, что сделал бы такой человек, как Авель, с человеком, пойманым в этих креплениях.

В стороне был длинный стол. Она распознала некоторые разновидности хлыстов и других грубых игрушек, которые продавались, наверное, в каждом магазине для взрослых. Остальные меньше всего подходили для игр: длинный нож с изогнутым лезвием, кожаный ремешок с бисером на конце и дубинка.

— Я ждал тебя, — проурчал он, как будто планировал соблазнить ее.

Она не хотела знать почему.

Келли схватилась за дверную ручку и потянула. Она почти открыла ее, когда он налетел на нее и закрыл дверь, используя свой вес. Девушка скользнула на пол. Он потянулся и закрыл замок.

— Я только закончил разговаривать с братом о том, как сильно хочу провести с тобой время, прежде чем он продаст тебя, — он гладил дверь, а затем обнял ее за плечи. Авель поднял ее вверх, пока она не оказалась в ловушке между его телом и дверью. Он не был высоким человеком, совсем нет. Но достаточно высоким, чтобы когда он смотрел на нее, она видела только его лицо. — Он сказал, что я не могу заполучить тебя. Что ты должна быть чиста, когда он передаст тебя.

— Пожалуйста, не надо.

— О нет, видишь ли, я верю в божественное пророчество. Только я думал обо всех вещах, которые хочу сделать с тобой, как ты появляешься в моей спальне. Из всех дверей, которые ты могла открыть, ты открыла мою.

Его руки скользнули вверх и вниз по ее рукам. Ей стало плохо. Она попыталась уйти, но идти было некуда.

— Твой брат сказал «нет».

— Лучше попросить прощения, чика, чем разрешение.

— Это неправильно.

— Ты знакома с моим братом, тебе лучше знать, — он схватил ее и поднял с пола. Она боролась, но его руки были как тиски. Ей хотелось сражаться, ей хотелось бороться, но ее тело почти не слушалось. Она так устала. Она была так близка к побегу.

Авель бросил ее на кровать, она попыталась скользнуть на пол, но он схватил ее и снова бросил. Когда Келли попробовала второй раз, он схватил ее и с силой швырнул в темную стену позади кровати.

— Прекрати, — прорычал он. — Ты это заслуживаешь!

— Нет, нет, — казалось бессмысленным спорить, но она не могла остановиться. — Я ничего не делала. Я ничего не делала. Я не крала наркотики твоего брата. Не продавала их. У меня нет этих денег, и я не знаю, как их получить. Все, что я когда-либо делала, это ходила в колледж, и ты напал на меня там.

Внезапно она озверела. Он все начал. Именно он был причиной того, что она, испугавшись, вернулась домой, и произошло то, что произошло. Он напал на нее и еще думал, что она заслужила все это? О нет, нет, ни за что.

Она дернула ногой вверх, ударяя его в подбородок коленкой. Его голова откинулась назад, но он не отпустил ее. Она сделала это снова, сильнее. Келли почувствовала, как что-то хрустнуло. Его руки дрогнули, и этого было достаточно, чтобы она вырвалась из его рук.

Девушка упала и поползла через кровать, ткань белья все усложняла. Она продолжала скользить назад. Келли вскарабкалась на кровать и почувствовала, как его руки обхватывают ее талию, отталкивая ее назад. Он упал на нее сверху, придавливая к матрацу. Он опустил пах к ней, и она почти вырвалась.

— Нет, — прорычала она. — Нет, нет, нет.

Она протянула руку, пытаясь найти что-нибудь. Ее рука обернулась вокруг холодного металла тяжелой пряжки в конце длинного ремня из нейлоновой лямки, когда Авель схватил ее и перевернул. Его тело все еще фиксировало ее. Она боролась, но это только заставило его издавать звуки наслаждения. Ее определенно сейчас стошнит.

Она позволила ему исследовать ее грудь, его пальцы хватали, щипали и дергали кожу. Когда он отвлекся, она качнулась и ударила прямо в висок. Он застонал. Выругавшись, Авель схватил ее за запястье. Она снова ударила. У него появился синяк, делая его загар похожий на грязную медь.

Келли отстранилась, и он потянулся за ней:

— Вернись сюда.

— Нет, — сказала она. — Не вернусь.

Она вскарабкалась, чтобы открыть дверь, и он ударил достаточно сильно, чтобы вырвать ручку из ее руки. Это было громче, чем должно было быть, как взрыв. Авель повернул голову, и она ударила своим лбом его в висок. Он издал сдавленный звук и споткнулся.

— Я возьму тебя.

— Нет, это не так.

Она потянулась к секс-игрушкам, схватила дубинку и ударила из последних сил. Голова Авеля дернулась в сторону. Он упал, ударился о пол и остался лежать там. Келли не нужно было проверять, что он мертв, она поняла это по тому, как он упал на пол.

Не теряя времени, она развернулась и выбежала из комнаты.

Она ничего не видела, потому что ей было плохо. Она распознала лестницу и бросилась по ней, особо не заботясь о том, куда та приведет. Она услышала крики людей и запах дыма и остановилась, чтобы осмотреться.

Она была в какой-то столовой. Перед ней стоял длинный стол, украшенный хрусталем. Бледный свет верхней лампы подсвечивал вазы и чашки. Она знала, что это не какой-то верхний свет, который заставлял их выглядеть как расплавленный огонь на прекрасно обработанной деревянной поверхности. Она подняла взгляд на длинную раздвижную стеклянную дверь. Келли задавалась вопросом, через нее она попала сюда или нет. Должно быть, это та дверь, так как девушка могла видеть красивый бассейн, в самом центре которого располагалась фигура русалки. За всем этим был огонь. Ворота, которые она видела перед собой, были взорваны.

Келли сделала шаг вперед и увидела вспышки стрельбы. Как она не слышала этого раньше?

— Юлий.

Она не понимала, откуда знала, что это он, но она была уверена. Он был где-то там. Он выжил!

— Юлий! — закричала она.

Она уже хотела побежать, как чья-то рука схватила ее за запястье. Холодное дуло пистолета прижалось к ее спине.

— Нет, ты не убежишь.

Кайн подтащил ее к себе и нырнул за стол с хрусталем. Не было ничего сексуального в том, как он обнял ее и держал на месте.

— Ты его не убил, — смех, который выходил из ее рта, был диким и безумным. — Ты думал, что убил, но ты этого не сделал, и теперь он здесь, чтобы спасти меня.

— Заткнись, — прошипел он ей на ухо.

Она поняла, что не сможет. Начав раз смеяться, она не могла остановиться. Все казалось безумно веселым. Пистолет, упирающейся ей в спину, факт того, что ее почти изнасиловали, предательство Сэди — все казалось фантастической шуткой. И только глубоко в подсознании она понимала, что нет причин для смеха, но шоку было все равно. Бешеные гормоны и состояние шока — от всего этого она чувствовала себя лучше.

— Прекрати! — Кайн потряс ее. Это только усилило ее смех. Он снова потряс ее, и она стала икать вперемешку с хихиканьем. Он потянулся и дал ей пощечину. — Черт бы тебя побрал, женщина!

Келли перестала смеяться. В ушах звенело:

— Это было не очень мило.

— Ты поможешь мне выбраться отсюда.

— Как?

Он потянул ее назад так, что ее ноги волочились по ковру. Это было не очень приятно, хотя все ее тело чувствовало себя неприятно. Келли ощущала себя больной и уставшей, и все, чего она хотела, это пойти домой и свернуться калачиком рядом с мужем, и не важно, считал ли он себя таковым или нет.

— Так-то, — сказала она своему воображению. Это заставило ее снова фыркнуть, хихиканье скрывало ее беспокойство.

— Что?

Она моргнула и попыталась подняться на ноги:

— Не обращай на меня внимания, я чувствую себя не очень хорошо. У меня было сотрясение мозга, а затем обезвоживание, а потом я думала, что все, кого я знала и любила, были мертвы из-за тебя. Но это не так, ну, ты уже знаешь. Потом Сэди ударила меня, а затем я попыталась убежать. Я убежала прямо в спальню твоего брата, ты знал?

Кайн тем временем привел ее в массивный гараж, где семь блестящих машин выстроились в аккуратный ряд.

— Ого, — сказала она себе под нос. — Красиво.

— Что с тобой не так? Что ты сделала с Авелем?

Он снова потряс ее, и в ее голове все закружилось. Ей очень хотелось, чтобы он этого не делал:

— Вероятно, истерика. Я имею в виду, что со мной не так. Не с твоим братом. Не знаю, что не так с твоим братом, кроме того факта, что он настоящий психопат. Или социопат? Иногда я их путаю. Это значит одно, ты не...

Он снова ударил ее, и она, не думая, ударила в ответ. Она действительно устала от того, что люди били ее, чтобы она не разговаривала, особенно когда они сами задавали ей вопрос.

— Прекрати! — сказала она и махнула ему рукой. — Я устала, и тебе нужно остановиться.

— Я пристрелю тебя.

— Нет, не пристрелишь. Ты только что сказал, что я нужна тебе, чтобы выбраться.

Он зарычал, а она захихикала. Ему не нравилась такая реакция. Отлично, его реакция ей тоже не нравилась. Люди тоже много рычали сегодня и просто злились. Почти как экзаменационная неделя... но с оружием и взрывами.

— Закройся.

— Что это на самом деле означает? — она задумалась вслух, а он потащил ее к одному из автомобилей. — В смысле, мы закрываем компьютеры, но это значит отключаем. Что значит закройся? Моя мама ненавидела, когда я так говорила, а твоя?

— Что с тобой не так? — повторил он, заталкивая ее в машину.

Она снова хихикнула:

— Я говорила тебе. Истерика. Когда тело подвергается определенному стрессу...

— Заткнись!

Она вздохнула и упала на сиденье. Ей потребовалось мгновение, чтобы понять, что она находится на водительском кресле.

— О, это не очень хорошая идея, — пассажирская дверь открылась, и Каин сел на свое место: — Не думаю, что должна быть за рулем.

— Мне все равно, что ты думаешь.

Она снова откинулась на сиденье из дорогой кожи. Она могла свернуться тут калачиком и заснуть.

— Что с тобой не так? У меня оружие, направленное на тебя. Да, я не могу убить тебя, но я прострелю твои драгоценные руки. Сколько собак ты спасешь своими некомпетентными руками?

Она моргнула. Его лицо пересекали суровые линии. Она подняла руки в капитуляции, прежде чем положить на руль:

— Некомпетентный — не очень приятное слово.

— Ты собираешься спорить о семантике со мной прямо сейчас?

Она хихикнула:

— Не думала, что ты знаешь слово «семантика». Я так горжусь тобой. Хорошо, куда мы едем?

Он нажал кнопку, и двигатель взревел. Она должна была признать, что-то было в том, как лошадиная сила грохочет под тобой. Чувство стиляного руля под рукой и прикосновение коробки передач вызвали у нее скрытый смешок. Она хотела водить эту штуку.

— Просто веди. Вывези нас отсюда.

— Как скажешь.

Он открыл дверь гаража, и она босой ногой надавила на газ. Машина рванула вперед. Ей едва удалось сориентироваться по другим автомобилям и выехать из гаража.

— Святое дермо! — закричала она. — Оно двигается!

— Проезжай мимо разрушенных ворот, — Каин жестом указал направление, и она последовала за ним. Машина была красивой. Юлий мог держать байки, она хотела один из них. Ей едва нужно было прикоснуться к чему-либо, прежде чем почувствовать ответ. Небольшая пробуксовка, и железный зверь проехал по цементной подъездной дорожке мимо русалки через дымящиеся остатки ворот. Каин отложил пистолет и потер виски.

— Хорошо, — сказала она больше себе, чем ему. — Давай посмотрим, что может этот малыш, — она дернула руль влево и сделала крутой поворот.

— Что ты делаешь? — рявкнул он.

— Отправляюсь в плавание!

Он едва поднял пистолет, как машина подпрыгнула над краем бассейна и врезалась в русалку. Вода извергалась отовсюду, заполняя небольшое пространство между ней и Каином. Он потянулся за пистолетом. И она тоже. Каин нашел его первым. Она хлопнула его по руке под водой.

Он выстрелил, но его рука неловко дернулась. Независимо от того, что показывали фильмы, оружие не предназначалось для стрельбы под водой. Это все физика. Шансов, что он выстрелит, было так же много, как и шансов, что он взорвется в руках.

Кровь смешалась с хлором, когда Келли прижалась к двери. Она не паниковала, не сейчас. Хватит истеричного смеха. Больше физики. Вода мешала ей открыть дверь. Может быть, если бы она чувствовала себя лучше, но не сейчас. Она позволила жидкости мчаться вокруг ее ног. Все, что ей нужно было сделать, это ждать, когда давление на ее сторону двери будет равным давлению на другую сторону двери, и вуаля, она откроется.

Она ждала, но Каин нет. Он оттащил ее подальше от двери, подняв пистолет.

— Боже мой, — сказала она, — разве тебе не хватило?

— Когда ты умрешь.

— Мне не нравится это.

Келли ударила по его здоровой руке, и пистолет упал на заднее сиденье. Каин полез за ним, и она налегла на него, чтобы удержать.

— Отвали от меня! — бросил он ей.

— Смешно: это то, что я сказала твоему брату, прежде чем избить до смерти.

Его ярость наполняла машину быстрее, чем вода. Он схватил ее за шею и начал душить. Она пнула его, борясь, но он не был похож на брата. Он был очень злым. Он ударил ее о приборную панель. Ее и так больная спина заболела еще больше.

Зрение стало размытым. Почти забытая головная боль вновь появилась. Все болело и стало неметь. Это не могло быть хорошо. Внезапно Келли поняла, что умрет.

— Прекрати, — просила она.

Он этого не сделал. Он толкнул сильнее.

«Нужно лишь пять фунтов прямого давления, чтобы сломать кость», — подумала она. Нужна лишь небольшая косточка в горле, чтобы человек задохнулся. Предполагалось, что это более опасно, чем фактическое удушье.

— Юлий, — прошептала она.

Вода собиралась вокруг них, поднимая их в салоне. Это помогло с давлением. Каин толкнул ее вниз, и вода залилась ей в уши. Келли сделала глубокий вздох.

— Его здесь нет.

Где-то разбилось стекло. Голова Каина дернулась в сторону. Его ястребиные глаза закатились, а хватка на шее ослабла. Когда его тело наклонилось в сторону, она увидела пулевую рану прямо за глазом.

Она не спешила благодарить за то, что могла дышать. Она не могла этого сделать с водой вокруг нее. Келли снова и снова толкала дверь, но та не двигалась с места. Машина погрузилась слишком глубоко, снаружи было слишком много давления. Боже, насколько глубок этот бассейн? Девушка переключила внимание на окно. Оно было автоматическим, а двигатель больше не работал. Она пинала его, пинала и пинала. Оно сдвинулось лишь на полдюйма. Келли просунула в образовавшееся отверстие свои израненные пальца и подвигала немного стекло, но оно заело. Она вздохнула достаточно глубоко, чтобы ее легкие начали гореть. Келли толкала вниз со всей силы. Окно открылось, и она проскользнула через него. Вода не была холодной, она была горячей, и из машины вытекало что-то тягучее. Девушка быстро уплыла от нее. Ее тело поднялось наверх, уже через секунду ее голова была над поверхностью воды.

Очень бледная рука дотянулась до нее. Келли улыбнулась и приняла ее.

— Привет, Призрак.

— Келли, — кивнул он, вытащив ее из воды. — Он мертв?

— Да, — ее сердце замерло. — Ты? Это ты застрелил его?

Призрак покачал головой и указал в сторону. Келли не могла видеть Юлия. Но там, среди деревьев, был проблеск света, в нем едва различим мужской силуэт.

Не думая, она побежала туда. Ее израненные ноги не чувствовали ничего. Цемент сменился сосновыми иглами и ветвями. Она поднималась на холм, даже когда фигура спрыгнула с дерева.

— Юлий, Господи, Юлий!

Он вышел из леса, как темноволосый призрак. Обсидиановые завитки обрамляли его угловатое лицо. Джинсы низко висели на бедрах, как будто были слишком большими, но она видела, что они порваны. И неизменный жилет на груди.

— Иди сюда, — его крепкие руки обернулись вокруг нее, и он поднял ее с земли. Ей казалось, что она летит, когда Юлий кружил ее. Каким-то образом его рот нашел ее губы. Он поцеловал ее, сильно прижав к себе. Теперь она была в порядке. Они целовались, пока у обоих не закончилось дыхание. — Дай мне посмотреть на тебя. Черт возьми, дай мне посмотреть на тебя.

Он взял ее лицо в ладони, и она вздрогнула:

— Осторожно, пожалуйста. Я немного сгорела.

— Келли, что произошло? В машине был Каин? — его тон был резок.

— Он мертв. Ты убил его.

— Я знаю. Но он не один виноват в этом, — ее ответ не усмирил его гнев, мерцающий в его глазах: — Где Аベル?

— Мертв, — прошептала она, заставляя себя сказать это. — Я убила его. Господи...

Сказав это Юлию, она наконец-то ощутила реальность происходящего. Она видела это, смотрела, как падает его мертвое тело. Тем не менее, теперь, когда истина сорвалась с ее уст, она не могла перестать вспоминать это раз за разом. Это было реально. Это случилось. Ноги перестали ее держать.

Руки Юлия сжалась вокруг нее, притянув девушку к груди в утешении. Ее поглотил его запах, она утонула в нем. У нее не было слез, но она всхлипнула. Глубокие горланные звуки разрывали ее, пока Келли не могла дышать.

— Я думала, ты мертв! — он сказала это, и на душе стало легче. — Я смотрела видео о клубе, они сказали, что выживших нет.

— Некоторые действительно погибли.

— Кто? — настаивала она, отступая назад от утешения, которое он предлагал. — Кто мертв?

Он замялся, прежде чем ответить:

— Вик, Кен и другие. И Чарли.

— Чарли? — прошептала она. — Он, правда, мертв?

— Да. Мне жаль, Келли. Правда, жаль.

Она не могла вынести больше сегодня, но не могла не спросить:

— Майкл?

— Он в порядке. И Призрак. Только мы втроем остались.

Она медленно кивнула. Это что-то. Не так много, но сейчас она примет что угодно. Призрак, мальчик, который спас ее, был жив. Он вытащил ее из бассейна. Она не видела Майкла, но была готова поверить Юлию, что он где-то рядом.

— Хорошо, — ей удалось прочистить горло. — Хорошо, я здесь. Ты здесь. Мы не умерли.

— Правильно. Все остальное мы можем восстановить. Ты у меня, Келли. Я здесь. Скажи мне, что произошло.

— Это очень длинная история. Сначала мне нужен врач. Меня ударили по голове. Много раз. Даже Сэди.

Он моргнул:

— Сэди?

Келли поняла, что он не знал. Даже сейчас он не знал всего. Ей удалось рассказать ему, периодически останавливаясь, чтобы объяснить, что она видела и что сказала Сэди:

— Я не знаю, где она сейчас.

— Не важно, — пообещал он. — Важно, что ты в безопасности. Нам нужно идти. Много полицейских, может, не будет, но кого-нибудь точно принесет.

— Хорошо, но мне все еще надо в больницу.

— Все, что хочешь, Келли. Боже, все, что захочешь, — он взял ее руки и поднес к губам, целуя каждый пальчик. — Я люблю тебя. Прости, что не сказал этого раньше. Я люблю тебя.

Она положила свою ладонь ему на щеку:

— И я тебя люблю.

Глава 18

Келли не расслабилась, пока не услышала знакомые звуки больницы. Конечно, в больницах не было столько воплей или криков, но было достаточно, чтобы она прильнула к руке Юлия. Он ответил на все вопросы полицейского. Некоторые ответы были ложью, другие правдой, но все можно было легко забыть, когда доктор отстранила Юлия и начала осмотр, чтобы убедиться, что Келли не собирается умирать.

— Сэр, мне придется попросить вас уйти.

Казалось, что Юлий увеличился в два раза, занимая больше места, чем было на самом деле:

— Зачем?

Доктора это не впечатлило:

— Потому что вы истекаете кровью на моем полу. Идите, пусть вас осмотрят.

Юлий выглядел смущенным:

— Простите. Я неправильно понял.

Доктор смотрела на него, пока тот не вышел из комнаты. Келли откинулась на спинку кушетки. Как хорошо было прилечь.

— Я должна спросить, — сказал доктор, когда дверь закрылась. — Это все сделал ваш муж?

Келли дважды моргнула, прежде чем поняла, о чем спрашивает доктор:

— О нет. Нет. В смысле, мы можем с Юлием покричать друг на друга, но на этом все.

— Могу предположить, что весь тот бред, который он рассказал полицейскому, ложь.

— Что насчет врачебной тайны?

— Насколько это будет возможно.

Келли снова села, ее мускулы заныли в знак протеста. Она устроилась и держалась как можно тише. Она посмотрела в темные глаза доктора, глубоко вздохнула и рассказала ей все, начиная с ночи, когда на нее напали в комнате в общежитии, и до того момента, когда она вошла в отделение неотложной помощи. Она знала, что врачебная тайна прикрывает только некоторые преступления, но ей нужно было рассказать.

— Ну, — сказала она после того, как история закончилась. — Вот что случилось.

— Не знаю, должна ли я тебе поверить или отправить в психушку.

Келли пожала плечами:

— В конце концов, док, это полностью зависит от вас. Вы могли бы пойти туда и позвать полицейского. Федеральные преступления не покрываются врачебной тайной.

— Вы планируете и дальше убивать потенциальных насильников?

— Очень надеюсь, что нет. Все, что я хочу, пойти в колледж, практиковаться и жить обычной жизнью.

Доктор указала на дверь, в которую вышел Юлий:

— Думаете, что получите это с ним?

Келли было не так просто ответить на этот вопрос. Она думала об этом. Был шанс, что если она останется с Юлием, подобная ночь может повториться. На самом деле, шансы были весьма велики. Несмотря на это, Келли не могла заставить себя уйти. Не после того, как он спас ее, и не после того, как он признался, что любит ее.

— Док, я любила этого парня с шестнадцати лет. Я не могу с этим ничего поделать. Но я могу попробовать построить с ним лучшую жизнь.

Доктор снова посмотрела на нее, а затем вздохнула:

— Хорошо, если офицер спросит, я просто скажу ему, что вы придерживаетесь истории своего мужа. Помимо этого, как вы себя чувствуете?

— У меня сотрясение. Оно было не сильным, но авария все обострила.

Холодные пальцы доктора исследовали удар:

— Обострило, да? Вы сказали, что собираетесь практиковаться? Вы доктор?

— Ветеринар, или буду им, когда закончу колледж.

— Еще долго учиться? — спросила женщина. Она выглядела более озабоченной, чем заинтересованной.

— Всего лишь семестр. Я могла бы закончить, но мой папа только скончался, и я вышла замуж, и потом все это...

— Может быть, это хорошая идея. Вы никогда не знаете, как стресс может повлиять на вашу учебу, — она взяла медицинскую карту. — Хорошо, давайте пройдемся по основному. Откройте рот и скажите «а».

Келли все это сделала. Послушали ее сердце, проверили глаза и уши. Было приятно просто делать то, что говорили, отсидеться и позволить кому-то другому действовать. Она сделала слишком много сегодня вечером.

— Дата вашего последнего менструального цикла?

Келли назвала, а затем добавила:

— Но тест на беременность был отрицательным.

— Если вы не возражаете, я хочу убедиться. Вам понадобятся лекарства для всех ссадин и синяков. Я не хотела бы назначить то, что могло бы причинить вам вред.

Келли нахмурилась:

— Ненавижу говорить об этом, но со всем тем, что случилось со мной сегодня, нет никаких шансов, что ребенок выжил.

Доктор пожала плечами и похлопала ее по плечу:

— Лучше убедиться.

Хорошо, что доктор решила сделать тест. В конце дня все, что она могла прописать, это несколько таблеток «Тайленола».

— Что? — спросил Юлий, вернувшись в комнату после того, как ему зашили бедро.

— Почему только «Тайленол»?

Доктор сделала глубокий вдох и посмотрела на Келли. Без единого слова она вышла. Келли потянулась к руке Юлия. Был миллион способов, которыми она могла бы рассказать ему, что происходит. Поэтические высказывания и милые фразы, которые могли бы сработать с другим человеком, но не с Юлием.

— Я беременна, — мягко сказала она. — У меня будет ребенок. Если ты захочешь, то у нас будет ребенок.

Он уставился на нее в недоумении:

— Что? Как?

Она выгнула бровь:

— Я вполне уверена, что ты понимаешь весь механизм действий.

Он вырвал свою руку и начал ходить кругами:

— Я не знаю, что делать. Я не знаю, что сказать. Келли, я сказал, что люблю тебя, и я не отказываюсь от своих слов, но я буду ужасным отцом.

— Почему? — спросила Келли очень мягко. — Почему ты в этом так уверен?

— Мой отец...

Она прервала его, не желая это слушать:

— Твой отец — это твой отец. Он был ужасным человеком, но ты — не он. Мой отец был байкером, бросил школу. Он был преступником, убийцей и вором. Из всех этих вещей я похожа с ним только в одной.

Он открывал и закрывал рот несколько раз:

— Я не знаю, что делать.

— Избавься от этого, — сказала она категорично. В другой день она, возможно, протянула бы ему руки и позволила плакать, но ночь была слишком долгой и весьма эмоциональной. — Потому что ты станешь папой.

Он плюхнулся на место и схватился за голову. Юлий дрожал, она видела это. Она вздохнула. По-видимому, ей все равно придется сделать это. Она протянула ему руку и жестом позвала его.

— Юлий, я люблю тебя. Я так сильно люблю тебя. Ты упрямый, сложный и высокомерный, и ты пользуешься людьми так, как другие пользуются деньгами. Но ты так мало думаешь о себе, когда это так важно. Ты бросился спасать меня, делал необходимые вещи, не зная, что могло произойти. Если это не задатки отцовства, тогда я не знаю, что еще надо.

— Что, если я облажаюсь?

Она сжала его пальцы:

— Тогда я буду рядом, чтобы все исправить.

— Не знаю, готов ли я.

Она притянула его к себе и мягко прижалась губами к его губам:

— Ты будешь готов.

Впервые с тех пор, как она рассказала ему новости, на его лице промелькнуло выражение надежды и счастья. На его губах появилась крошечная усмешка:

— Знаешь, если бы мы еще не были женаты, я бы попросил тебя выйти за меня.

— Что ж, — сказала она, ее губы расплылись в улыбке, — хорошо, что мы это уже сделали.

Глава 19

Запах гамбургеров и хот-догов проносился сквозь летнюю жару. Прошел почти год. Цезарь, мех которого почти отрос спустя долгие месяцы, крутился вокруг гриля, высунув язык и с надеждой виляя хвостом.

— Что ты хочешь? — спросил Юлий, плюхнувшись на соседний стул и скрестив ноги. — Ты же знаешь, что гамбургеры вредны для тебя. Келли говорит это все время.

— Что? — переспросил кто-то, переворачивая мясо на гриле. — Мясо еще ни разу не убило моих собак. Я давал им немного к ужину. Кроме того, что во всем этом магазинном мясе? Тофу?

— Неважно, Иствуд.

Мужчина обернулся, на его груди был патч. Его короткие волосы были наполовину скрыты под ковбойской шляпой. Он отсалютовал Юлию и широко улыбнулся:

— Я имею в виду, что произойдет, если я случайно уроню кусочек на землю?

Цезарь наворачивал круги, его хвост вилял вперед и назад, туда и обратно. Пес лаял, требуя еды, пока толстый кусок мяса не приземлился у его ног. Цезарь готов был схватить его, но золотое пятно опередило его.

Юлий рассмеялся:

— Посмотри на это, старик, щенок опередил тебя.

Молодая собака, похожая на золотистого ретривера, перекатилась на спину на брошенный бургер.

— Сэди!

Щенок, услышав свое имя, произнесенное очень строгим голосом, вскочил на ноги и повернулся. Большой кусок мяса прилип к его меху. Она пронзительно гавкнула, прежде чем зарядить по двору в сторону открытой задней двери и женщины, которая стояла там. Сердце в груди сильно замедлилось, что заставило Юлия задыхаться.

Настоящая Сэди была заперта в женской государственной тюрьме. Видимо, она помогала братьям продавать молодых хорошеных девушки по высокой цене. Юлий не понимал, почему Келли хотела назвать хорошую собаку именем такого ужасного человека, и когда он спросил, она только улыбнулась и пожала плечами:

— Потому что она сука.

У его женщины было странное чувство юмора.

Келли собрала волосы в небрежный хвост с помощью медицинских крабиков. На ее пальце красовалось простое золотое кольцо, соответствующее тому, которое было на его пальце. Ее рабочая одежда была розового цвета, а лицо выглядело покрасневшим и счастливым. Хотя это могло быть из-за ребенка на ее бедре.

Волосы малыша были такими же черными и кудрявыми, как и его собственные, но глаза, которые мерцали на этом крошечном круглом личике, были такими же синими, как у Келли.

— Можешь мне помочь?

На самом деле, это был не вопрос, и они оба это знали. Он наклонил голову к Иствуду и поднял пиво, отсалютовав:

— Человек-гриль, моя женщина хочет меня.

Иствуд снова приподнял шляпу и позвал Сарджента, мужчину среднего возраста, руки которого были покрыты морскими татуировками, включая символ морской пехоты на бицепсе. Он притащил молодого парня, чтобы готовить мясо вместе.

Юлий неспешно направился внутрь, затем остановился достаточно надолго возле задней двери, разговаривая с Призраком, чтобы убедиться, что новые ребята в порядке и ничего не натворили. Сейчас было всего шесть «Адских гончих», и он не очень хотел потерять кого-то из них. Достаточно смертей.

— Эй, — позвал Майкл, когда Юлий вошел в дверь, — твоя жена искала тебя.

— Я слышал. А где твоя?

— Кит здесь, — позвала Беверли из гостиной. Она подняла не только себя и ребенка, но и очень беременный живот. — Мои ноги ощущаются просто огромными.

— Тебе следует отдохнуть, — Майкл пытался помочь жене сесть.

— Я беременна, а не умираю. Хочу салат и пять гамбургеров, — она положила руку на спину. — Юлий, Келли...

— Искала меня. Я слышал, — он остановился и поцеловал Беверли в щеку. — Не позволяй этому дубине помыкать тобой.

— Никогда, — она подмигнула ему и жестом указала на него. — Келли выглядела так, будто готова кого-то придушить.

Он пробрался по коридору и нашел Келли в спальне. Какое-то мгновение он наблюдал за ней. Роды и спокойная жизнь добавили немного округостей к ее бедрам. Он боролся с желанием притянуть ее ближе. Материнство определенно ей к лицу.

Ребенок лежал на кровати, рядом с ним подгузник и крем. Он держал ногу в ручке и пытался поднести ее ко рту.

Келли поправила хвостик, положила ключи в сумку и повернулась к нему.

— Ты звала? — спросил он, небрежно прислоняясь к дверному проему.

— Долго ты шел, — сутилась она. Келли отвлеклась, когда повернулась, чтобы посмотреть в зеркало. — Твоя очередь менять подгузник Чарли. Мне нужно подготовиться к работе.

Юлий ухмыльнулся и подошел к ребенку, вытаскивая пухлую ножку из беззубых уст.

— Привет, паренек.

Он не торопился с Чарли. Ему потребовалось несколько недель, чтобы овладеть мастерством смены подгузника на извивающемся ребенке. Дети, — решил он после первого месяца, — не желали носить одежду или что-то делать. Когда все было сделано, он поднял Чарли, чтобы обнять его. Келли наблюдала за ним. В ее глазах стояли слезы.

— Что? — спросил он. — Что-то не так?

— Ты такой идиот.

Он моргнул:

— Я что-то пропустил. Что случилось?

Она ударила его по руке:

— Ты думал, что будешь плохим отцом. Такой идиот.

Он мягко рассмеялся и обнял ее, прижимая ближе к себе:

— Прости.

— Я люблю тебя, — прошептала она, притягивая его к себе для поцелуя.

— Я тоже тебя люблю.

Конец